

CREATED BY **#1** NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR TOM CLANCY

Tom Clancy's

SPLINTER CELL®

ШАХ И МАТ

ДЭВИД МАЙКЛЗ

Перевод осуществлен SplinterFanGroup:

Роман Немцов, Михаил Дулич, Ян Косаренков

Редакция и оформление: Роман Немцов, Михаил Дулич

БЛАГОДАРНОСТЬ

Название на обложке книги редко рассказывает всю историю её появления. Огромная благодарность упомянутым ниже людям за их энергию и поддержку. Без вас, я бы не написал эту книгу...

Джули, которая была со мной на каждом этапе пути. Как и всегда. Стойкому Тому Колгану, и всем хорошим людям из Penguin Group (USA) Inc. Ванессе, за свою преданность и креативность.

Майклу, за видение и возможности.

Дэвид Майклз/ Грант Блэквуд/

Tom Clancy's Splinter Cell: «Шах и Мат»

David Michaels/Grant Blackwood/

Tom Clancy's Splinter Cell: Checkmate

Пролог

ШАНХАЙ, КИТАЙ, 2003 ГОД

Оглядываясь назад, он бы нашел удивительный способ начать войну. Но, опять же, он не начинал эту войну. Встреча и обнаружение впоследствии информации произошли для него совершенно случайно. Швейцарский психиатр Карл Юнг называл такое синхронностью. Слияния, казалось бы, несвязанных событий, имеющий смысл — скрытыми ото всех, кроме самых взыскательных. Это была сложная концепция, особенно для западного ума, думал Гуань-Инь Чжао.

Были, конечно, результаты в его собственной жизни. Сянци — одно из увлечений, была тренировкой в манипуляции синхронностью. По сути, совершенное владение сянци и его родственника — шахматами, было не более чем выявление схемы, которую пытался скрыть ваш противник, и создание схемы, которую ваш противник не сможет увидеть, пока не станет поздно. Великие игроки сянци никогда не делали ход одной фигурой. Он может на доске двигать пао на пять квадратов, но в сознании мастера, движение пао комбинируется со множеством доступных ходов к его противнику, комбинируется с ответными ходами, и так далее до победы или поражения. Получая удовольствие от того, что сянци мог вдохновить на решение его проблемы, было неудивительным. Все, что ему было нужно — намек на открытый ход и теперь он у него был. Оттуда его разум распространялся через доску, в данном случае через страны. Если бы не слабак отец, который тридцать лет назад покинул Китай в поиске лучшей жизни, он бы никогда не нашел основание в своем замысле. Как и остальной мир, он поверил общественным рассказам, но, конечно же, общественные рассказы обычно порождаются правительством, которые не славятся честностью — особенно русские, природный дар которых — обман, были всего на втором месте по сравнению политиками в Пекине. В Эвенки обрушивается угольная шахта, убивая сотни людей, и мир об этом ничего не знает; русская субмарина тонет в водах Карского моря со всем экипажем и просто перестает существовать; русский отряд смерти крадется по китайской земле, врывается в дом человека и убивает его на глазах его же детей и это называется войной.

«Почему этот секрет должен отличаться? Все к лучшему, — подумал Чжао. — Что может быть лучше, как начать величайшую игру в его жизни, чем с хода, который никто не заметит?»

— Это там, я вам говорю, — сказал старик.

— Ты, уверен в этом? Ты видел это своими глазами?

Старик кивнул.

— Я был там с лопатой, как и все остальные, — мужчина сделал глоток чая и робко

протянул свою чашку, чтобы наполнить её снова. — Я могу вам сказать, что это проклятое место.

— К чему это ты?

— Призраки. Я видел вещи... Очень необычные.

Чжао старался не скрывать улыбки. Старик был на вид взбалмошный. Не смотря на это, его слова были подтверждены; Он был тем, кем себя назвал

— И как, легко найти?

— Так же легко найти, как и собственные пальцы на ногах. Придется, конечно, немного потрудиться, чтобы найти, но все возможно.

— Скажи-ка мне: Ты долго этим занимаешься?

Старик почесал свою макушку.

— Я прожил там двадцать лет. Когда я заболел, я захотел вернуться домой, чтобы меня похоронили на Китайской земле, а не в том мусоре, в котором я был

— И почему ты запомнили конкретно эту деталь? Через все, что ты прошел, ты запомнил ее, почему?

— Потому что я наблюдал за всем, что они делают, и подумал, как они глупы. Я обычный человек, ни умник, какой то и даже я не мог поверить в то, что они вытворяют.

— Кто ещё знает об этом?

В раздумье старик поджал губу.

— Я думаю, многие из них, но большинство мертвы. А те, кто это делал, наверняка делали все возможное, чтобы забыть об этом. Кроме того, кто хотел бы этого?

«И в самом деле, кто?» — задумался Чжао.

— Кто тебе сказал?

— Никто! — сказал старик, застывая в своем кресле. — Мой сын, никто иной.

— Не очень-то похоже на правду, верно, старик? Ты же мне это и рассказывал.

— Все это необычно. Это моя внучка, видите...

— Да, да ... «очень больна», Ты тоже это уже говорил

— Она все, что у меня есть. Я тогда убеждал ее присоединиться ко мне. Я хотел отправить ее в школу, я хотел, чтобы она сделала, хоть что-то для себя. Вместо этого... Они испортили ее. Наркотики. Эти люди. Она не может уйти от них.

«Ну, конечно же, не может», — подумал он.

Подростковая проституция на рынке всегда была прибыльным делом, а в правой стране маленькая, изящная девушка всегда приносит тысячи. Одурманенный или здравомыслящий, клиентам было все равно. На самом деле, когда они под наркотическим действием, ими проще манипулировать.

— Я не верю в сказки. Все они выдуманы. Вы порядочный человек. Вы можете ей помочь.

Он снова наполнил чашку старика.

— Я помогу. Внучка будет с тобой, не пройдет и месяца. Но для начала, ты мне начертишь карту, ведь так?

Старик энергично закивал.

39°00' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ, 74°01' ВОСТОЧНОЙ ДОЛГОТЫ

96 км/час и 9145 метров над Вашингтоном, MC-130H «Комбат Тэлон» начал свой второй час кружения в тёмном ночном небе. Предназначен для скрытой доставки специальных оперативников в секретных зонах, «Тэлон» может летать в дождь, снег, сильный ветер, кромешной тьме, и напичканных радарными местами. Одиноким человек в черном костюме «Немокс», сидящий в грузовом отсеке, не был обеспокоен всем этим. Он на нём летал, прыгал из него, и в некоторых случаях пилотировал, «Тэлон» множество раз в десятках горячих точках доставлял его в целостности и сохранности. Конечно, «доставка» обычно означала сброс во вражеском районе с вооруженными до зубов плохими парнями, желающими его убить. Это его работа.

Этим вечером Сэм Фишер больше всего беспокоился, как бы не умереть от скуки. Он поёрзал на сиденье, пытаясь найти позицию, чтобы ноги или зад не онемели, у него в голове пронеслась мысль, что дизайнеры «Тэлон» специально нашли самые неудобные сиденья. В любом случае, они в этом преуспели.

«Гламур спецгрупп», — подумал он, вытянув ноги и руки.

Между миссиями, чтобы поддержать сноровку, Фишер вызвался испытать один из новых гаджетов «ДАПРА»¹: парашлан БВБР² из радиопоглощающего материала под кодовым названием «Тетеревятник». Помимо военных разработок, Ультра секретный мозговой центр «ДАПРА», в Пентагоне также обеспечивал «Третий Эшелон» гаджетами и оружием, чтобы облегчить работу Фишера и повысить шансы на выживание. Если ничего не случится, то после проверки «Тетеревятник» поступит на вооружение. Ну, это в случае если он на нем не разобьется. Двух часовое ожидание произошло по милости неисправной радиолокационной станции на Род-Айленд, которую возвело «НОРАД»³ для отслеживания (в надежде неудачного отслеживания) спуска Фишера на парашлане «Тетеревятник». Если станция его не обнаружит, то «Тетеревятник» будет функционировать, как первый стелс-парашют, с помощью которого можно совершить

¹ DARPA - Агентство передовых оборонных исследовательских проектов, отвечающее за разработку новых технологий для использования в вооружённых силах.

² БВБР - High-Altitude, High-Opening (прыжок с Большой Высоты и Быстрым Раскрытием парашюта)

³ NORAD - Командование воздушного-космической обороны Северной Америки. обеспечивает контроль воздушного и околоземного пространства Северной Америки, раннее предупреждение о воздушно-космическом нападении, противовоздушной и противоракетной обороны США и Канады.

выброску солдат в 240 километрах от цели, что позволяет им планировать незаметно для радара.

Тогда «Третий Эшелон» возможно, получат первую рабочую модель.

Как подразделению Агентства Национальной Безопасности, «Третьему Эшелону» было поручено проведение тайных миссий, слишком деликатных, либо слишком опасных для традиционных организаций, таких как ЦРУ или обычных Сил Специального Назначения. Как и все оперативники Третьего Эшелона, Фишер был известен как «Splinter Cell», независимый оперативник-одиночка. Фишер не имел понятия о количестве других оперативников «Splinter Cell», да его это и не интересовало. Основой «Третьего Эшелона» была скрытность. Отрицание. Отсутствие следов. Лишь немногие люди знали, куда оперативники «Splinter Cell» перемещались и что они сделали.

Голос ожил в импланте Фишера:

— Для вас входящая информация, майор.

Команда «Тэллона» была осведомлена, Фишер являлся майором Третьего Батальона, Семьдесят пятого полка рейнджеров из Форт-Беннинг, штат Джорджия. Не то, чтобы это их волновало; с учетом характера их работы, команда «Тэллон» не задавала лишних вопросов.

— Соединяй.

— Понял. На пятом канале.

Система связи Фишера сильно отличалась от традиционной гарнитуры, которую он носил до вступления в Третий Эшелон. Система состоит из двух частей, одна из которых — подкожный приемник размером в пятицентовую монету, вживленный под кожей сзади уха Фишера. Имплант обходит путь, по которому обычно идут звуковые волны — через наружное ухо к барабанной перепонке, и посылает вибрации напрямую к крошечным костям внутри уха, их называют косточки, или молоточек, наковальня и стремечко, которые передают сигнал в мозг для расшифровки. Для разговоров Фишер носит липкую заплату в форме бабочки вокруг горла чуть выше кадыка, известную как СВП или субвокальный приёмопередатчик. Обучение использованию СВП требовало умения, которое Фишер назвал бы чем-то средним между шепотом и чревовещанием. Вместе эти части образуют практически бесшумную коммуникационную систему. Фишер постучал по импланту для смены канала, затем сказал:

— На пятый.

— Ожидайте Ксеркса, — прозвучал металлический голос в ухе Фишера, спустя несколько секунд, в течение которых издавались щелчки и гудение из-за шифрования. Ксеркс был начальником и старым другом Фишера, полковник Ирвинг Ламберт, Руководитель Операций «Третьего Эшелона». Послышался голос Ламберта:

— Планы изменились, Сэм.

— Дай угадать, — сказал Фишер. — Мы будем летать, пока не отвалятся крылья.

— С этого момента ты на задании.

Как по команде, Фишер почувствовал резкий крен «Тэлона» на правый борт. Гудение двигателей на уровень возросло, шли на полном газу.

Твой ОПСАТ сейчас обновляется.

Фишер отогнул манжету парашютного костюма, и нажал пальцем на экран ОПСАТа, тот сразу ожил:

//...БИОМЕТРИЧЕСКОЕ СКАНИРОВАНИЕ АКТИВИРОВАНО...

...СКАНИРОВАНИЕ ОТПЕЧАТКА ПАЛЬЦА...

...ЛИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА...//

Экран вспыхнул ярким светом, а затем на нем появилось серо-зеленное изображение спутниковой карты. Биометрический сканер являлся усовершенствованием для ОПСАТа, предназначенным не только для предотвращения использования его посторонними лицами, но и для защиты от случайных нажатий на тачскрин во избежание смены конфигурации. Во время своей последней миссии, Фишер, на ходу обнаружил себя изучающим карту центра Киото, вместо схемы верфей Нампхо, которые он покидал.

— На что я смотрю? — спросил он.

Главный технический специалист Ламберта, Анна Гримсдоттир, ответила:

— Снабжается информацией в реальном времени со спутника КН-12 Кристалл. Ты смотришь на Атлантический океан, 9 километров восточнее Кейп Хаттерас, Северная Каролина. Видишь яркое пятно?

В правом верхнем углу мигало крошечное пятно в форме мяча для американского футбола.

— Вижу. Грузовое судно. И что?

— Вот в инфракрасном режиме.

Экран ОПСАТа померк, затем выдал изображение. Судно окрасилось в красные и оранжевые тона.

— Какое горячее, — сказал Фишер. — Забыли сменить антифриз в двигателе?

Ламберт ответил:

— Хотелось бы в это верить. Радиометрический анализ свидетельствует о ядерном источнике. Мы пытаемся уточнить, но что-то на этом судне, несомненно, радиоактивно.

И оно движется к нашему побережью.

— Радиосвязь?

— Игнорируют все запросы. С данной скоростью и курсом корабль сядет на мель через двадцать две минуты.

С минимальным снаряжением для тренировочного прыжка, что означало отсутствие оружия,

Фишеру пришлось импровизировать. Он проследовал в кабину пилота, где обнаружил, что экипаж уже получил приказ Ламберта. Пилот передал Фишеру свое личное оружие, девятимиллиметровую «Беретта» 92F с дополнительным магазином.

— Далеко еще? — спросил его Фишер. Две минуты прошло после сообщения Ламберта.

— В 48 километрах, сброшу тебя за 8 километров.

— Давай ближе.

Ламберт слушал.

— Ты всегда был хорош в рискованных положениях, Сэм.

— А ты всегда умел говорить приятные вещи.

— У нас по курсу два катера береговой охраны и эсминец ВМФ, но ты доберешься первым.

Пару F-16 стартует из Хомстеда, должны оказаться над головой как раз, когда попадешь на палубу.

«Если попаду на палубу», — подумал Фишер.

Прыжок с парашютом на раскачивающуюся палубу в ночной тьме был рискованным — и смертельным в случае промаха.

— Кто ими командует? — спросил он.

— Министр обороны. Если не остановишь судно, он отдаст приказ потопить его.

— И если судно заполнено тем, чем мы думаем...

— ... то тогда нас ждет экологический кошмар. Удачи.

— Спасибо. Буду на связи.

Пилот сообщил:

— Две минуты до сброса, майор.

«И что же тогда? — Фишер задумался. — Что он найдет там на судне?»

Руки упирались по обе стороны открытой грузовой двери, ноги широко расставлены и напряжены, Фишер смотрел на красную лампочку над головой в ожидании зеленого сигнала. Ветер врвался через дверь, трепыхая грузовую сеть и гремя связанными пряжками. Подложечной ямкой он почувствовал, что двигатели C-130 перешли от монотонного гула на оглушительный рев. Холодный, металлического вкуса кислород шипел, проходя по маске. За дверью он видел лишь тьму, каждую секунду пронизываемую вспышками навигационных огней самолета. Как всегда перед заданием, образ его дочери Сары промелькнул в голове. Он зажмурился, заставив себя вернуться к реальности.

«Сосредоточься на предстоящем», — скомандовал он себе.

Над головой, горевшая красным цветом лампочка сменилась желтым, погасла и загорелась зеленым.

Он выпрыгнул.

Поток воздуха мгновенно подхватил его и прежде, чем он успел сообразить, фюзеляж самолета проскочил в его поле зрения и скрылся. Он считал,

Один....

Два...

Три...

Затем он потянулся рукой через грудь и дернул вытяжное кольцо. Со свистом и глухим стуком раскрылся парашют.

Сэм почувствовал, как его рвануло вверх. Его желудок подскочил к горлу.

Тишина. Свободное падение. Окруженный тьмой безо всяких ориентиров, он почувствовал странное спокойствие. Подвешенным в воздухе. Помимо прыжка, это состояние было самым расслабляющим для десантников. Внезапный переход от ураганных, разрывающих тело ветров до парения в фактически мертвой тишине было потрясающим ощущением.

Он бросил взгляд вверх, чтобы проверить парашют. Тот аккуратно раскрылся и представлял собой клинообразной формы тень на фоне темного неба. В противном случае визуальный осмотр был бы необязателен. Бесконтрольное падение в океан со скоростью 240 км/ч уже бы свидетельствовало о том, что у него проблемы.

Он поднес запястье к защитному стеклу маски и изучал экран ОПСАТа, изображение на

котором сменилось на круговой радар, наложенный на координатную сетку. В юго-западном углу экрана и девятью километрами ниже судно отображалось мигающей красной точкой. Цифры вдоль каждой стороны экрана сообщали скорость ветра, высоту, вертикальную скорость, угол снижения и время до цели.

Он немного переместил вес своего тела, благодаря чему чувствительная к движению подвесная система преобразовала в управление «Тетеревятником». Он слегка накренился на запад, пока его курс не выровнялся с курсом грузового судна.

Он услышал звук шумоподавителя в наушнике, а затем и голос Ламберта:

— Сэм, ты здесь?

— Я здесь.

— Полагаю, что «Тетеревятник» работает так, как было задумано.

— Как я уже сказал, я здесь.

Голос Гримсдоттир:

— Сэм, проверь ОПСАТ; у нас есть информация о судне.

Сэм нажал на экран. Появилась модель корабля, дополненная схемами палубы в разобранном виде и подробностями о корабле:

НАЗВАНИЕ СУДНА/НАЗНАЧЕНИЕ: ТРЕГО/СУХОГРУЗ

ГРУЗОВОЕ СУДНО

ДЛИНА/ШИРИНА: 481/62

ЭКИПАЖ СУДНА: 10

РЕГИСТРАЦИЯ: ЛИБЕРИЯ

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ: БАЛТИМОР

— Минута Вашингтон, — сказал Фишер. — Как удобно.

— Хвала Богу за небольшие чудеса, — отозвался Ламберт.

«Все относительно», — думал Фишер.

Если «Трего» сядет на мель, любой, подвергнувшийся воздействию ее груза, вряд ли назовет пережитое чудесным.

Фишер видел поражение радиацией достаточно близко; эти воспоминания его преследовали. Гримсдоттир сообщила:

— Прогнозируемая точка столкновения — Филс Кейп Лэндинг, южнее Вирджинии-Бич. У тебя четырнадцать минут.

— Признаки жизни на борту?

— Нет. Инфракрасный сигнал слишком горячий, чтобы судить о теплых телах.

Ламберт сказал:

— Лучше считай, что они там есть. Сколько времени тебя отделяет до цели?

— Девять минут.

— Времени совсем мало. F-16 разрешено открыть огонь через четыре минуты после твоего приземления.

— Тогда, пожалуй, мне стоит появиться раньше, — сказал Фишер и отключил связь.

Он резким движением опустил свои трифокальные очки на глаза и включил ночное видение, затем повернулся, опустил голову, выпрямил ноги. «Тетеревятник» мгновенно отозвался и нырнул в направление океана.

Он следил за убывающими цифрами на альтиметре ОПСАТа:

600 метров ... 450 ... 300 ... 150 ... 100.

Он согнул спину и подтянул колени к груди. «Тетеревятник» задрожал. В серо-зеленых тонах прибора ночного видения вырисовывалась поверхность океана, черной стеной заполняя поле зрения.

«Ну, давай ...»

«Тетеревятник» выровнялся и перешел в полет на одной высоте. В приборе ночного видения появился горизонт.

«Считайте это полевым испытанием "Тетеревятника" в экстремальных условиях», — подумал Фишер, и про себя поблагодарил парашют.

Он проверил ОПСАТ. Судно было в трех километрах впереди и немного восточнее. Он наметил путь и снизился до тридцати метров.

Сэм напечатал:

ЗАХОЖУ НА ПОСАДКУ

На экране ОПСАТа вид изменился на каркасную 3D модель «Трего», заключенную в скобки парой мигающих диагональных линий.

Он переключил очки на бинокулярный режим и увеличил изображение на столько, чтобы можно было разглядеть смутные очертания надпалубных сооружений на фоне неба. Движений на

палубе он не заметил. За кормой судна был виден кильватер, вспененный белым винтом. За исключением отличительных огней, повсюду была тьма. Сэм снова увеличил изображение. В трех километрах дальше носа корабля он смог разглядеть темный дым с побережья, а за ним — мерцание огней Вирджинии-Бич.

«Полмиллиона человек», — подумал он.

Он выравнял угол спуска, сверяясь с данными ОПСАТа за 30 метров от кормы «Трего», затем выгнул заднюю часть, поднимая нос «Тетеревятника». Когда он начал планировать и перила кормы прошли под ногами, порыв ветра налетел на «Тетеревятника».

Фишер был отброшен в сторону, оказавшись над водой. Он повернул свое тело. «Тетеревятник» свернул вправо. Он согнул колени, чтобы подготовиться к столкновению.

Удивительно, но столкновение с кормой было не сильным, он приземлился. Плавным движением, он вытянул вверх руку, "выдернул рейку" «Тетеревятника», чтобы свернуть парашан, отсоединил подвесную систему, а затем оттащил его к ближайшей крепительной планке на палубе и пристегнул вытяжным кольцом. Внезапно, справа от себя он услышал рев. Он взглянул вверх как раз вовремя, чтобы увидеть брюхо пролетавшего мимо F-16, сигнальные огни на крыле вспыхивали в темноте. Затем он исчез, поднимаясь вверх и улета прочь.

«Меня предупредили? — Сэм удивился. — Или пожелали удачи?»

Он огляделся, чтобы сориентироваться, постучав по наушнику, сказал:

— Я на борту.

Затем вытянул «Беретту» и побежал к ближайшей лестнице.

Достигнув верха лестницы, он опустил на корточки и нырнул за соседний ящик. Прислушиваясь, он бесшумно крался.

Кроме ритмичного гула двигателей «Трего» и хлопанья брезента от ветра, везде было тихо. Он запросил план корабля на экране ОПСАТа. Он находился на главной палубе; капитанский мостик был на носу корабля, в ста двадцати метрах отсюда. Чтобы туда добраться он мог либо нырнуть в трюм и подойти незаметно, либо пробежать напрямик по открытому пространству. Он предпочел бы первый вариант, но время было против него. Он нажал на имплант:

— Скажи мне кое-что, Гримсдоттир: насколько именно горяч тепловой след корабля?

— Ты имеешь в виду, как долго ты можешь оставаться на борту пока не станешь светиться?

— Ага.

— Трудно сказать, но я бы не засиживалась более пятнадцати минут.

— Полезно знать. Конец связи.

Фишер перевел дыхание и побежал.

В очках ночного видения палуба выглядела как плоский лунный ландшафт, нарушаемый редкими грудками ящиков. Он почувствовал себя обнаженным, незащищенным. Этот рывок по открытому пространству шел вразрез с его инстинктами, но, тем не менее, он был необходим.

«Не думай, — командовал он себе. — Беги».

На полпути до мостика, он поднял глаза и увидел темную фигуру, стоящую на входе в коридор мостика. Фигура обернулась и бросилась в люк капитанского мостика.

— У меня компания, — сказал Фишер Ламберту. — Кто-то на мостике.

— Где один, там и остальные.

«Возможно, — подумал Фишер. — А возможно, и нет. Одна из вероятностей — корабль автоматизирован. Если это так, то человек, которого он видел, возможно, присматривает за сохранением работоспособности корабля».

— Сколько осталось времени, Грим? — спросил Фишер.

— Четыре минуты. F-16-тые вылетели в боевой готовности, в ожидании приказа открыть огонь.

Он достиг надстройки, прижался к переборке, и проскользнул внутрь к подножию лестницы.

Он посмотрел вверх через рейки, в поиске движения. Никого. Выпрямившись, Сэм начал подниматься, переступая через две ступеньки, и не доходя до верха, опустил на живот, ползком преодолел последние три ступеньки, и высунул голову.

Через открытый люк он увидел мужчину, склонившегося над панелью управления, его лицо было залито молочно-белым светом от экрана ноутбука. Он походил на араба. Внезапно мужчина ударил ладонью по ноутбуку и выругался. Из-за воя ветра Фишер не расслышал слов.

Мужчина вновь выругался, и подошел к рулю корабля — на подобии колеса телеги снабженного рукоятками — и наклонился над ним, напряженно, ворча.

Фишер поднялся, прицелился «Береттой», и шагнул в люк.

— Стоять на месте, адмирал. — Крикнул Фишер.

Мужчина быстро повернул голову. Его глаза были широко раскрыты.

— Не дергайся или умрешь на месте.

Мужчина выпрямился и повернулся лицом к нему.

Фишер сказал:

— Отойди от...

Мужчина резко развернулся к ноутбуку.

Фишер выстрелил. Пуля попала туда, куда он хотел — в правое бедро. От удара его крутануло как волчок. Падая, его вытянутая рука зацепила ноутбук, разбивая его о палубу. Со стоном мужчина перевернулся на бок и потянулся к ноутбуку.

«Что он...»

Затем Фишер увидел. С боку ноутбука выступала беспроводная сетевая карта. Он был подключен к чему-то для управления.

— Не двигаться! — приказал Фишер.

Рука мужчины тянулась к клавиатуре. Фишер выстрелил. Как и первая пуля, эта угодила куда надо — прошла через плечо. Он простонал, но по-прежнему продолжал ползти вперед. За исключением его правой руки. Палец мужчины судорожно дернулся и нажал на клавишу «ВВОД».

Сразу же шум двигателей «Трего» изменился. Палуба затряслась под ногами. Раздался голос Гримсдоттир:

— Фишер, судно только что ...

— Ускорилось, я знаю.

Сэм принял моментальное решение. Разочарование того мужчины по поводу рулевого управления подтверждало, что рулевое колесо заблокировано. Это оставляло лишь один вариант.

Он побежал.

— Грим, я направляюсь в кормовую часть по внутренней лестнице. Мне нужно знать, сколько осталось времени и быстрые указания, чтобы попасть в машинное отделение.

— Спускайся на три палубы ниже, поверни направо в проход и держи направление к корме.

Проходы «Трего» были темные, за исключением красного освещения от аварийных ламп. На бегу, в боковом зрении Фишера мелькали трубы и кабелепроводы. Он прыгнул через люки, не останавливаясь, выкрикнул:

— Прохожу столовую.

Гримсдоттир ответила:

— Еще два люка, и ты доберешься до перекрестка. Сверни налево. Машинное отделение находится в средней части судна, в дальней части прохода.

— Время?

— Одна минута, двадцать секунд.

Он достиг коридора, ведущего в машинное отделение, и с заносом остановился. У него был план, однако сработает ли он, Фишер не знал. Так как на всех судах, машинные отделения наиболее уязвимы к огню, поэтому Фишеру было несложно найти шкаф со шлангом. Он рывком открыл шкафчик и выдернул крепежный рычаг. Шланг вместе с барабаном упал на пол. Прозвучал голос Ламберта:

— Одна минута, Фишер. F-16-тые будут целиться в машинное отделение.

«Конечно, будут, — подумал Фишер. — Не то место, не то время, но другого варианта нет».

Каждый «Фалкон» выстрелит парой ракет AGM-65 «Мэверик». Смертельно точный и быстрый «Мэверик» оснащен ста тридцатью пятью килограммовой осколочно-фугасной боеголовкой.

Выведут ли из строя либо потопят, в любом случае, «Трего» будет остановлен.

«Хорошо, что я ничего не почувствую», — утешал себя Фишер.

Он выхватил нож, размотал шланг и отрезал его у основания. На одну руку намотал конец с патрубком, другую руку Фишер использовал, чтобы отпереть люк в машинное отделение. Он выбил его и ворвался внутрь.

Грохот двигателей и тепла нахлынули словно волна. Он прищурился, пригнул голову и, спотыкаясь, направился вперед. Пар клубился вокруг него. Помещение было местом пересечения поручней, переходных мостиков и труб.

— Сорок пять секунд, Фишер.

— Я работаю над этим, — ответил он, скрипя зубами.

К счастью, планировка машинного отделения на «Трего» не сильно отличалась от большинства кораблей.

Он прошел в центр комнаты, посмотрел на огромное устройство — две формы размером с автомобиль, вдоль главного переходного мостика. Двигатели. Глядя под ноги, он пробежал по мостику между двигателями пока не увидел искры от вращающегося металла.

«Вот».

Он опустился на колени.

— Тридцать секунд...

Он отогнул решетки на мостике, чтобы показался редуктор — приводной вал, который передает энергию винтам. Вращаясь на полной скорости, редуктор походил на неясного очертания зубцы. Фишер знал, что если это сработает — результат будет мгновенным. А если нет... Он собрал шланг возле коленей и протолкнул его через решетку.

ФОРТ-МИД, МЭРИЛЕНД

Агентство Национальной Безопасности находится в восьми километрах от города Лорен, штат Мэриленд в пределах границы военного поста, названного в честь генерала Джорджа Гордона Мида после Гражданской войны. Некогда учебный лагерь и лагерь для военнопленных в ходе Второй мировой войны, с 50-х Форт-Мид стал известным как штаб-квартира наиболее развитых и секретных разведывательных организаций на земле. Изначально созданное для командования всеми видами радиотехнической разведки АНБ может совершать, а иногда и совершает перехват и анализ всех форм связи, известных человечеству: от сигналов мобильных телефонов и электронных сообщений до микроволновых излучений и чрезвычайно низкочастотных передач от подводных лодок, находящихся на глубинах в сотни метров.

В попытке построить мост через пропасть между просто сбором оперативной информации и действием на ее основе, АНБ, руководствуясь особой президентской хартией, сформировало «Третий Эшелон», собственный внутренний отдел по тайным операциям. Оперативников «Третьего Эшелона», именуемых «Splinter Cell's», завербовывали из подразделений сил специального назначения ВМС, сухопутных войск, корпуса морской пехоты и ВВС, затем из них делали оперативников-одиночек, мужчин и женщин, способных не только работать по одному во враждебной среде, но и не оставлять за собой следов присутствия.

Стремительное введение Фишером пожарного шланга в редуктор «Трего» имело незамедлительный результат.

Со звуком, напоминающим удар хлыста и застегивание увесистой молнии, все пятнадцать метров шланга исчезли в помосте в мгновение ока. Фишер отпрыгнул и свернулся клубком.

Двигатели заскрежетали. Помост задрожал. Черный дым вырвался сквозь решетку через тридцать секунд после залпа гудений и ударов, во время которых редуктор разорвал себя на части. Шрапнель просвистела вокруг машинного отделения, отскакивая от переборок и перил и пробивая отверстия в трубах. Заревел сигнал тревоги.

И вдруг все закончилось. Через медленно, рассеивающийся дым Сэм увидел тлеющие остатки пожарного шланга обернутого вокруг искаженного вала. Он узнал слабо звучащий голос в его подкожном наушнике. Это был Ламберт.

— Фишер... Фишер, ты...

— Я здесь.

— Чтобы ты не сделал, это сработало. «Трего» замедляется, собирается остановиться.

— Я чертовски на это надеюсь. Теперь дай пилотам отбой, пока они не приставили мне ракету к плотке.

Сейчас, четыре часа спустя, в Ситуационной комнате «Третьего Эшелона», сидя под тусклым освещением, которое падало на полированный стол из тикового дерева, Фишер ерзал в кресле, пытаясь не задеть массу синяков, полученные на борту «Трего».

Ничего не помогало, даже обильные дозы «Ибупрофена». Кроме того, он сказал себе, что если выбирать, то он в любой день предпочел бы синяки, вместо шрапнели или горящих кусков шланга. Старость не радость, но быть трупом, хуже.

Первое поручение Ламберта, после ухода с судна «Трего», это вызвать «Подразделение Химической Защиты», которое располагалось на Абердинском полигоне в штате Мэриленд. «ПХЗ» — Подразделение Военного Института по медицинским исследованиям, специализирующиеся на дегазации и обработке биологических, химических и радиологических воздействий. Фишер прошел через ряд обеззараживающих душей, затем его шпыняли туда-сюда, чтобы пройти через ряд соответствующих врачей, и все это длилось до тех пор, пока не прозвучало:

— Объект очищен от контаминантов.

— Где они держат «Трего»? — спросил он Ламберта.

— Оно было отбуксировано к охраняемой верфи в Норфолке.

Ламберт направил пульт дистанционного управления к одному из полудюжины плазменных экранов, выстроенных в ряд на стенах Ситуационной комнаты. Появилось спутниковое изображение Норфолкской гавани.

«Трего» было легко заметить. Его тянули портовым буксиром, а с флангов сопровождали три фрегата ВМС и эсминец класса «Арли Бёрк».

— Как мы уже говорили, они готовят сухой док для «НЭСТ»⁴ команды. — Сказал Ламберт, ссылаясь на «Отдел Чрезвычайных Ситуаций в Области Атомной Энергетики» из подразделения Министерства Энергетики.

Перед тем, как следователи ФБР попадут на судно «Трего», команда «НЭСТ» должна определить источник и уровень радиоактивности судна. К счастью, из корпуса судна до сих пор никаких опасных утечек не было выявлено, которые могли бы быть, если бы корабль добрался до мели.

— А наш заключенный и его лэптоп?

До того как подняться на борт вертолета «Черный Ястреб» Ламберт передал его, Фишер схватил лэптоп и затем поднял единственного члена экипажа «Трего» за плечо.

Порой заключенные лучше трупов.

⁴ NEST - Отдел Чрезвычайных Ситуаций в Области Атомной Энергетики, в задачи которого входит предотвращение преступлений на ядерных объектах США, терактов с использованием ядерного оружия или его компонентов.

— Грим работает с ноутбуком. Какой бы код он ни ввел помимо установки двигателей на максимальную скорость. Это тоже зашифровано на жестком диске.

— Ага, он выглядел слегка непреклонным. Он в больнице?

Ламберт кивнул:

— Он выкарабкается.

— Хорошо, — сказал Фишер, делая глоток кофе. Он поморщился и неодобрительно глянул в кружку.

— Кто его делал?

— Я, большое спасибо, — ответил голос. Уиллльям Реддинг, доверенное лицо Фишера и полевой оператор, вошел в дверь. В очках с роговой оправой, телогрейке и с чехлом для ручек в кармане, Реддинг был книжным червем самого высокого уровня с практически фанатичным вниманием к планировке и деталям. Как бы ни раздражала его сосредоточенность, Фишер и представить себе не мог, что отправляется на задание без Реддинга, прикрывающего тылы.

— И кстати, — сказал Реддинг, — звонили ботаны из «ДАПРА». Они интересуются, что ты сделал с «Тетеревятником».

Фишер сказал:

— Погоди-ка: ты называешь людей из «ДАПРА» ботанами?

Ламберт усмехнулся себе под нос. Реддинг не понимал его чувства юмора.

— Я — гик, Сэм. Они — ботаны. Это большая разница.

— Тогда приношу свои извинения.

— «Тетеревятник».

— В безопасности в комнате для снаряжения.

— А его состояние?

— Трудно сказать, учитывая, как мало от него осталось.

Глаза Реддинга сузились.

— Не понял?

— Была перестрелка...

— Не понял?

— Шутка. Расслабься, он как новенький.

Реддинг уже направлялся к двери. Он остановился на пороге, находясь в нерешительности, обернулся.

— Сэм?

— Да?

— Рад, что ты цел.

Гримсдоттир пришла через двадцать минут. Родившись в Исландии, Анна была высокой и

превосходно сложенной, со скулами модели и короткими, каштановыми волосами — как подозревал Фишер, это больше было связано с функциональностью, чем с модой. Анна была практичной. Беспокоиться о том, что у нее плохая или хорошая прическа, было для нее не главным.

— С возвращением, Сэм. Не похоже, чтобы ты светился от радиации.

— Еще не вечер.

— Я разговаривала с врачами в Абердине. Они подтвердили, что все, чтобы не перевозил «Трего», тебе не стоит беспокоиться об облучении.

Она подошла к ближайшему компьютеру и нажала несколько клавиш. На экране ноутбука появилась 3D модель в форме летающей тарелки, которая, как полагал Фишер был жестким диском с «Трего». Диск был разбит на неравномерного размера геометрические куски, обведенные красным, зеленым и желтым.

Гримсдоттир сказала:

— Ладно, какие новости вы хотите услышать первыми: хорошие или плохие?

— Плохие новости, — сказал Ламберт.

— Все красные секторы с данными, которые вы видите, были стерты начисто программой самоуничтожения. Их нет и точка. Никак не вернуть.

— Что-то многовато красного, — сказал Фишер.

— Около восьмидесяти процентов. Зеленые сектора можно извлечь; желтые — сомнительные.

— А хорошие новости? — сказал Ламберт.

— Возможно, я могу рассказать, кто написал программу самоуничтожения.

— Каким образом?

— У большинства программистов есть свои подписи — то, как они блокируют код, обрабатывают синтаксис, записывают комментарии... И все в таком роде. Иногда такие вещи различаются, как и почерк. И я могу сказать: кто бы ни написал программу код очень сложный; его написание — уникально . Это может занять несколько...

Внезапно слабый сигнал тревоги послышался из громкоговорителей. В унисон все мониторы компьютеров начали мигать, на экранах появился большой красный восклицательный знак.

— Боже мой, — прошептала Гримсдоттир, глядя на экран.

— Что? — спросил Ламберт. — Что происходит?

— Вирус только что прошел наш брандмауэр. Он атакует центральный компьютер!

— Анна приглуши эти сирены — приказал Ламберт.

В комнате стало тихо.

— Как это возможно вообще? — Спросил Ламберт. — Ради всего святого, это ведь Агентство Национальной Безопасности, а не «иБэй». Как смог кто-то обойти наши брандмауэры?

— Лэптоп, — пробормотал Фишер.

Гримсдоттир кивнула, уткнувшись в монитор.

— Ты прав. Полковник, в одном из секторов жесткого диска был скрыт вирус. Червь, предназначенный активироваться, как только он обнаружит подключение к любому порту ноутбука. Мне только стоило подключиться, чтобы запустить диагностику...

— Ты можешь остановить его?

— Работаю над этим. Он быстро развивается, распространяясь по центральному компьютеру. Я пытаюсь опередить его... установить преграду. Если бы я только смогла отвести его на неиспользуемый сервер, я бы поймала его. Проклятье, он распространяется слишком быстро! Следующие пятнадцать минут Фишер и Ламберт в тишине наблюдали за ее работой. На черном экране монитора проносились группы зеленого компьютерного кода. Пальцы Гримсдоттир буквально расплывались на фоне клавиатуры. Казалось, интенсивность появления кода снижалась, возникая странными пакетами, наконец-то она откинулась назад и выдохнула. Лицо блестело от пота. Руки тряслись.

— Есть, — сказала она.

— Он заперт в пустом архивном сервере.

— Какой ущерб он нанес? — спросил Ламберт.

— Огромный, однако, он не добрался до резервной системы, поэтому мы можем восстановить большую часть центрального компьютера.

— А лэптоп? — спросил Фишер.

— Сдох. По-настоящему. Хотя единственная хорошая новость: в мире лишь несколько людей, способных на такое, только зная вуду можно написать такой вирус. Дайте мне день, и у меня будет имя.

— Вперед, — приказал Ламберт.

Как только она ушла, Фишер повернулся к Ламберту.

— У меня есть предположение насчет «Трего».

— Я слушаю.

— Я не купился на регистрацию в Либерии.

— Я тоже.

— Можно по-разному замаскировать корабль, но есть одна вещь, которую нельзя скрыть: серийный номер двигателей. На них везде ставят штамп. Однако есть загвоздка: ФБР, в конце концов, найдет серийники и, в итоге информация просочится к нам...

Ламберт усмехнулся.

— Ненавижу я это твое «в конце концов».

В этом случае, «в конце концов» будет означать недели бюрократической волокиты. Фишер заставил Ламберта улыбнуться.

— Я тоже.

Фишер знал Ламберта двадцать лет, впервые он работал с ним в отряде «Дельта», затем оба были привлечены к экспериментальной программе, для которой набирали солдат из спецотрядов каждого рода войск и переводили их в аналогичные подразделения. «Рейнджеров» перевели в группу «Дельта», бойцов «Дельты» отправили в «Разведку Военно-Морских Сил», а в случае Фишера и Ламберта, «Дельта» перевели в Группу Специальных Методов Ведения Боевых Действий ВМС США Море-Воздух-Земля — 6 отряд — «Морских Котиков». Идеей было создать оперативников высшей пробы, обученных быть элитой среди групп специального назначения.

— К счастью, я уже обсудил все с президентом. ФБР берет на себя инициативу в деле, однако нам ясно объяснили, что мы можем вести собственное, параллельное расследование, отдельно от ФБР.— Сказал Ламберт.

Фишер понял прозвучавшее распоряжение. Несмотря на то, что он ненавидел политику в целом, и сделал все, чтобы держаться от нее подальше, он знал, что привело президента к такому опасению: война в Ираке. Кто-то только что начал атаку на США, которая могла бы убить тысячи людей, и вынести часть береговой линии штата Вирджиния радиоактивными веществами, которые принесли бы урон на десятилетия, а может быть, века. До сих пор единственным подозреваемым с борта «Трего» был одинокий мужчина средних лет, Ближневосточного происхождения.

Если Америка ввязалась в еще одну войну на Ближнем Востоке, то президент не захочет очередного фиаско со стороны разведки. Америка только начала восстанавливать доверие, подорванное в Ираке. Это будет задачей «Третьего Эшелона» — дважды убедиться, что все точки были расставлены.

— Ограничения? — спросил Фишер.

— Никаких, — ответил Ламберт. — Мы сделаем это по-своему, не церемонясь.

— Это полный улет.

— Аминь. А теперь немного поспи. Завтра ночью тебе предстоит проникнуть на американскую военно-морскую базу.

Фишер проживал на окраине Джермантауна, штат Мэриленд, в тридцати минутах езды к северо-западу от Вашингтона, в доме на ферме, окруженным 8квдратными метрами красного клена и сосны. Он старался жить нормальной холостяцкой жизнью: городской дом, общение с соседями, сидя у бассейна... Однако он быстро признал то, что было в глубине души: он не был общительным. Не то, чтобы он не любил людей как таковых, просто большинство из них он не переносил. Вредный фактор, который пришел от работы. Работа с худшими из людей в худших условиях, как правило, изменяет вас. Проживая в многоквартирном доме, Фишер обнаружил, что он мысленно анализирует обоих своих соседей и окружающую среду: есть или нет угрозы; вероятные места для засады; территории с открытой линией огня... Жизнь на острие, часто была захватывающей, но также она целиком поглощала. Вы долго не проживете во время специальных операций без полного погружения в этот мир. Не имея дома, где можно было бы снизить бдительность и расслабиться, он бы сильно постарел, очень быстро. В доме на ферме, ближайший сосед проживал в километре от него. Он мог сидеть ночью на крыльце и слушать только стрекотание цикад и кваканье лягушек. Поразительно, он обнаружил, что земля сама по себе лечебная. Он купил участок с большой скидкой от владельца, который запустил его, поэтому Сэм провел много времени, озеленяя и восстанавливая дом, который нуждался в капитальном ремонте: начиная окнами, черепицей и заканчивая сантехникой. Фишер чувствовал себя комфортно, занимаясь работой — самой обычной из всех работ. Даже небольшие передышки в доме между заданиями помогали перезарядить его батареи. Когда он вернулся домой, уже светало. Он закинул белье для стирки, принял душ, проверил почту и растянулся на диване. Он нашел пульт и включил телевизор. Канал был установлен на Си-Эн-Эн.

—... по предоставленным сообщениям основных свидетелей, множество людей валяются прямо на месте или теряют сознание за обеденным столом ...

Фишер сел прямо. Прибавил громкости.

— Спикер офиса губернатора выступил с заявлением о том, что следователи направились в городок Слипстоун, а немного позже этим же утром губернатор лично проведет пресс-конференцию. Между тем, кишат размышления о том, что же могло стоять за внезапными и загадочными смертями в отдаленном городке Слипстоун, штат Нью-Мехико.

Фишер почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Зазвонил мобильный телефон.

Сорок минут спустя он вернулся в ситуационную комнату. Ламберт стоял за столом переговоров, смотря репортаж на канале МСНБС. Гримсдоттир и Реддинг сидели за компьютерами по обе стороны от него. На фоне Фишер слышал статический шум от радио, прерываемое женским голосом:

— Слипстоун 9-1-1, пожалуйста, оставайтесь на связи... Слипстоун 9-1-1, пожалуйста, оставайтесь на связи... Слипстоун 9-1-1, пожалуйста, оставайтесь на связи...

Ламберт глянул, через плечо на Фишера.

— Двести экстренных вызовов и это число продолжает увеличиваться. Насколько нам удалось расшифровать — сотни погибших. Они лежат на улицах, в своих домах, за рулем автомобилей... — Боже мой, — пробормотал Фишер.

— У меня получилось, полковник, — позвала Гримсдоттир.

— Показывай.

Основной монитор сменился тепловым изображением со спутника, которое, как предположил Фишер, было Слипстоуном.

— Сделай наложение, Анна.

Гримсдоттир что-то набрала на клавиатуре, и картинка сменилась на лабиринт желтых и оранжевых линий, прерываемых круглыми излучениями красного. Фишеру эти цвета показались жутко знакомыми. Уже зная ответ, он спросил:

— На что мы смотрим, полковник?

— Система водоснабжения Слипстоуна.

— Существует всего несколько способов, от которых люди могут умереть так быстро: по воде или по воздуху.

Его глаза по-прежнему смотрели в монитор, Ламберт мрачно кивнул:

— Сколько времени это займет, Анна?

— Почти все, полковник.

Спустя несколько минут:

— Подтверждаю: признаки такие же, как и на «Трего».

Фишер почувствовал, как будто его ударили в живот. Он отвернулся от экрана и глубоко вздохнул. «Трего» только что открыл огонь. Это было настоящим происшествием. Только что кто-то отравил целый американский город.

НОРФОЛКСКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ВЕРФЬ, ЗАЛИВ ХЭМПТОН- РОУДС, ШТАТ ВИРДЖИНИЯ

Фишер опускался вниз, пока его глубиномер не показал десять метров, затем он выровнялся и проверил ОПСАТ. Он шел по курсу, почти в исходной точке на середине реки Элизабет. Оставалось полкилометра. Его ребризер тихо шипел в ушах. И как всегда этот звук напоминал Фишеру спокойную версию «Дарта Вейдера».

Напротив защитной маски отображался шлемный индикатор. Подобно, дисплею, проецируемому на ветровое стекло в современных реактивных истребителях, слабо-зеленое изображение на защитной маске сообщало Фишеру практически все необходимое об обстановке, включая карту реки и верфи, его текущую позицию, температуру и глубину реки, а также направление и расстояние до следующей позиции, которая отображалась около верхнего края маски желтой стрелкой, меняющей свое положение и длину в зависимости от расположения Фишера.

«Следуй за стрелкой из желтого кирпича»⁵.

Выбрать наилучший способ проникновения на верфь Саут-Гейт Энекс, наиболее охраняемый участок восточного побережья США, было самой простой частью операции. Высокий уровень защищенности данной базы просто не оставлял шансов для подхода с земли, таким образом оставался лишь один вариант: вода. Фишера это устраивало. Служба в «морских котиках» научила его доверяться воде. В воде безопасно, она маскирует, она — залог анонимности. Норфолкская военно-морская верфь это наиболее загруженная верфь страны, обслуживающая ежедневно пятнадцать процентов всего военно-морского флота США. Имея семь тысяч сотрудников, два квадратных километра земли, шестьдесят девять производственных зданий, эта верфь была впечатляющим местом еще и потому, что она расположена в двенадцати километрах южнее норфолкской военно-морской базы, в южном рукаве относительно спокойной реки Элизабет. Часом ранее, Фишер припарковал свою машину на лесистой автостоянке с видом на восточный берег реки, и ждал пока пара подростков, находящихся в Форд Эскорт с запотевшими стеклами, закончат свои дела и уедут. Затем он взял сумку со снаряжением и прошел несколько

⁵ Отсылка к сказке Фрэнка Баума "Удивительный Волшебник из Страны Оз", в которой дорога из желтого кирпича должна была вывести главную героиню в страну Оз.

метров через лес к берегу, где он переоделся в гидрокостюм, одел ребризер, маску и ласты, затем он погрузился в воду.

Фишер вытянул голову, проверяя поверхность воды на наличие лодок. Было два часа ночи. Он не наблюдал никакого движения, кроме случайных гражданских катеров, поздно возвращающихся домой после целого дня рыбалки возле Чесапик. Он поплыл вперед и нарушил поверхность воды, осторожно, позволяя быть видной только верхней половине маски. Справа, вверх по реке он мог видеть свет фар, пересекающих Джордан Бридж, соединявшего западный и восточный берега. Прямо напротив него, в полукилометре по воде, ярко освещалась натриевыми прожекторами верфь Саут-Гейт Энекс. Фишер насчитал десять кораблей различных размеров, от фрегатов до рефрижераторных суден, пришвартованных на пристани, тут и там он видел вспышки света от сварочных горелок. Громкоговоритель ожил, и голос сделал объявление, очень неразборчивое для Фишера. До тех пор, пока объявление не гласило: «Нарушитель в воде», его ничто не волновало.

Южнее основной линии пирса располагался ряд из пяти искусственных бухт, каждая из которых закрывалась словно ангар массивными раздвижными воротами, достаточно широкими, чтобы пропустить крейсер. Это были охраняемые доки или эллинги, пронумерованные от одного до пяти. «Трего» был отбуксирован в четвертый охраняемый эллинг, пятый эллинг был крайним. Чтобы добраться до него, Фишеру предстояло миновать водное ограждение, растянувшееся на триста метров напротив входа к пристройке и обозначенное линией освещенных буев, соединенных друг с другом плавающими алюминиевыми трубами. Конечно, Фишера больше беспокоило не само ограждение, а снабженный прожектором быстроходный катер, который непрерывно патрулировал его. Сэм разглядел несколько ориентиров, выбранных по карте еще до операции, подтвердил их расположения на шлемном индикаторе, затем повернулся на 180 градусов и совершил погружение. Десять минут спустя, он перестал плыть, продолжая двигаться по инерции до полной остановки. Зависнув без движения в воде, он отрегулировал компенсатор в своем жилете так, чтобы иметь нейтральную плавучесть. Помимо света от шлема его окружала крошечная тьма. Фишер знал, что при помощи ночных погружений можно упражняться в контроле разумом. Без каких-либо опознавательных знаков, замешательство, подобное головокружению, может овладеть вами. Фишеру доводилось видеть, как храбрейшие мужчины, водолазы с сотнями часов нахождения под водой, паниковали, просто неподвижно плывя в темной воде. Даже он чувствовал такое давление на подсознательном уровне: первобытное желание рвануть на поверхность. Он подавил это чувство и сфокусировался на своей маске; мягкое зеленое сияние было обнадеживающим. Если его направление было точным, водное ограждение было впереди. Справа он услышал приглушенное пыхтение корабельного двигателя. В пятидесяти метрах во мгле, напоминающий форму слезы корпус патрульного катера рассекал

поверхность воды, двигаясь параллельно ограждению. Водный след от лодки разветвлялся позади нее, распространялся наружу, достигнув ограждения, он шел назад, создавая водоворот, и постепенно исчезал. Щелкнул прожектор и пронзил поверхность, превращая воду вокруг себя в бирюзовую.

Фишер выждал, чтобы катер пересек пространство впереди него, затем поплыл дальше. У него было две минуты до возвращения патруля. Из тьмы показалось водное ограждение, сеть из стальных тросов, натянутая между анкерными болтами в морском дне и буями на поверхности. Глядя на сеть, Фишер молча поблагодарил агентство по защите окружающей среды, которое годами ранее настояло на смене ширины зазора в морском ограждении, дабы местная популяция рыб могла без труда ее преодолевать. В данном случае, промежутки были в тысячу квадратных сантиметров, что значительно облегчило работу для Фишера.

Он следил за временем, отображенным в верхнем правом углу маски. Несмотря на это слева слышалось пыхтение патрульного катера. Сэм развернулся и погрузился глубже, следуя рукой за оградой, пока не достиг дна. Катер прошел над головой, луч прожектора огибал водную поверхность и проверял ограждение. Как только он уплыл, Фишер поднялся на три метра и приступил к работе.

Из своего снаряжения он вытащил "горящий шнур", двадцатисантиметровый магниевый детонирующий шнур. Воспламенённый магний горит с высокой скоростью и температурой в две тысячи семьсот градусов Цельсия, прорезая практически все, к чему прикоснется, «как нож сквозь масло». Он обмотал шнур вокруг прута перед собой, придавил ногтем большого пальца химический детонатор на конце и отплыл назад. Возникла кратковременная ослепительная вспышка белого света; ограда исчезла в облаке пузырьков. Фишер подплыл, когда они рассеялись. Прут аккуратно разрезало надвое, превратив тридцати сантиметровую щель вдвое больше. Он отстегнул ребризёр, протолкнул в дыру и проплыл сам. Через десять минут он остановился перед стальной дверью эллинга, стеной из гофрированного металла, окрашенного в голубовато-серый цвет. Он перевернулся вверх ногами и поплыл вглубь. Он включил подсветку. Грязное морское дно возникло перед его защитной маской. Он развернулся и повернул направо. Сэм проплыл вдоль правого края двери и внезапно уткнулся в круглую крышку люка, расположенную на стене. Он потянулся и проверил маховик. Как и следовало ожидать, он был заперт и, как сказала Гримсдоттир, под сигнализацией. Повреди он его и патрульные катера окружили бы Фишера прежде, чем он успел бы отплыть на сто метров.

— Есть, кто дома? — радиовал Фишер.

— Я здесь, Сэм, — ответила Гримсдоттир.

— Я возле люка.

— Хорошо, — ответила Гримсдоттир. — Дай мне тридцать секунд. Я взломала

диспетчерскую эллинга, однако они используют пароли, зашифрованные восьмизначным открытым ключом ...

— Это все замечательно, Анна, но может, мы отложим технический лепет на другой день?

— Ага, прости, подожди немного.

Через минуту она вернулась:

— Хорошо, замки и сигнализация отключены.

— Захожу внутрь, — ответил Фишер.

Маховик был хорошо смазан и плавно поворачивался под нажимом Фишера. Он крутил его пока не услышал мягкий лязг металла по металлу, затем осторожно потянул. Люк распахнулся. Вытянув перед собой руки, он проплыл внутрь. Едва его плавники освободили проход, как послышался приглушенный визг сирен. Вдали доносился приглушенный водой голос из громкоговорителей:

— Тревога, замечен нарушитель ... тревога, замечен нарушитель. Охране немедленно прибыть в оружейную. Это не учения! Повторяю: Это не учения ...

Тут же послышался испуганный голос Гримсдоттир:

— Сэм, я ...

Фишер поднял руку и дважды ударил по переключателю передатчика, затем один раз, сообщая Ламберту и Гримсдоттир:

— Радиомолчание, ожидайте связи.

Остаться внутри или бежать наружу, выбор за ним. Если бежать наружу, то они запечатают док, и шанс будет потерян. Если продолжить операцию, то он столкнется с силами безопасности в состоянии повышенной готовности, которая охотится за нарушителем. Это было простое решение. И вот, что он сделал.

Он быстро закрыл крышку люка, оттолкнулся от стены и поплыл вниз, вытянув руки. Коснувшись неровного бетонного дна дока, повернул направо и продолжил плыть. У него был один-единственный шанс. Главный канал, заключенный с обеих сторон работающими пирсами, делил эллинг на две части. Если бы ему удалось найти укромное место в глубине свай пристани, то он мог бы переждать облаву. Как только включились охранные прожекторы дока, заливая помещение ярким светом, вода над Фишером из темного зеленого цвета резко стала бирюзовой. Он услышал приглушенный топот сапог и перекрикивающиеся голоса. Кончиками пальцев он коснулся деревянной поверхности — сваи. Он обхватил ее рукой и прижался к пристани. Вода снова потемнела. Он включил подсветку, и неясный красный свет поглотил его. Фишер продолжал плыть, извиваясь между сваями. Покрытые пятнистыми серого цвета моллюсками, они напоминали ему ноги слона.

Где-то сзади он услышал несколько всплесков.

Водолазы в воде. Охрана дока была хорошо тренированной и быстро передвигалась. Фишер не останавливался. Стена дока появилась перед защитной маской. Он взглянул вверх. Над головой он мог различить нижнее строение пристани, лабиринт пересекающихся балок и труб. Фишер заплыл за ближайшие к стене сваи, выключил подсветку и вылез из воды. Он сбросил ласты и прикрепил их к сумке со снаряжением.

«Теперь сложная часть», — подумал он.

Это был момент, когда все часы изнурительных тренировок, для поддержания тела в форме в его сорок с лишним, должны были окупиться.

Так он надеялся.

Руками и ногами упершись в стену и сваи, он начал медленно подниматься вверх, применяя как рычаг только напряжение мышц. Известный в мире альпинизма как распор, этот манёвр требовал предельной концентрации. Фишер почувствовал, как пот струится по спине внутри гидрокостюма. Он стиснул зубы и продолжил подъем.

Он услышал еще несколько всплесков. Слева увидел облаченную в черный гидрокостюм голову, нарушающую поверхность воды. Луч прожектора играл на сваях. Фишер замер. Луч прошел над ним, задержался на секунду, вторую, третью, а затем двинулся дальше. Водолаз развернулся, продолжая плыть.

Фишер поднялся по стене еще на полметра и посмотрел вверх. Нижняя конструкция пристани была в пределах досягаемости. Он потянулся вверх, схватился за водопровод и повис.

Где-то недалеко, зашумела рация:

— Начальник дока, это водолаз два-один. Приближаюсь к северной стене, секция девять. Направляюсь к сваям. Кажется, я что-то видел.

— Понял, два-один.

Водолаз развернулся. Совершенно неподвижно повиснув, Фишер осмотрел глазами левую сторону. Водолаз был там, голова была чуть выше воды, свет фонарика играл на воде, когда он направлялся через сваи к Фишеру.

«Быстро и тихо, Сэм. Давай».

Он напряг мышцы брюшного пресса, поднял колени к груди, а затем зацепился лодыжками за трубу и начал медленно прижиматься к трубе, пока плотно не притулился к ней. Он посмотрел вниз. Водолаз был практически под ним. Положив одну ладонь на соседнюю трубу для усиления, Фишер перевернул свое тело, забалансировав сверху на трубе. Он снова замер. Снова появился свет от фонарика водолаза, теперь уже ближе, отбрасывая узкие лучи света и искаженные тени, проходя по нижнему строению. Фишер закрыл глаза и мечтал стать невидимкой.

«Здесь нет ничего, кроме труб, приятель, — думал Фишер. — Теперь плыви дальше».

Ему казалось, прошли минуты, но на самом деле менее двадцати секунд, водолаз выключил фонарь и уплыл прочь. Фишер выдохнул с облегчением.

Ничего не предпринимая, пока облава не закончилась, и не был отдан приказ отменить боевую готовность, он должен был решить: сидеть смирно и переждать или немного обследовать местность. Он выбрал последнее.

Быстро проверив ОПСАТ, он подтвердил свой прогноз: нижнее строение пристани не было

включено в чертежи дока. Чтобы убедиться он прокрутил схемы. Ничего не было.

Он отправился в путь.

Он полз по лабиринту из труб, пока не добрался до закрытого решеткой технического помоста. Вокруг он слышал бульканье воды по трубам, шипение пара и тихое жужжание электричества. С потолка, всего лишь в полутора метрах над помостом, капал конденсат и был покрыт крошечными сталактитами минеральных отложений. Издалека он услышал треск ацетиленовых газовых резаков.

Он надавил имплант:

— Я вернулся.

— Слава Богу. Я волновалась, — сказала Гримсдоттир.

— Не знал, что ты умеешь беспокоиться.

— Дурак. Сэм, я не знаю, что пошло не так. Я была уверена, что я подстраховалась о резервной сигнализации.

— Проклятье, современной технологии. Все в порядке.

— Ты внутри или снаружи? Не обращай внимания; глупый вопрос. Каков статус? — сказал Ламберт.

— Немного исследую пещеры, пока они завершают свою облаву.

— Хорошо, оставайся...

По системе оповещения дока прозвучал голос.

— Подожди, — прервал Фишер Ламберта. И прислушался:

— Всему рабочему персоналу, отмена боевой готовности. Охране явиться в комнату управления для отчета.

— Я слышал. Будь осторожней и оставайся на связи, — сказал Ламберт.

Фишер окончил передачу.

Пригнувшись, иногда ныряя под пересечения вентилей или трубопровод типа «клеверный лист», он начал выбирать путь, спускаясь вниз на помост. Каждые несколько секунд он делал паузу, переключая трифокальные очки на тепловой режим, чтобы бегло осмотреть территорию впереди; из-за клубящегося пара использовать ночное видение было ненадежно. Помимо желтых и красных тепловых очертаний труб он ничего не видел.

Размером с попугая крыса, с визгом суетливо пересекла ему дорогу и выскочила на помост. Фишер осознал, что вытащил свой пистолет SC; он засунул его в кобуру. Регулярные тренировки способствовали хорошим рефлексам и большому количеству полудохлых крыс. Еще через пятнадцать метров он подошел к Т-образному пересечению. Он включил тепловизор. Чисто. Прямо, помост шел дальше кто его знает куда; направо, от помоста поднималась вверх и исчезала лестница.

«Спасибо тебе, Господи, за технические люки».

Хоть лестница и была, но ее ступеньки располагались высоко и заканчивались у отверстия наподобие люка.

Фишер вынул свою гибкую оптоволоконную камеру, подсоединил кабель для аудио- и видеосигналов к ОПСАТу, подождал, пока на экране не появилось изображение, затем просунул камеру через одно из отверстий крышки. Сэму потребовалось немного времени, чтобы понять, что он видит. Сапог, черный кожаный сапог. Он замер. Стандартная обувь ВМС «Чакка» сорок четвертого размера. Эту модель обуви Фишер знал слишком хорошо. Будучи в «морских котиках», он сносил три пары таких сапог в учебном лагере для новобранцев во время шестимесячного курса, именуемого «Основы подводных взрывов». Крайне медленно он начал вытаскивать оптоволоконную камеру обратно. Сверху, к сапогу матроса присоединилась еще пара сапог. Фишер почувствовал запах сигаретного дыма.

— Они нашли что-нибудь? — спросил первый матрос.

— Нет. Ты же знаешь как это: они всегда говорят, что это не учение, но почти всегда это оно и есть.

— Дааа... Так в чем же дело с этим кораблем? Что со всеми парнями в скафандрах?

— Это костюмы биозащиты, болван. Главный говорит это учения, но я этому не верю. Мне кажется здесь что-то ...

Их прервал раздраженный голос:

— Вы, двое! Я смотрю вам нечем заняться. Пошли за мной. Я вам что-нибудь найду.

— Ладно вам, старшина, у нас же перерыв.

— Перерыв закончен, дамочки. За работу.

Фишер досчитал до тридцати, затем снова просунул камеру в отверстие. Сапогов не было. Он включил инфракрасный режим и осмотрел все вокруг. Ничего не было. Ни души. Кончиками пальцев, он осторожно поднял крышку люка, сдвинул ее в сторону и вылез.

Он вернул крышку на место, пригнувшись, нырнул за поддон с ящиками. Теперь, когда облава закончилась, док вернулся к нормальному рабочему освещению. Натриевые лампы высоко свисали с поперечных балок сводчатого потолка, заливая док серым светом. Дальше внизу дока, среди подъемных кранов, группа моряков переставляла ящики на тележку. Тут и там Фишер видел вспышки от сварочных аппаратов, чувствовал запах серного зловония ацетилена.

Справа был знакомый образ: «Трего».

Он был пришвартован носом к выходу из дока. Люки на палубе, иллюминаторы и окна были закрыты желтой пластиковой обшивкой и опечатаны красной клейкой лентой. Над люком посередине корабля была сооружена конструкция, похожая на палатку — вход и выход в дезактивационную камеру, предположил он. Пока он смотрел, несколько людей из «НЭСТ» в белых биозащитных костюмах вышли из тента. Их встретили три фигуры, одетых в похожие костюмы, начали поливать их из шланга какой-то пенистой жидкостью.

Фишер почувствовал волнение в животе.

Гримсдоттир заверила его, что уровень радиации на «Трего» ниже опасной дозы, но вид процедуры дезактивации насторожил его. Фишер был оснащен дозиметром из кварцевого волокна размером с перьевую ручку, подсоединенным к подкожному импланту, и ОПСАТу, поэтому у него не будет недостатка в предупреждениях в случае радиоактивного облучения.

Так было в теории.

«За это тебе хорошо платят, Сэм», — сказал он себе.

Он осмотрел док и «Трего» в тепловом режиме и в режиме ночного видения, удовлетворенный тем, что знает расположение и передвижения всех людей «НЭСТ», он выбрал наилучший маршрут.

Придерживаясь теней, он спускался в док, направляясь к корме «Трего».

Как только он поравнялся с кораблем, Фишер подкрался к краю дока, схватил швартовы обеими руками и начал быстро передвигаться над водой. Дважды ему приходилось останавливаться, когда фигуры в биозащитных костюмах перемещались по палубе и в дезактивационную камеру, наконец-то он достиг перил, перекинул ноги и, опустившись на палубу, присел.

Он сделал два быстрых шага к установленной лестнице на надпалубном сооружении и начал подниматься.

Поднявшись, всего на десять ступеней он услышал скрип ботинка. Фишер замер, посмотрел вниз.

Внизу, возле перил, стоял человек из «НЭСТ». Человек откинул назад свой капюшон и откинул голову назад, вдыхая свежий воздух.

— Лен, где ты? — вызывал металлический голос.

Мужчина снял с ремня рацию и ответил:

— Главная палуба. Дышу свежим воздухом .

— Когда закончишь, подойди к правому борту в средней части судна. У меня тут команда возвращается. Их нужно промыть.

— Уже иду.

Мужчина надел свой капюшон и ушел.

Фишер продолжил взбираться.

Забравшись наверх, он потратил две минуты, чтобы найти люк. Несмотря на то, что люк на главной палубе давал ему наиболее прямой маршрут в машинное отделение, его проникновение в любой из карантинных барьеров не только вызвало бы мгновенное подозрение, но также и еще одну облаву. Выбранный люк был так же запечатан, но лента легко отделялась от специального гладкого покрытия палубы. Он повернул маховик и поднял крышку люка. Внутри лестница не была освещена. Он быстро все осмотрел в тепловом и ночном режимах, ничего не заметил, ногами проскользнул в отверстие и начал спускаться. Остановился, чтобы закрыть за собой крышку люка, затем спрыгнул на палубу.

— Я внутри, — радировал Фишер.

— Согласно радиопередачам, которые мы перехватили, большинство персонала «НЭСТ» находится в передней части корабля. Каким бы ни был радиоактивный материал, похоже, что он где-то в носовой балластной цистерне. Грим обновила твой ОПСАТ; направляющие маркеры отведут тебя в машинное отделение.

— Уже бывал там.

— Я проанализировала маршруты рабочих в доке. Мой путь обходит эти зоны, — сказала Гримсдоттир.

Фишер проверил ОПСАТ.

Чертеж «Трего», представленный в 3D, перекрывался пунктирной желтой линией, начинающейся от позиции Сэма — синий квадратик и заканчивающейся в машинном отделении «Трего» — розовый квадратик.

— Понял, — отозвался Фишер. — Грим, значит все чисто ...

— Даю слово, Сэм. Инспекторы вынуждены носить эти костюмы. Постановление правительства. Черт, да ты лучше любого, знаешь какое оно придирчивое. Я провела

всевозможные расчеты. Пока ты там меньше шестидесяти минут, то все в порядке.

«А если шестьдесят одну минуту?» — подумал он.

За эти годы он столкнулся со всеми кошмарами, которые оперативник только может себе представить, но, как и у большинства людей, радиация занимала особое, темное место в его голове и сердце. Невидимая и фактически неизбежная, радиация видоизменяла человеческое тело на клеточном уровне, разрушая и перекручивая клетки чудовищным способом. Он достаточно близко и лично с этим столкнулся. Ужасная смерть. Он тут же подумал о Слипстоуне. Если действительно водоснабжение города было заражено радиацией, ему было больно представить через, что предстоит пройти выжившим жителям: тошнота, рвота, ожоги кожи, потеря волос, жидкость в легких, ускоренный рост опухолей.

«Сконцентрируйся на работе, Сэм. Решай те проблемы, которые сейчас стоят перед тобой».

Суть в том, что он доверял свою жизнь Гримсдоттир и Ламберту и делал это десятки раз до этого. И снова делает это.

— Хорошо, — сказал он. — Я выдвигаюсь.

Чтобы избежать помех в оборудовании команды «НЭСТ», генераторы «Трего» были выключены и перешли на энергосеть дока, поэтому в проходе было темно, он освещался только красными аварийными фонарями, прикрепленными к переборке с интервалом три метра.

Одним глазом смотря в ОПСАТ и другим высматривая движение, Фишер пробирался вниз по коридору к Т-образному повороту. Направо — к корме; налево — дальше к носовой части.

Он пошел налево. Машинное отделение было в двадцати метрах от его позиции и тремя палубами ниже. Чтобы туда добраться, он должен был пройти пять лестниц и два люка.

Достигнув следующего перекрестка, он начал спускаться по лестнице, экран ОПСАТа замигал. Чертеж «Трего» начал расплываться на глазах. Он прижался к переборке и связался по радио:

— Кто забыл оплатить кабельное? — ОПСАТ теряет сигнал.

— Грим опасалась этого, — ответил Ламберт. — Люди из «НЭСТ» проводят дегауссинг⁶.

В данном случае магнитный заряд мешал инспекторам из «НЭСТ» точно опознать вещество, спрятанное в балластных цистернах «Трего», поэтому они проводили дегауссинг.

⁶ Дегауссинг - это причудливый термин для обмоточного размагничивания судна. Со временем стальной корпус корабля накапливает магнитный заряд, способный создавать помехи радиосвязи и навигационным системам.

— Переключись на внутреннюю память ОПСАТа, — сказала Гримсдоттир. — У тебя будут чертежи, но без маршрута.

— Без проблем, — ответил Фишер. — Я буду импровизировать.

Он вернулся к лестнице и достал SC-20K из-за спины.

Компактный и легкий SC-20K оснащен глушителем и пламегасителем и выполнен по схеме булл-пап, он использует стандартный патрон НАТО 5.56 мм. На этом, однако, основные сходства с другими видами автоматов заканчиваются. Модульное подствольное приспособление SC-20K дает Фишеру небывалый набор возможностей, включая использование газовых, осколочных и ЭМИ гранат; нелетальное оружие, такое как аэродинамическое кольцо и шокер, лазерный микрофон, радиоэлектронный подавитель и прибор для обнаружения лазерного порта для дистанционной передачи данных по инфракрасному порту компьютеров; метательный снаряд для наблюдений — самоклеющаяся дистанционная камера, предсказуемо названная «Камера-липучка» и в заключение гаджет, окрещенный Фишером «Всевидающим Оком» — микрокамера, вмонтированная в крошечный парашют, сделанный из вещества под названием аэрогель. Этот аэрогель, состоящий на девяносто процентов из воздуха, в состоянии удерживать вес, превосходящий собственный в четыре тысячи раз, он имеет площадь поверхности, поражающую воображение: разложенный на плоскости кубический дюйм, что соответствует четырем пятицентовым монетам, положенным одна на другую, способен покрыть поле для американского футбола. В случае с «Всевидающим Оком», размером с ладонь самораскрывающийся парашют из аэрогеля способен держать в воздухе камеру в течение девяноста секунд, давая Фишеру картинку высокого разрешения примерно двух с половиной квадратных километров с высоты птичьего полета.

К сожалению, сегодня ночью Фишеру «Всевидающее Око» по всей вероятности не понадобится, он надеялся, что SC-20K не понадобится вовсе, но все же аэродинамическое кольцо и шокер будут оптимальным средством, если он столкнется с трудностями на борту «Трего».

Сэм надел очки ночного видения, при их включении слабый электронный свист раздался в наушнике. Он осмотрел темную палубу внизу. Он ничего не увидел.

— Следую на нижнюю палубу, — радиовал Фишер.

Держа SC-20 наготове, прокрался к следующей палубе, повернул за угол и направился в сторону кормы. На полпути по коридору он замер. Чрезвычайно медленно он присел на корточки, боком передвинулся влево, прижался к перегородке. В девяти метрах дальше по коридору он заметил на перегородке красное пятно размером с ластик на карандаше.

«Датчик, — подумал он. — Но что за модель? Инфракрасный, движения...»

Пятно двигалось.

Не датчик. Это была сигарета. Он не был уверен, был ли это охранник или человек из «НЭСТ», однако кто-то прислонился к переборке за стойкой, сделав незаконный перекур. Двигаясь на прямых ногах, Фишер начал удаляться назад. Фигура зашевелилась, выступив из-за стойки. Фишер поднял автомат SC-20 и прицелился. Человек был в белом биозащитном костюме, капюшон был накинута на лоб. На его бедре висел автоматический пистолет Кольт 1911 калибра 0.45 — стандартный вариант для охранников ВМС. В другую сторону, моряк. Сверни в другую сторону. Человек свернул в сторону Фишера. Он медленно подходил. Его тело было напряжено. Он склонил голову, вероятно, что-то заметив в тусклом освещении, но не был уверен, что именно. Рука сместилась к кобуре. Фишер выстрелил. Автомат SC-20 издал кашляющий звук, послышался едва различимый глухой удар. «Аэродинамическое кольцо» сильно ударило в грудь мужчине. Он потерял сознание прежде, чем рухнул на палубу. Фишер рванул вперед и опустился на колени перед мужчиной. Он проверил пульс; тот был сильный и ровный. Несмотря на то, что «аэродинамическое кольцо» классифицируется как нелетальное оружие, Фишер видел, как оно убивало людей, как правило, из-за тромбов в легких. Он вытащил из кобуры Кольт охранника, извлек магазин и спрятал его в пучке труб возле потолка, затем засунул пистолет обратно в кобуру. Если все полетит к чертям, то в него будет стрелять одним пистолетом меньше. Сэм нашел темный угол для тела охранника, прикрыл его обрезками разбросанного поблизости картона, затем натянул мужчине обратно на голову капюшон и вдобавок выстрелил дротиком ему в бедро. Фишер сомневался, что ему понадобится больше двух часов, которые давал ему транквилизатор, но, как и в случае с «Кольтом», если все полетит к чертям, то на его пути будет одним охранником меньше.

Он достиг коридора ведущего в машинное отделение и присел перед люком. Переключил очки на тепловизор, и затем приподнялся, чтобы заглянуть в иллюминатор. Будучи обессиленным в течение последних восемнадцати часов, машинное отделение было

пространством с темно-синими конструкциями, нарушаемыми лишь все еще теплыми желтыми трубами и светло-голубыми очертаниями двигателей. Признаков движения не было видно. Он проверил показания дозиметра на ОПСАТе: зеленый.

«Каким было правило для этих вещей? — подумал Фишер. — Зеленый — хорошо; красный — труп».

Он открыл люк и проскользнул внутрь.

Он обнаружил часть мостика между двигателями в том же состоянии, в котором она была, когда он покидал машинное отделение: вырванном и отброшенном в сторону. Пожарный шланг, который он использовал, чтобы остановить «Трего», все еще был здесь — обугленная и намотанная на редуктор масса. Помимо монотонного гула труб и случайного шипения пара, в комнате было тихо.

Он услышал металлический стук открывающегося люка. Фишер переключил очки на режим ночного видения и обернулся. Две фигуры в биозащитных костюмах вошли внутрь.

— ...я говорил тебе: я не знаю почему, — сказал один из мужчин.

Его голос приглушенно звучал из капюшона.

— Боссу нужны другие показания, значит, мы достанем другие показания.

Он поднял счетчик Гейгера и плавно водил им по воздуху; от счетчика исходило постоянное, но неторопливое щебетание.

— Ага, только у меня от этого места мурашки по коже.

— Добро пожаловать в клуб. Пошли, давай сделаем это.

Они начали спускаться по мостику, обходящего по внешнему периметру комнаты. Фишер дождался, пока они скроются из вида, затем поднялся вверх, схватился за трубу и поднял ноги, обхватив ими трубу. Он снова вытянул руку, цепляясь пальцами за край двутавровой балки⁷. Помогая ногами, Фишер перевернулся на живот и лег грудью на трубы.

Внизу он услышал топот сапог на мостике.

Щебет счетчика Гейгера стал громче.

Фишер вытащил пистолет. Он снял предохранитель и переключил на режим стрельбы транквилизаторами. Боковым зрением, через переплетение труб, Фишер уловил промелькнувший биозащитный костюм, подходящий все ближе. Мужчины появились в изголовье мостика и прошли под Фишером. Они остановились возле открытой решетки.

— У тебя есть идеи, что здесь произошло? — спросил один из них.

— Только слухи. Кто-то спешил остановить корабль.

⁷ Двутавровая балка - металлическая балка, имеющая в сечении вид Н.

— Ну, черт, я должен сказать, что они справились. Ни каким образом они не смогут вырезать этот редуктор отсюда. Он поджарился, но еще крепкий.

— Это не наша проблема.

Мужчина провел Гейгером над двигателями и решеткой, затем опустился на колени и проверил пожарный шланг. Треск стал ровнее.

— Ничего. Центр управления, это Питерсон.

— Докладывай, Пит.

— Зачистка второго машинного отделения завершена. Все чисто.

— Отлично. Поднимайтесь на палубу. Время сменить вас.

Как только они ушли, Фишер опустился на палубу и ногами вперед проскользнул в решетку. Держась за металлические кольца на пожарном шланге, он спустился на палубу, по шиколотку затопленной пенистой смесью трюмных вод и противопожарной пеной. Пену закачали на борт при помощи первого спасательного корабля, эсминца ВМФ, прибывшего на место происшествия, в надежде предварительно потушить любые очаги возгорания прежде, чем они начнутся. Огонь — худший враг корабля и ситуация была еще более смертоносной на борту корабля перевозящего опасные материалы.

Согласно чертежам, он обнаружил спаренные дизельные двигатели «Трего», установленные на массивных амортизаторах. Каждый амортизатор был размером с пожарный кран и был прикручен к палубе болтами диаметром равным запястью Сэма и длиной как его предплечье. Как он и опасался, плотно посаженные амортизаторы не позволяли пролезть под двигатели, поэтому он достал оптоволоконную камеру, присоединил телескопический удлинитель, затем просунул объектив под низом. Включил подсветку камеры. На экране ОПСАТа появилась грубая металлическая поверхность корпуса двигателя. Он начал осматривать сантиметр за сантиметром. Это заняло три минуты, но наконец-то серийный номерной знак попал в фокус объектива. Фишер зафиксировал камеру и нажал на кнопку затвора. Он вынул камеру и убрал ее. Затем нажал на имплантант, но в ответ услышал лишь хлюпанье. Он взглянул вверх.

«Слишком много стали над головой».

Он забрался обратно на мостик и вернулся по тому же пути к люку и в коридор. Сэм снова нажал на имплантант.

— Я закончил. Номер у меня.

— Хорошая работа, — сказал Ламберт. — Планы изменились. Иди к точке извлечения Браво.

Точка извлечения Браво была предназначена для экстренной эвакуации.

— Что стряслось? — спросил Фишер.

— Мы думаем, что знаем, что случилось с экипажем «Трего».

СИТУАЦИОННАЯ КОМНАТА ТРЕТЬЕГО ЭШЕЛОНА

База АНБ закачивала спутниковый сигнал от коммерческой программы «Лэндсат»⁸, поэтому угол был очень косой и цвета поблекли, однако сомнений не было, что же за корабль был в центре плазменного экрана.

— «Трего», я полагаю? — сказал Фишер.

— Единственный и неповторимый, — ответил Ламберт. — Триста двадцать километров от побережья Вирджинии, утром перед вашей с ним встречей. Хорошо, продолжай, Грим.

На другом конце стола переговоров, Грим нажала несколько клавиш своего ноутбука и картинка изменилась.

Другой корабль, явно меньший «Трего», появился в верхнем левом углу экрана.

— Теперь тридцатью минутами позже. Обратите внимание, что водный след от «Трего» исчез. Он неподвижно стоит в воде.

Она снова нажала несколько клавиш.

— Сорок две минуты спустя.

«Трего» и другой корабль стояли рядом друг с другом.

— Спустя двенадцать минут. Увеличиваю.

Изображение мигнуло, затем увеличивалось, пока оба корабля не заполнили весь экран. Между ними в воде Фишер мог различить что-то напоминающее надувную лодку «Зодиак».

— Вся операция длилась двадцать две минуты, — сказал Ламберт. — «Зодиак» отплыл на «Трего» с одним человеком на борту. Еще девять людей вернулись на нем через девятнадцать минут.

— Экипаж «Трего» минус один, — сказал Фишер.

— Точно. Мы полагаем, что прошедшее время было использовано для установки системы автоматизации.

— И вытащить соломинки, чтобы увидеть, кто останется. Говоря об этом, есть новости от нашего пленника?

— По-прежнему молчит, — сказал Ламберт.

Вскоре, после того, как мужчина очнулся, прикованный наручниками к кровати в медицинском отделении Третьего Эшелона, Реддинг начал его допрашивать. Это был еще один

⁸ "Лэндсат" - наиболее продолжительный проект по получению спутниковых фотоснимков планеты Земля.

интересный факт, который Фишер не знал о Реддинге: на самом деле он был подготовленным следователем морской пехоты.

Мы передали его ФБР; пусть сами раскалывают его. Ладно, вернемся к «Трего». Вот что нам известно: Десять минут после того, как экипаж «Трего» ступил на загадочный корабль, они оба приходят в движение и разделяются, «Трего» направляется на запад к атлантическому побережью, а другой — на юг.

— Пожалуйста, скажите, что мы знаем что-то еще помимо этого.

Гримсдоттир нажала клавиши. Появилось другое изображение со спутника.

— Добро пожаловать в гавань Фрипорт Сити, Багамы. Смотрите направо по центру экрана. Узрите наш загадочный корабль: океанский лайнер «Дюрок». Вчера он стал на якорь. Работаю над регистрацией судна.

Фишер смотрел на яхту несколько секунд, затем повернулся к Ламберту.

— Когда я отправляюсь?

«Третий Эшелон» содержал частную взлетно-посадочную полосу за пределами Ганновера, тринадцати километрах северо-восточнее от штаб-квартиры АНБ. Был уже второй час ночи, когда Фишер подъехал к бетонированной площадке с Боингом V-22 «Оспрей».

«Оспрей» был рабочей лошадкой Третьего Эшелона, которую использовали в заданиях с проникновением и эвакуацией. Спроектированный как полу-вертолет, полу-турбовинтовой самолет, «Оспрей» был снабжен двумя двигателями, каждый из которых установлен на вращающейся гондоле, совмещая маневренность и способность совершать вертикальный взлет от вертолета, высокую скорость и эксплуатационный поток стандартного самолета. Винты «Оспрея» уже работали на холостом ходу. Через освещенное окно кабины Фишер увидел пилота, Берда, и второго пилота, Сэнди, проводящих предполетную проверку. Берд был типичным южанином с манерой растягивать слова и беззаботным видом. Сэнди же напротив, была деловитой, она одна из первых женщин, ворвавшихся в это типично мужское общество секретных операций. Фишер взял свою сумку из багажника и пошел к заднему трапу. Он был удивлен, увидев Реддинга, стоящего уже внутри.

— Я и не знал, что у меня будет компания, — сказал Фишер.

— От нашего заключенного я ничего не добился, поэтому решил полететь с тобой, чтобы уберечь тебя от очередных неприятностей.

— Уилл, попадая в неприятности, тем самым я зарабатываю на жизнь.

— Хороший способ заработка у тебя. У меня тут для тебя новое снаряжение. Идем, нам предстоит немало полетать.

Как только они взлетели и направились на юг, Реддинг достал черный вещмешок с верхней полки и бросил на пол между сиденьями. Стандартное снаряжение Фишера хранилось в

нескольких местах, «Оспрей» — одно из них. Фишер предположил, что бы ни было в этой сумке, оно совершенно новое.

Реддинг расстегнул ее и вытащил знакомую вещь: тактический костюм, черный цельный комбинезон, снабженный различными мешочками, карманами и ремнями, необходимыми для хранения и переноса всего снаряжения. Фишер сразу заметил, что костюм был другим.

— Первое и наиболее важное, — сказал Реддинг, — ты знаком с «Кожей Дракона»?

Фишер знал о нем. Разработанный в «Пиннекл Армор», «Кожа Дракона» был первым в мире «подвижным» бронежилетом. Легкий и гибкий, «Кожа Дракона» может остановить даже тяжелую пулю калибра 7.62 мм, выпущенную из АК-47. Годы «ДАПРА» работало над композитным материалом, подобным тому, который используется в «Коже Дракона», но так и не смогло снизить его вес до допустимой величины.

— «ДАПРА» разгадала секрет, — сказал Фишер.

Реддинг кивнул.

— Встречай Марк V костюм для тактических операций под кодовым названием «Пластина Носорога». Вес в ненагруженном состоянии менее двух килограммов, толщина — восемь миллиметров. Наружная часть из кевлара, основной материал — «Пластина Носорога», внутренний слой — «Гор-Тэкс» седьмого поколения.

— Характеристики?

— Хорош против шрапнели с четырех метров; винтовок с пяти; пистолетов и дробовиков с трех. «Гор-Тэкс» тестировало основной материал на поддержание температуры тела при минус двадцати шести с накинутым капюшоном, и при плюс сорока трех градусах по Цельсию. Ты можешь пройти от Аляски до Сахары и пребывать в относительно комфортном состоянии.

— Цвет другой.

— Верно подметил. Новый камуфляж. Наружный слой из кевлара обработан полимерным волокном похожим на покрытие самолета стелс: матово-черное, немного шероховатое на ощупь для максимального поглощения света. Не буду докучать тебе физикой, однако этот микрошероховатый внешний слой ослабляет свет. В основном, коло тридцати процентов попадающих на поверхность фотонов задерживаются, пусть хоть и на доли секунды, но этого достаточно, чтобы ослабить их. В итоге: если ты неподвижен в тени, то сам становишься тенью.

— А по поводу сумочек и ремней? Все передвинуто. Выглядит ... неуклюже.

— Беспорядочная компоновка. Мы изменили размеры и перераспределили их, чтобы нарушить твой силуэт. Мать-природа питает неприязнь к прямым линиям. В условиях тусклого освещения человеческий глаз старается отыскать движение, разность цветов и геометрические формы. С движением проще всего — нужно просто стоять неподвижно. С разностью цветов тоже легко — черный цвет трудно отличить от заднего плана. Проблема была с силуэтом.

Человеческое тело — это уникальное сочетание углов и линий, легко различимое глазом. Перераспределение карманов в различные части костюма, позволяет знакомому очертанию тела стать неясным.

Фишер взял костюм у Реддинга и изучил его. Затем кивнул.

— Мне нравится. Остался один вопрос.

— Какой?

— Куда мне положить ключи от машины?

— Хорошо, еще одна вещь, — сказал Реддинг. — Дополнение к SC-20K. Снова я избавляю тебя от технических подробностей. Мы назвали его «Ватный Шарик». Он протянул Фишеру два предмета: обычную на вид гильзу от дробовика и шипастый мягкий резиновый шарик размером с марбл⁹. Основной механизм стрельбы тот же, что у шокера и аэродинамического кольца, но имеет одно существенное отличие. Когда он выпущен из дула, пробка-поршень разлетается, оставляя лишь «Ватный Шарик». Когда тот попадает в твердый объект, внутренняя оболочка с аэрозольным транквилизатором раскрывается. Радиус облака составляет один метр. Любой, кто окажется внутри него, потеряет сознание в течение трех-четырех секунд.

— Впечатляет. Какова длительность?

— Попадание выше пояса в восьмидесяти килограммового мужчину даст тебе порядка двадцати минут.

— Точность?

— Плюс-минус пятнадцать сантиметров на расстоянии пятнадцати метров.

По интеркому раздался голос Берда:

— Эй, парни, входящее сообщение для вас.

Фишер нажал на имплантант.

— Говори, — сказал Сэм.

— Твоя цель движется, Фишер, — сказал Ламберт. — «Дюрок» поднял якорь и отправился на северо-восток из гавани Фрипорт Сити.

— Пункт назначения?

— Работаем над этим, но мы уже установили, что корабль накануне принял на борт провизию, а также запас топлива.

— Тогда вероятно это не однодневная поездка. Итак, мы ждем, что судно встанет где-нибудь на рейде или перехватываем его в пути.

Реддинг сказал:

— Половник, у нас тут полный набор на борту. Я подумывал о ...

— «Попрыгунчике?»

⁹ Марбл» - небольшой шарик, сделанный из твёрдого материала для различных детских игр.

— «Попрыгунчике».

Фишер простонал:

— Черт, ненавижу «Попрыгунчик».

— СЕМЬ минут до цели, — Фишер услышал голос Берда по импланту. — Снижаемся до полутора тысяч метров.

— Понял. Подай мне рампу, Берд.

Рампа опускается.

С механическим скрипом, показалась щель вдоль верхнего изогнутого края рампы, открывая часть темного ночного неба. Фишер почувствовал легкое ощущение вакуума — давление выравнивалось. Спустя несколько секунд, рампа опустилась на уровень пола. Через открытый вход Фишер видел только ковер черной воды и далекое мерцание огней Багамских островов.

— Рампа опущена и заблокирована, — выкрикнул Берд.

За перегородкой панели управления, Реддинг проверял показания приборов и кивал в подтверждении.

— Состояние поверхности? — спросил Фишер.

— Состояние моря один — небольшие волны. Ветер северо-восточный от пяти до семи узлов.

— Дай мне двухминутное предупреждение.

— Дам.

Из наушника Фишера послышался голоса Реддинга:

— Итак, расскажи мне еще раз, Сэм: почему ты ненавидишь эту штуковину?

«Штуковина», о которой шла речь была транспортным средством для скрытного проникновения известное как «Попрыгунчик». По существу — одноместный ННК (небольшой надувной каяк), оснащенный бесшумным электромотором, «Попрыгунчик» был заключен в пулеобразную оболочку, усиленную стекловолокном, предназначенным увеличить аэродинамичность ННК, что позволяет запускать его из самолетов и прыгать по поверхности воды со скоростью шестьдесят узлов прежде, чем оболочка отделится и пойдет ко дну.

Проникновение — чаще всего самая сложная часть любого задания, особенно при любом виде десантирования. Большинство вражеских радиолокационных станций, уловив подозрительный низколетящий летательный аппарат, не нажимают кнопку тревоги до тех пор, пока цель резко не замедлится и/или не исчезнет с радара в течение тридцати секунд и более, что, к примеру, может означать войска, высаживающиеся на канатах с вертолета. «Оспрей» летел со скоростью 125 узлов, мог снижаться ниже радара не сбавляя скорости, сбросить «Попрыгунчик» и снова набрать высоту менее чем за двадцать секунд. Операторам за радаром всего лишь покажется, что неопытный пилот компании «Сессна» потерял высоту, прежде чем исправить

положение.

Фишер опасался нескольких вещей не связанных с работой. Его проблемой с «Попрыгунчиком» были бесконечные двадцать или тридцать секунд после выпуска из самолета. Быть привязанным, как часть багажа внутри ННК и невозможность управлять своей судьбой шли вопреки его инстинктам.

— Я не ненавижу его, — ответил Фишер. — Просто не люблю на нем кататься.

— Сэм, ты слышишь меня? — Прозвучал голос Ламберта.

— Продолжай.

— ФБР взялось за «Дюрок». Их команда приземляется в Фрипорт Сити через двадцать минут.

У Багамского военно-морского флота есть лодка, которая ждет их.

— Сколько у меня времени?

— Их возможное время прибытия через семьдесят минут. Ты должен пробраться на корабль, получить ответы на некоторые вопросы, и выбраться оттуда до их прибытия.

— Помни, ты не существуешь...

—... и мы ничего не делали. Я знаю. Буду на связи.

Фишер залез в «Попрыгунчика», прикрепленного к палубе четырьмя стяжками с храповым механизмом, и пристегнулся.

Берд объявил:

— Снижаемся до ста пятидесяти метров. Цель на радаре. До сброса одна минута.

Фишер почувствовал, как «Оспрей» заложил вираж, поскольку Берд снижал высоту. Шум двигателей усилился. Пристегнутый к ННК каркасом вокруг тела, Фишер мог выглядывать наружу только через небольшое смотровое отверстие из плексигласа.

— Где моя цель? — спросил он.

— Мы идем позади корабля близко к берегу. Когда ты ударишься о воду, он будет в полутора километрах от твоего левого борта. Текущий курс — три-два-ноль, скорость — восемь узлов. Снижаемся до шестидесяти метров. Держись крепче. Начинаем на зеленый свет.

— Понял вас, начинать на зеленый свет, — повторил Фишер.

Реддинг опустил на колени возле «Попрыгунчика», похлопал Фишера по плечу, затем загерметизировал крышу «Попрыгунчика» над его головой. Звук двигателей «Оспрея» снизился наполовину.

— Двадцать четыре метра, — объявил Берд. — Десять секунд.

«Оспрей» задрожал, как только поток воздуха, создаваемый его винтами, начал воздействовать на поверхность океана. Через смотровое отверстие Фишер наблюдал туман из брызг, кружащих вокруг края ramпы.

— Пять секунд.

Над головой Фишера лампы загорелись желтым цветом.

Затем зеленым.

Периферическим зрением Фишер увидел Реддинга, который потянул за рычаг. Фишер почувствовал, как начал скользить вперед.

Удариться о воду — это как на стоп-сигнале врезаться в машину сзади. Он знал, что это случится, подготовился к этому, но все равно толчок сбил дыхание. Его отбросило вперед на ремни безопасности, когда «Попрыгунчик» скинул скорость со 125 до 80 узлов в течение двух секунд. Волна обрушилась на смотровое отверстие, затем Сэм почувствовал, что нос ННК поднялся на несколько десятков сантиметров под действием аэродинамических сил.

Он посмотрел вниз. Рядом с коленом был прибор, встроенный в корпус, он показывал при помощи светодиодов скорость: 60 узлов ... 55 ... 48 ... 42 ... Фишер взгляделся в смотровое отверстие. Как и говорил Берд, в восьмистах метрах по левому борту он увидел белый свет мачты корабля «Дюрок».

37 ... 33 ... 25 ...

Фишер подался вперед и схватил рычаг отделения оболочки. Он резко рванул рычаг, выжав до упора, затем засунул голову между колен. Звук отделения оболочки был характерный: как будто гремел огромный кусок листового металла, разрываемый ветром на две части. По правде говоря, он солгал Реддингу. Он действительно ненавидел «Попрыгунчик» и на то была веская причина. Как и в случае с «Тетеревятником», «Попрыгунчик» начинался как проект «ДАПРА». Друг Фишера со времен службы в морских котиках, Джон Гудин, вызвался протестировать прототип. При первом запуске оболочка не отделилась должным образом, и один ее край попал Гудину в голову. Он выжил, однако удар едва не снял с него скальп. До сих пор, Гудин выглядит так, как будто кто-то приложил терку для сыра к его лбу.

Фишер ожидал, когда скорость ННК упадет ниже десяти узлов, затем потянулся за спину и щелкнул выключателем. С гулом завелся электрический мотор. Он выровнял руль и повернул нос в сторону «Дюрока».

— Благополучно приводнился, — радировал Фишер.

— Скальп на месте? — спросил Ламберт.

— Очень смешно.

Однажды Фишер совершил ошибку, поделившись с Ламбертом своими опасениями насчет «Попрыгунчика»; с тех пор издевки не прекращались.

— Где ФБР?

— Только что покинули гавань Фрипорта на борту багамского скоростного патрульного катера. Они, настигнут тебя приблизительно через пятьдесят минут.

— Кстати, каковы мои ПВБ? — спросил Фишер, ссылаясь на правила ведения боя.

— Полная свобода действий.

Это означало, что нет ограничений и разрешено летальное оружие.

— Однако свидетель нам бы пригодился.

— Сделаю все, что в моих силах.

За двести метров до кормы «Дюрока», Фишер достал бинокль и осмотрел палубу.

Помимо мачты и навигационного радиомаяка, также различимый свет исходил из главного салона яхты: желтое свечение просматривалось между занавесками, покрывающими раздвижные стеклянные двери. Пока он смотрел, перед занавесками промелькнула фигура человека и скрылась из виду. Кое-что с правого борта привлекло внимание Фишера. Он сфокусировался и приблизил. Человек прошел по кормовой части палубы судна, освещая путь фонариком. Фишер ясно увидел очертания оружия в его руке.

«Пистолет-пулемет "Ингрэм MAC-11", — подумал Фишер, вспоминая его характеристики. — Темп стрельбы составляет двадцать выстрелов в секунду, емкость стандартного магазина — сорок восемь патронов. MAC-11 не является самым точным оружием, но данный недостаток компенсируется исключительной скорострельностью».

Фишер нажал на имплант:

— Ламберт, лучше предупреди ФБР, что экипаж «Дюрока» вооружен.

Хотя время стремительно уходило, Сэм заставил себя выждать и понаблюдать, до тех пор, пока не убедился, что охранник один, и не запомнил его маршрут. В отличие от голливудских фильмов, скрытная операция заключалась в большей степени в терпении и подготовке, чем в подкрадывании в тени с ножом в зубах. Среди массы постулатов, по которым жили специальные оперативники, правило «Шести П» было, вероятно, наиболее важным: Правильная Предварительная Подготовка Предотвращает Провал Проекта. Умереть на бумаге до начала миссии было предпочтительней, чем в реальном мире, и внимание к деталям может спасти вашу жизнь. Конечно же, это не соответствовало романтической версии секретных заданий, которой придерживались большинство гражданских, но это было реальностью.

Он ждал, пока охранник завершит свой второй обход на палубе, затем повернул дроссель на полную, и помчался вперед, пока не оказался под ограждением на корме «Дюрока». Прокрутив в голове последовательность своих действий, Фишер приступил к работе. Он нажал несколько кнопок на ОПСАТе, активируя микрочип в двигателе ННК, который будет держать каяк на расстоянии нескольких сотен метров от кормы «Дюрока», затем Сэм поднялся, схватился за нижние перила и начал забираться. Как только его ноги коснулись палубы, он услышал, что раздвижная дверь салона открылась. Луч желтого света залил палубу. Появился силуэт человека

в дверном проеме. Фишер лег на живот и повернулся вправо за бухту для швартов. Он знал, что этого не достаточно, чтобы спрятаться, но это скроет его очертания.

— Эй, Чон, где ты? — крикнула фигура человека.

Язык был английским и без акцента.

«Американизированный китаец», — подумал Фишер.

Охранник, вооруженный MAC-11, спустился по боковой палубе.

— Я здесь. Хватит кричать.

— Боссу нужны сигареты.

ФИШЕР не колебался. Он поднял пистолет и выстрелил. SC издал приглушенно чихающий звук. Пуля попала прямо в центр лба, и он рухнул. Фишер оставался неподвижным, ожидая, привлеч ли выстрел внимание. После тридцати секунд он засунул пистолет в кобуру и подкрался к телу. Пуля калибра 5.72 мм оставила аккуратное, почти не кровоточащее отверстие между глаз. Только струйка крови стекала на палубу. Вопреки тому, что показывают фильмы, этот тип почти бескровной раны был скорее правилом, нежели исключением, когда дело доходило до пистолетов. Тем не менее, в этом случае у Фишера было преимущество: его пистолет был заряжен низкоскоростными «Глэйсер Сэйфти Слагс». Предварительно фрагментированные и наполненные десятками дробинок, каждая размером с наконечник карандаша, «Глэйсер» аккуратно проникает внутрь и затем разрушается, выбрасывая шрапнель внутрь раны. Он быстро обыскал тело, обнаружил бумажник, пачку сигарет, зажигалку и электронную карту. Он взял бумажник и карту, выбросил остальное за борт. Рукавом куртки мужчины он вытер струйку крови на палубе, затем перетащил тело к перилам на корме и сбросил его в воду.

Фишер нажал имплант и прошептал два слова:

— «Спящий»; «чисто».

Несмотря на оперативную независимость, которой наслаждался Фишер, «Третий Эшелон» по-прежнему был частью бюрократической машины, известной как Вашингтон, и Ламберт по-прежнему вынужден был предоставлять отчеты боевых действий, включающие детали о том как и почему было использовано летальное оружие.

«Спящий»; «чисто» означало «летальный исход»; «без осложнений». «Дремлющий»; «чисто» расшифровывалось как «нелетальный исход»; «без осложнений». Таким же образом, слово «беспорядок» обозначало, что Фишер привлек к себе внимание или что-то подобное. «Пожар» подразумевал, что он был втянут в открытую перестрелку. «Разрыв» означало, что Сэм в опасности и миссия на грани срыва. «Падение» значило, что он работает по принципу бегство и уклонение. И этот список продолжался. Конечно, будучи сам оперативником, Ламберт не был приверженцем подробностей, особенно когда становилось жарко.

«Думай сам, но боевая задача, прежде всего, — любил говорить он. — Если канцелярские крысы захотят подробностей, они сами смогут их придумать».

По-прежнему Фишер видел важность в отчетах в реальном времени. За годы службы он повидал много смертей оперативников из-за их слишком быстрых и необдуманных действий. В

данном случае, еще до того как охранник начал двигаться в его сторону, Фишер уже решил, что использование смертельного оружия будет лучшим вариантом, и это не подвергнет опасности миссию. Даже когда приходится принимать быстрое решение, правило «шести П» применимо.

— Понял, — ответил Ламберт.

— Иду на капитанский мостик.

Фишер сверился с часами: сорок минут до прибытия ФБР. Он направился к левому борту. За перилами Сэм слышал шипение воды, пронесившейся вдоль корпуса «Дюрока». Он остановился, прижался к переборке и опустил на корточки. Ему нужно было подумать. Загадка о том, кто стоял за нападениями «Трего» и Слипстоуном внезапно усложнилась: «Трего», чья настоящая регистрация и владелец неизвестны, управлялся одним человеком арабского происхождения, установившим курс на столкновение с побережьем Вирджинии. Заключение легко напрашивалось и, в этом случае, казалось правильным. Но теперь это, кусочек загадки, который не стыковался.

Пока что, экипаж «Дюрока» выглядел однородным — китайцы американского происхождения, судя по их акцентам. Если снимки со спутника были точны и «Дюрок» в самом деле, доставил оставшуюся часть экипажа «Трего» в Фрипорт Сити, тогда где же эти китайцы разместились? И почему Багамы? И почему они отслеживают частоты пожарных?»

Затем до него дошло: «подчищают за собой».

Он должен был сразу это понять. Сэм нажал имплант.

— Ламберт, подключи Грим к работе: если я прав, то весь экипаж «Трего» мертв. Казнены и похоронены в сгоревшем или горящем здании где-то на острове.

— Откуда тебе известно?

— Просто сложил два плюс два. Объясню позже. Пусть отслеживает пожарные радиочастоты.

— Сделаю.

Фишер поднялся и прокрался вперед, пока не смог заглянуть в иллюминатор капитанского мостика. Внутри мостик был тускло освещен фонарями на переборке и белым светом, идущим, как полагал Фишер, от заднего внутреннего трапа. Одинокaй мужчина сидел на приподнятом стуле за панелью управления. Фишер вытянул шею, чтобы увидеть всю заднюю переборку, которую он разглядывал, пока не обнаружил то, что искал: электрическую панель.

Он достал из-за спины SC-20K и переключил заряд шокера на минимум.

Этого заряда будет достаточно, чтобы парализовать рулевого на тридцать-шестьдесят секунд. Сэму он нужен был живым и способным говорить. Фишер подошел и проверил дверную ручку — медленно повернул ее, пока не убедился, что она не закрыта. Сэм исходил из того, что рулевой хорошо обучен и что он немедленно поднимет тревогу, если открыть дверь. Фишер

сделал глубокий вдох, затем толчком распахнул дверь.

К удивлению, мужчина не обернулся, но вместо этого рассмеялся.

— Мужик, ... тебя только за смертью посылать.

— Что ...?

— Ты куда за кофе ходил? В Перу?

Теперь он повернулся.

Фишер не оставил ему шансов среагировать. Он выстрелил.

Шокер ударил мужчину в шею, чуть ниже правого уха. Послышалось слабое шипение. Мужчина сжался и сполз со стула, его торс повис над палубой. Конечности, все еще стимулируемые шокером, продолжали дергаться. Его рука ритмично ударила ножку стула.

Фишер прикрыл дверь и присел. Он убрал за спину SC-20K и вытащил пистолет, ожидая кофе.

... И словно по команде, послышался лязг шагов по заднему трапу. Из лестничного пролета сразу за туловищем показалась голова.

— Эй, Томми, вот твой ... Черт, что ты делаешь? Что с тобой?

Мужчина повернул голову. Фишер выстрелил. Голова мужчины резко дернулась влево и запрокинулась. Кружка с кофе стукнулась о палубу и откатилась.

Не в то время, не в том месте, дружище.

Фишер убрал пистолет в кобуру, рванул вперед, схватил мертвого мужчину за воротник и оттащил его под ближайший штурманский стол, затем перевел свое внимание на рулевого. Он стащил Томми со стула и связал его руки пластиковыми наручниками. Томми стонал, медленно приходя в себя. Фишер оттащил его к задней переборке и подпер. Глаза рулевого, дрожа, открылись.

— Что происходит ...

— Если хочешь остаться в живых, не шуми, — прошептал Фишер. — Кивни, если понял.

— Что? Что происходит ...

Фишер наградил его пощечиной.

— Тихо. Кивни, если понял.

Он слабо кивнул.

— Ты слушаешь меня?

Еще один кивок.

— Давай-ка убедимся.

Из кобуры на голени, Фишер вытащил единственное оружие, к которому он испытывал чувства, это был подлинный «Сайкс Фэрбэрн» — диверсионный кинжал. Дарованный ему старым другом семьи, одним из первых боевых инструкторов в STS 103, также известном как

легендарный «Лагерь Икс» времен Второй мировой войны для обучения коммандос, этот кинжал был больше чем артефакт. Прекрасно сбалансированный и острый как бритва он был, вероятно, лучшим ножом для спецзаданий когда-либо созданных. И в семнадцати сантиметровой длине, и в обоюдоострой кромке, и в остром как игла кончике была невероятная манящая сила. Фишер вставил кончик «Сайкс Фэрбэрн» в левую ноздрю Томми и потянул наружу. Глаза Томми расширились.

— У меня есть к тебе несколько вопросов, и одна работенка,— сказал Фишер. — Ты понял меня?

Томми кивнул.

— Где-то тут есть человек, ответственный за это судно. Как его имя и где он? Соврешь мне, и у тебя будет свиной пятак.

Фишер решил давить на него, чтобы тот выдал как можно больше информации, но было маловероятно, что кто-либо уровня Томми знает детали, необходимые Фишеру. Кроме того, в течение тридцати минут здесь будет ФБР, которое выжмет из экипажа всю информацию до последней капли.

— Его... его имя Лей. Он в капитанской каюте. На палубу ниже, вперед через главный салон и вниз по лестнице. Последняя каюта в конце коридора.

— Сколько людей на корабле?

— Шесть.

«То есть можно считать, что уже трое», — подумал Фишер.

— Кроме этого места, откуда-то еще можно восстановить питание корабля?

— Да, машинное отделение, но я механик. Если этим заниматься будет кто-то другой, то это у него займет некоторое время.

— Отлично. Примерно через минуту я собираюсь вырубить электричество. И когда я это сделаю, сюда наверняка кто-то позвонит и спросит о нем, так?

Мужчина кивнул.

— Ты скажешь им, что это была перегрузка в электросети, и чтобы все это исправить, тебе понадобится несколько минут. Понял меня?

Томми кивнул.

— Сболтнешь что-то лишнее, будет хуже для тебя.

Чтобы понять, действительно ли он все понял, Фишер приподнял кончик «Сайкса» оттянув ноздрю еще больше.

— Мы поняли друг друга? Можешь ответить.

— Да, я все понял.

Он убрал «Сайкс», затем положил мужчину на живот, надел на него пластиковые наручники, и поднял его. Фишер открыл электрическую панель и вырубил главный выключатель. Мостик поглотила тьма. Он отпустил свои трифокальные очки и переключил их на режим ночного видения.

Через интерком слышался слабый голос:

— Эй, Томми, что происходит? У нас нет электроэнергии.

Фишер подтащил Томми поближе и прошептал:

— Шоу начинается. Без ошибок.

Голос сказал:

— Томми, ты здесь? Отвечай, черт подери!

Фишер подвел Томми к панели и нажал на кнопку ответа интеркома. Томми сказал:

— Подожди немного! Была перегрузка в электросети. Я все исправлю через пять минут.

— Что ж, поторопись. Я сижу на толчке в темноте.

Фишер отключил интерком

— Это был Лэй?

Томми кивнул

— Что теперь?

— Теперь тебе повезло, — ответил Фишер.

Он перевернул «Сайкс» и ударил Томми рукояткой позади уха. Фишер оттащил его обмякшее тело к штурманскому столу и положил его рядом с другим мужчиной. Он нажал на имплант:

— Иду на нижнюю палубу.

Фишер начал спускаться по лестнице, потом остановился и вернулся к консоли управления. Прошло около пяти секунд, чтобы найти то, что он искал.

Он включил имплант:

— Грим, ты здесь?

— Здесь.

— У меня тут компьютерная консоль управления с USB и ИК - портом на передней панели.

— Чудесно, — ответила она. Он услышал азарт в ее голосе. Как ребенок на Рождество.

Грим жила этим.

— Синхронизируй ее с ОПСАТом, и я просканирую систему. — Сказала она. — Что ж, посмотрим, где побывал наш «Дюрок».

Фишер нажал несколько кнопок на ОПСАТе. На экране отобразилось:

ИНФРАКРАСНЫЙ ПОРТ НАЙДЕН. ГОТОВ ДЛЯ СИНХРОНИЗАЦИИ.

Фишер навел ОПСАТ на ИК- порт консоли.

**УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ... ОБНАРУЖЕНЫ ФАЙЛЫ ДАННЫХ... ЗАГРУЗИТЬ?
(ДА/НЕТ)**

Гримсдоттир сказала:

— Я внутри. Загружаю... Ах, какая красотища... посмотри-ка. Джекпот.

— Картинка с Бредом Питтом? — спросил Фишер.

Грим фыркнула:

— Бог мой, нет. Я предпочитаю, чтобы мой мужчина был немножечко... брутальнее. И более зрелый.

«О, правда?» — подумал Фишер.

— Отлично, есть. Можешь отсоединяться. Теперь данных у нас более чем достаточно, Сэм. Начну над ними работать.

— Что со временем?

— Мы отслеживаем лодку ФБР. У тебя еще двадцать минут и выбирайся оттуда, — ответил Ламберт.

— Понял.

Фишер спустился на палубу ниже. Внизу была единственная дверь, которая должна была вести в главный салон. Справа от него был стальной люк. Он прижался ухом к нему и услышал

гулкий шум двигателя. Он присел на корточки и просунул гибкую камеру под дверь. Салон был освещен лишь несколькими аварийными лампами — видимо включилось аварийное питание, но даже в неясном свете ночного видения, Фишер мог видеть очертания салона: ковер «Бербер» кремового цвета, кожаный диван, сочетающийся с клубными стульями и стена с тиковой обшивкой.

«Кто-то потратил много денег на «Дюрок». Кто бы это мог быть?»

Он двигал гибкую камеру до тех пор, пока не увидел человека, сидящего в дальнем правом кресле возле лампы. Ноги подняты, голова закинута назад, рот открыт, на коленях лежит раскрытая газета. Фишер улыбнулся. Он любил ленивых охранников. От этого работа делается только проще. Возможно, это было подходящее время для небольшого эксперимента. Он вытащил гибкую камеру, затем достал SC-20 и переключил селектор на «Ватные Шарики». Он повернул ручку двери и тихонько открыл ее. Он вошел внутрь и закрыл дверь. Человек не шевелился. Фишер взял журнал с кофейного столика и бросил на грудь спящего человека. Мужчина хрюкнул и сел. Фишер выстрелил.

Он услышал сначала звук мягкого удара, за которым последовал слабый звук:

— Пфффт.

Мужчина потряс головой, как будто его ударили, он сказал:

— Что за... — затем упал боком со стула.

«Будь я проклят», — подумал Фишер.

Он не сомневался в словах Реддинга, но практика все же лучше всяких слов. Он спрятал тело за диваном, затем разбил две аварийные лампы, стоящих рядом, а затем включил имплант:

— «Дремлющий»; «чисто».

«Осталось двое», — подумал Фишер.

Босс — Лей, который не спит и, вероятно занимает уборную в главной каюте, и последний член отряда, местоположение которого не известно. Фишер взглянул на свои часы: На его поиски нет времени.

Он продолжил движение.

В проходе салона было четыре каюты, две с левого борта, одна с правого и одна в конце — каюта капитана. Подойдя к двери, он поблагодарил себя за то, что обыскал охранника Чона. Дверь открывалась с помощью ключ-карты. Но был один недостаток. Как и большинство дверей

с электронными замками, при прохождении карты через ридер произойдет следующее: загорится зеленый свет и прозвучит долгий глухой стук, открывающегося засова. Фишер решил проверить помещение с помощью гибкой камеры.

В отличие от салона, в каюте не горели аварийные лампы. В свете ночного видения он увидел фигуру, лежащую на двуспальной кровати. Должно быть это Лей. Глаза мужчины были закрыты, руки сложены на груди. Каюта была не очень большой, может три на три с половиной метра. Если Фишер будет двигаться достаточно быстро, то он сможет добраться до кровати меньше чем за секунду. Фишер достал пистолет, затем мысленно отрепетировал его проникновение в каюту. Он провел ключ-картой через ридер и толкнул дверь. Лей сразу же проснулся, сел на постель, потянувшись рукой к тумбочке. Фишер один раз выстрелил. Лей взвизгнул и отдернул свою руку назад, его рука была прострелена пулей 5.72 калибра.

— Следующая пуля попадет тебе в глаз, — сказал Фишер, закрывая за собой дверь. — Ляг. Руки положи на грудь.

Его лицо искривлялось от боли, Лей выполнил просьбу:

— Кто ты, чего ты хочешь?

— Я — бугимен, здесь, чтобы убить тебя, если ты двинешься еще раз.

Фишер был впечатлен. Лей не зря стал боссом. Большинство людей, раненых в руку самим призраком, были бы запуганы. Но не этот человек.

— Ты совершаешь ошибку, друг мой, — сказал Лей. — Ты даже не представляешь, с кем ты имеешь дело.

— Забавно, что ты это сказал. Так скажи же мне, с кем я имею дело.

— Нет.

Фишер выстрелил снова. Пуля попала в подушку, рядом с головой Лея. Он дернулся в противоположную сторону, но сердитый вид с его лица так и не исчез.

«Крепкий орешек. Тогда, план Б».

Фишер принес спасательный жилет для несчастных случаев.

«У них уже есть один заключенный; но двое, ведь лучше. Следователи изменят позицию Лея».

— Сядь, — сказал Фишер. — Ты и я отправляемся в небольшое путешествие. Двигайся медленно...

Фишер услышал звук отворяющегося замка. В тот момент, когда он инстинктивно перевел

взгляд в сторону двери, Лей начал потихоньку двигаться. Вторая рука Лея хорошо функционировала. Фишер увидел отблеск лезвия около своего лица. Он отдернул голову назад и почувствовал острие лезвия в пространстве, как раз там, где только что была его шея. Дверь открылась. С помощью периферийного зрения, Фишер увидел фигуру, стоящую на пороге.

— Беги! — крикнул Лей. — Взрывай! Взрывай прямо сейчас!

Фишер выстрелил. Голова Лея откинулась назад. Когда он упал навзничь, Фишер увидел черное отверстие, на месте, где когда то был правый глаз Лея.

— Я же предупреждал, — пробормотал Фишер, затем повернулся и бросился к двери.

Слева он увидел мерцание света. Вдалеке, в нескольких километрах отсюда, прожектор играл на поверхности воды.

«Багамские ВМФ и ФБР спешат на помощь, — подумал Фишер. — Пора уходить».

Он надавил меню управления ННК на ОПСАТе и нажал кнопки, пока на экране не появилось **ННК: РЕЖИМ: СИГНАЛ ВОЗВРАЩЕНИЯ.**

Он надавил на имплант.

— Ламберт, доставь Берда в пункт эвакуации.

— Какова ситуация?

— Чисто.

«Никаких отпечатков, улик, вообще ничего».

— Очень чисто.

— Объясни.

— Позже. Я возвращаюсь домой.

— Он развернулся и поплыл.

ШАНХАЙ, ГУАНЬ ИНЬ

Чжао слышал стук в дверь, затем мягкий звук шагов по полу. Даже не глядя, он знал, кто это был. Сюнь. Его нерешительные, мелкие шажки трудно было не узнать.

Сюнь остановился перед столом Чжао и тихо стоял, ожидая.

Стол Чжао был усеян множеством газет из Лондона, Нью-Йорка, Москвы и Пекина. До сих пор освещение в печати было удивительно схожим. Никаких существенных изменений. Доска была нетронутой, все фигуры и игроки занимали номинальное положение.

Чжао поднял глаза:

— Да?

— Послание от Лея, сэр. Они подняли якорь и уже в пути. Дело сделано.

Чжао вздохнул. Голос Сюня был слабым. Парень был достаточно умен, у него были дипломы

из Оксфорда и Массачусетского технологического института, однако не было «Lān-hút», не было яиц, как говорят американцы.

Сюнь был дальним племянником, одним из немногих, оставшихся в живых с его фамилией.

«Это то, — подумал он, — то мне досталось».

У парня были способности к бизнесу, но не было мужества для жестокости, требуемой не только для выживания, но и для правления. Со временем Сюнь может стать ценным преемником империи; но время — ценный товар. В течение войны, время было роскошью, которую вы не можете себе позволить расточать.

— Осложнения? — спросил Чжао.

— Никаких, сэр.

Чжао кивнул.

«Еще одна пешка делает шаг вперед, присоединяясь к первым двум, защищая короля».

— Частоты экстренных служб?

— Отслеживаем. Остров небольшой; это не займет много времени. Могу я задать вопрос, сэр...

— Задавай.

— Что мы слушаем?

— Мы слушаем слабое шарканье фигуры нашего противника, которая движется по доске.

— Я не понимаю.

— Поймешь. Смотри и учись.

Чжао махнул Сюню выйти. Снова один, Чжао закрыл глаза и представил доску. Он воображал своего противника, который в нерешительности, обхватил пальцами фигуру, прежде чем поднять ее с доски.

— Ваш ход.

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН

Отсутствуя лишь пятнадцать часов, Фишер был потрясен тем, что произошло за это время. Слипстоун был потерян. В считанные минуты местные чиновники министерства охраны окружающей среды установили, что источник загрязнения водоснабжения не был ни естественным, ни случайным, небольшой городок в Нью-Мехико стал центром огромных усилий по оказанию помощи из-за указа президента по запуску «Проекта по Чрезвычайному Радиологическому Реагированию» или ПЧРР. Были задействованы фонды каждого подразделения правительства, начиная с ФБР и Министерства энергетики и заканчивая Агентством по охране окружающей среды и Министерством внутренней безопасности, они выдавались командам оперативного реагирования. За шесть часов после вступления в силу ПЧРР, в Слипстоуне был объявлен карантин. Все дороги, шоссе и тропы, ведущие из города, охранялись патрульными офицерами. Жители, которые запаниковали, услышав новости, и спешили покинуть территорию, быстро окружались и помещались в передвижной изолятор и в лазарет, созданный «Армейским Подразделением Химической Защиты». К сожалению, этот лагерь был одной из первых сцен, снятых телерепортерами новостных каналов: солдаты в биохимических костюмах бесцеремонно вели семьи в стерильную белую палатку посреди пустыни. Картина шокировала страну, поскольку американцы осознали, что их самый страшный кошмар стал реальностью: террористы атаковали США радиологическим оружием.

Тем временем, первая команда скорого реагирования, вошедшая в город — команда «НЭСТ», обнаружила величайший, поджидающий ее кошмар. Слипстоун был городом-призраком. Расследование позже показало, что водоснабжение было заражено где-то во второй половине дня, вскоре после того, как жители закончили работу и вернулись домой. Следовательно, улицы были практически пустынными, было обнаружено всего несколько тел, преимущественно в автомобилях, очевидно, они пытались покинуть город. Масса тел была найдена в своих домах, спящих на кроватях, в креслах перед телевизором, в ванных комнатах, и самое невыносимое — лежащих возле кроваток своих детей, они умерли, когда пытались дотянуться до них. Те немногие жители, которых обнаружили в живых, шаркали по улицам как зомби: глаза стали стеклянными, клочьями выпадали волосы, кровь текла из глаз, поскольку радиоактивное заражение медленно убивало их. Те, у кого остались силы, направились к границе города и к карантинному ограждению, где были задержаны патрульными офицерами и солдатами национальной гвардии. Что и было показано по всей стране: призрачно-белые жители

Слипстоуна, просили разрешения пересечь границу, пока солдаты с каменным лицом и офицеры полиции отталкивали их назад в ад, который убивал их.

В ситуационной комнате потрясенный Фишер смотрел на изображения, демонстрируемые по мониторам. По всей стране каждый канал вещательного и кабельного телевидения, начиная с кулинарного, и заканчивая телемагазином, либо уже перешли на экстренное вещание либо предоставили свою сферу действия сигналов для сети новостей.

Сидя за конференц-столом напротив Фишера, Гримсдоттир и Ламберт тоже смотрели в тишине. Анна сдерживала плач, затем поднялась и вышла.

— Боже мой, — пробормотал Ламберт.

— Какова численность? — спросил Фишер. — Есть представление?

— Официальные цифры не будут оглашаться пару дней, однако Грим отслеживала защищенные частоты ПЧРР. Пока что они обнаружили только четырнадцать выживших.

— Узнали, какова численность?

— Согласно последним сведениям переписи населения, более пяти тысяч.

У Фишера ушло мгновение, чтобы понять это число. Он выдохнул и пальцами зажал переносицу. Разве что команды реагирования ошиблись и где-то, как-то, там была большая группа выживших, которых еще не нашли в Слипстоуне, число жертв намного превысит те, которые произошли 11 сентября 2001 года.

— Что происходит в Вашингтоне? — спросил Фишер.

— Палата представителей и Сенат на экстренном заседании. Я уверен, что результаты голосования будут единодушными.

— Объявление войны, — пробормотал Фишер.

Ламберт кивнул.

— Против неизвестной страны. Президент планирует обратиться к народу в полдень, по нашему времени.

— Как это касается нашего задания?

— Никак. Я разговаривал с президентом, когда ты был на Багамах. Война на подходе и ее не избежать. Единственный вопрос против кого. Он хочет, чтобы мы перевернули каждый камень и без сомнений ответили, кто виноват. В настоящее время в ФБР и ЦРУ события стали быстро развиваться. Заключение будут найдены; рекомендации сделаны; мишени выбраны. Наша задача — убедиться, что мы чертовски правильно выбрали нужные мишени.

Экран телевизора потемнел. Стоя за Фишером, Гримсдоттир положила пульт на стол и сказала:

— Я больше не могу это смотреть. Я не могу, простите.

— Все хорошо, Анна, — сказал Ламберт. — Расскажи нам про «Дюрок».

— Верно...

Она подошла к столу, и, перелистав папку, выбрала нужный файл.

— Вот. Мне не повезло выследить владельца, но основываясь на данных, которые Сэм скачал с панели управления, я знаю, откуда он прибыл: порт Сэнт-Люси, Флорида. Не должно занять много времени, чтобы сузить список.

На столе зазвонил телефон. Ламберт поднял трубку, слушал несколько минут, затем положил ее обратно.

— Отличные новости с багамских пожарных частот, Сэм. Двадцать минут назад местная полиция обнаружила девять трупов внутри сгоревшего кофейного склада за пределами Фрипорт Сити. В течение нескольких часов у нас должны быть предварительные результаты вскрытия.

— Это объясняет, что произошло с экипажем «Трего», но не то, как в этом замешан «Дюрок».

— Единственный заключенный, который у нас есть — араб, и держу пари, те девять трупов будут тоже арабами.

— Вопрос в том, — спросила Гримсдоттир, — зачем их взяли на борт яхты набитой китайцами, а затем казнили? Где связь?

Рядом ее рабочий компьютер издал звонок. Она подошла к нему, села на стул и начала изучать экран несколько минут.

— Попался, — пробормотала она.

— Кто попался? — спросил Ламберт.

— Помнишь вирус с лэптопа «Трего»? Ну, я знала, что его код был уникален — работа профи. Заняло немного времени, однако наша база данных обнаружила его: Маркус Гринхорн.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты знаешь, где он. — Сказал Ламберт.

— Я сделаю даже лучше, полковник. Я дам вам номер его комнаты.

Хотя Сэм никогда не слышал о Маркусе Гринхорне, Гримсдоттир и Ламберт уверяли, что тот был также опасен, как и любой террорист — до такой степени, что заслужил место в десятке наиболее разыскиваемых преступников у ФБР. Математически одаренный человек окончил школу в семь лет, Принстон в десять, и МТИ в четырнадцать, Маркусу Гринхорну, сейчас двадцать два, в возрасте восемнадцати практически передал ядерное оружие иранским экстремистам «ХАМАСа»¹⁰, использовав свое кибер-волшебство, чтобы взломать сеть безопасности ВВС, и украсть коды доступа от подземного комплекса хранения боеприпасов в Киртланде, штат Нью-Мехико, родной дом, находящихся в изобилии ядерных боеголовок, включая W56 «Минитмен II» и W84 РНБ, или ракеты наземного базирования. Выдающийся, коим он был, Гринхорн прозаично пал жертвой порока — жадности. Забрав свои полмиллиона долларов авансом от «ХАМАСа», Гринхорн изменил свою позицию и попытался вымогать два миллиона долларов у правительства США, обещая передать подробности спланированного «ХАМАСом» нападения на Киртланд. Несмотря на то, что навыки Гринхорна впечатляли, их было не сравнить с полными и целенаправленными усилиями АНБ, которое отследило запрос вымогательства Гринхорна и извлекло подробности «ХАМАСа» из его компьютера, а затем приступила к стиранию счета в Швейцарском банке, который он подготовил для раннего ухода на пенсию.

Разбитый, в бегах, и прячась от рассерженных покупателей «ХАМАСа», Гринхорн ушел в подполье и стал кибер-наемником. После того инцидента власти держали бывших друзей соотечественников Гринхорна под электронным наблюдением, но безрезультатно. До сих пор.

— Вирус, который он написал для ноутбука «Трего» — это чистый Гринхорн, — сказала Гримсдоттир, — но с уловкой — кусочек кода безопасности, который он когда-то использовал слишком часто. Я взяла код и обработала на центральном компьютере, выпустив его на все электронные письма, которые мы перехватывали от старых друзей Гринхорна. Нам повезло.

— Объясни, — сказал Ламберт.

— Мы запустили одинаковые протоколы шифрования в вирусе Гринхорна через всю перехваченную электронную почту. Похоже, что одна из бывших девушек Гринхорна получала любовные письма под видом спама: ипотечные предложения, скидки в аптеках... обычное дело. Ну, вчера эта женщина получила письмо от Гринхорна. Расшифровав письмо, в нем говорится:

«Билет ждет тебя в аэропорту. Встречай меня в «Бурдж аль-Араб». Шампанское и икра».

¹⁰ ХАМАС - правящее в секторе Газа исламское движение сопротивления и политическая партия.

— Где находится «Бурдж аль-Араб»? — спросил Ламберт.

— Правильнее спросить «ни где», а «что такое». «Бурдж аль-Араб» — это отель, скорее всего самый роскошный курорт на планете. Он в Дубае, — ответил Фишер.

Ламберт покосился на него.

— Откуда тебе известно?

Фишер пожал плечами, слегка улыбнувшись.

— Парень же должен где-то отдыхать, не так ли?

— Ну, считай, что у тебя отпуск. Привези мне сувенир.

ДУБАИ, ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ

Такси свернуло на обочину и остановилось, Фишер расплатился с шофером и вылез из машины. Хотя при подготовке к заданию он прочитал всяческую литературу и запомнил все чертежи и схемы, увидев вживую «Бурдж аль-Араб» у него перехватило дыхание, как будто от жары, несмотря на то, что еще не полдень, температура поднялась до тридцати двух градусов по Цельсию.

Расположенный на искусственном, похожем на пальму острове в трехстах метрах от берега, отель соединялся с материком при помощи возвышающегося двухполосного моста, ограниченного высокими ограждениями, ворота с каждой стороны моста были укомплектованы парой вооруженных охранников. Возвышаясь на шестьдесят этажей и 321 метр, изогнутый, совершенно белого цвета «Бурдж аль-Араб» был не только самым высоким отелем в мире, но также наиболее богатым, характерными особенностями этого были: ста восьмидесяти метровый атриум, вертолетная площадка, теннисный корт на крыше, номера люкс, площадь которых была больше площади дома среднестатистического человека, личный дворецкий и «Роллс-Ройс» с шофером.

Спроектированный согласно чертежам отель напоминал раздутый ветром парус, он волнующе воздействовал как с расстояния, так и вблизи. Осматривая его, глаза и разум Фишера были на мгновение обмануты, поверив в то, что наблюдают, как парусник скользит в порт.

«А второй такой системы безопасности не существует», — подумал Фишер, делая снимок.

Он был не один, кто остолбенел от восхищения. Десятки туристов застыли в изголовье моста, делая фотографии поверх голов улыбающихся охранников в белых рубашках. Репутация «Бурдж

аль-Араб» как главной туристической достопримечательности на Среднем востоке, облегчало наблюдение Фишеру.

Пока Сэм был снаружи, Гримсдоттир производила собственную кибер-разведку. Согласно внутренней сети центрального компьютера «Бурдж аль-Араб», Маркус Гринхорн остановился в номере площадью триста квадратных метров, стоимостью шесть тысяч долларов за ночь. И он был не один. Помимо его девушки, приехавшей днем ранее, Гринхорна сопровождали не менее пяти телохранителей, предоставленные самим эмиром¹¹, привлеченных из рядов спецназа ОАЭ, известных как «Аль-МугхаАвир» или «Рейдеры».

Это говорило Фишеру о двух вещах: первое, на кого бы ни работал Гринхорн, тот имел исключительное влияние на Среднем востоке; и второе, его собственное проникновение в «Бурдж аль-Араб» только что стало еще рискованнее.

Он проверил часы. Три часа до наступления темноты.

Отсутствие лодок безопасности патрулирующих воды вокруг отеля громко говорило, что дело либо в лени персонала, либо уверенности во внутренней системе безопасности. Фишер полагал, что дело в последнем и это было подкреплено последним звонком в ситуационную комнату.

— Я закачала чертежи отеля и схемы на твой ОПСАТ, — сказала Гримсдоттир. — Я не хочу лгать тебе, Сэм, дело дрянь.

— В смысле дрянь?

— Сплошное резервирование. Я взломала их сеть безопасности, однако в большинстве случаев я смогу только обойти сигнализации и датчики всего на двадцать секунд, прежде чем включится система резервирования. Когда я говорю «двигайся», ты должен быстро двигаться. Когда я говорю «замри», ты должен замереть.

— Я в твоём распоряжении.

— Сэм, я подтвердил сброс оборудования. Просто следуй за GPS-маркером и ныряй прямо вниз, — сказал Ламберт.

Учитывая характер цели, он и Ламберт пришли к соглашению, что обычный метод проникновения будет бесполезным. Отель находился под наблюдением близлежащей военно-морской радиолокационной станцией, и любое приближение с воздуха привлечет внимание истребителей-перехватчиков ОАЭ. Даже без этих осложнений, Фишер не был уверен. Ветра вокруг отеля были изменчивы, а крыша небольшой. Если он промахнется, то осуществит свободное падение с трехсот метровой высоты.

Единственный вариант: под водой. С этой целью, ранее в тот же день заместитель начальника штаба ЦРУ в консульстве Дубаи, был отправлен порыбачить в направлении побережья от

¹¹ Эмир - в некоторых мусульманских странах Востока и Африки титул правителя, князя.

«Бурдж аль-Араб», где он выбросил нагруженную сумку с оборудованием Фишера.

— Глубоко?

— Семь с половиной метров, плюс-минус. Для тебя раз плюнуть.

Годами ранее Фишер занимался в открытом океане свободным плаванием, в котором дайверы задерживают дыхание и погружаются на глубину от тридцати до ста двадцати метров. Первоначально привлекает в спорт простое любопытство, Фишер сразу же вошел во вкус не только из-за физического вызова организму, который был значительным, но и из-за психического вызова. Свободное погружение было серьезнейшим испытанием для разума и контроля страха.

— Это не погружение, полковник, это — восхождение.

Проникнуть внутрь было только полдела; оттуда нужно было еще выбраться.

Через час после захода солнца, Фишер покинул отель и взял такси в район ночного клуба Дубая, где он вышел и прогулялся, пока не убедился, что за ним не следят. Затем, следуя карте в голове, он прошел два квартала на запад в направлении берега. Быстрая проверка мини-монокюляром ночного видения, показала, что на пляже нет никого. Он пошел к границе прилива.

Слева от него в полутора километрах сверкал «Бурдж аль-Араб», освещенный изнутри желтыми фонарями, а снаружи — стратегически расположенными зелеными прожекторами, выделяющимися на белоснежном фоне наружной отделки. Как и было задумано, отель выглядел массивным и ярким парусом клипера, покоящегося на поверхности океанской глади. На крыше Фишер увидел теннисистов, размером с муравьев, которые носились взад и вперед под ослепительным освещением стадиона. Небо было чистым, но звезды тусклыми из-за загрязнений от близлежащих нефтеперегонных заводов и скважин.

Он посмотрел на показания часов со встроенным GPS: он был на месте.

Фишер последний раз огляделся, затем бросился вперед и нырнул в надвигавшуюся волну. Следуя по GPS, он доплыл до необходимого места всего за несколько минут. Он сделал вдох и начал погружение на дно. Координаты были абсолютно точными. Как только он приблизился к дну, мигающий красный сигнал возник из мрака. Он потянулся к нему. Его рука ощутила прикосновение резины.

Сэм снял гражданскую одежду, под которой на нем был надет тактический костюм, затем расстегнул сумку и нашел лицевую маску ребризера. Он приложил ее к лицу и начал затягивать ремешок, пока не почувствовал, что маска села плотно, затем нажал выпускной клапан и сильно выдохнул, очищая маску. Он выдул воду одним залпом. Послышалось шипение, за которым последовал горький привкус на языке, поскольку заработал химический газоочиститель ребризера. Сэм почувствовал струю прохладного кислорода, поступающую в рот. Затем он прикрепил ремни ребризера, ласты и ремень с грузами. В заключение Фишер пристегнул к запястью ОПСАТ, к ноге — пистолет и закинул за спину SC-20K.

Он включил подсветку на лицевой маске и стал окружен пузырями красноватого цвета. Затем он ее выключил и нажал на имплант.

— Проверка связи.

— Слышу тебя четко и ясно, Сэм, — сказала Гримсдоттир.

— Направляюсь в точку входа.

Через двадцать минут, первым признаком того, что он приближается к цели, был звук отдаленного рева и низкочастотного урчания в животе. Он проверил показания ОПСАТа:

оставалось еще четыреста метров.

Исключив сброс с самолета, Фишер выбрал, как он полагал, наиболее уязвимое место «Бурдж аль-Араба»: его водоснабжение. Чтобы не зависеть от пресной воды с материка, архитекторы «Бурдж аль-Араба» оборудовали отель собственными опреснительными и наносными станциями, которые снабжались водой при помощи массивных, с вращающимися винтами, приточных каналов, два из них были встроены в бетонное основание острова. Согласно схемам, каждый канал в окружности был, как автобус и был снабжен гребными винтами как на линкоре. Работая вместе, они пропускали достаточно соленой воды в опреснительные и насосные станции, чтобы обеспечить гостей и персонал пресной питьевой водой и водой для купания, в тоже время, поддерживая системы пожаротушения. Тут-то и была загвоздка: как пробраться сквозь один из приточных каналов и не стать измельченной приманкой для рыбы. Первым препятствием будут вовсе не лопасти гребного винта, а защитная сетка снаружи. Впрочем, это тоже было малоутешительным. Если он утратит контроль и окажется прижатым к сетке, то его просеет сквозь нее словно томатный соус через решето.

— Я в четырехстах метрах, — сообщил он.

— Будь внимателен, — сказал Ламберт. — Следи за своим текущим положением. К тому моменту как ты почувствуешь, что насос затягивает тебя, будет уже слишком поздно.

— Понял.

Сэм продолжил плыть.

Он держал ровный ход и регулярно смотрел на ОПСАТ, проверяя Расстояние До Цели и Скорость Движения в Воде.

РДЦ: 310 МЕТРОВ/СДВ: 4.5 КМ/Ч ... РДЦ: 260 МЕТРОВ/СДВ: 4.5 КМ/Ч ...

РДЦ: 190 МЕТРОВ/СДВ: 4.5 КМ/Ч ... СДВ: 4.6 КМ/Ч ... СДВ: 4.8 КМ/Ч ...

— Моя скорость только что увеличилась, — сообщил Фишер.

До приточного канала оставалось еще 180 метров, а он уже создавал тягу. Фишер почувствовал, как встали волосы на шее от страха. С каждым метром его скорость нарастала.

— Не греби ногами, — приказала Гримсдоттир.

— Я уже не гребу.

За несколько секунд, что они разговаривали, его скорость увеличилась до 7.2 км/ч — не так много для суши, но довольно быстро для воды. Фишер включил подсветку и посмотрел вниз. В нескольких метрах под его животом проносилось дно: размытые камни и белый песок. При таких условиях он бы врезался в сетку приточного канала со скоростью тридцать километров в час. Он выключил подсветку.

«Не думай, просто делай».

— Грим, как только захочешь их отключить — отключай, я — «за».

— Расслабься, я все досконально смоделировала.

Фишер проверил ОПСАТ:

РДЦ: 90 МЕТРОВ/СДВ: 16.3 КМ/Ч ...

— Подожди ... подожди, — сказала Гримсдоттир. — Запомни, Сэм, я могу замкнуть аварийную систему максимум на семьдесят пять секунд, затем включится система резервирования. Спустя двадцать секунд приточный канал заработает на полную мощность.

— Понял.

РДЦ: 60 МЕТРОВ/СДВ: 26.9 КМ/Ч ...

— Жди ... Сейчас! Отключаю!

Тут же Фишер услышал, что рев приточного канала изменился и начал сходиться на нет. Он почувствовал, что тяга ослабевает свою хватку над его телом. Показание ОПСАТа убывало с пятидесяти метров до тридцати, затем до двадцати. Скорость упала до двенадцати километров в час.

Он достиг точки входа и включил подсветку.

Внезапно защитная сетка уже оказалась перед ним, массивная решетчатая стена возникла из темноты. Фишер успел выставить вперед ноги, чтобы основной удар пришелся на ласты. Однако тяга течения была достаточно сильной, чтобы припечатать Сэма лицом к сетке. Сквозь нее гребной винт, залитый красным сиянием его подсветки, сбавлял обороты, массивные лопасти в форме ятагана отбрасывали тени.

Фишер выдохнул задержанное дыхание.

Прозвучал голос Гримсдоттир:

— Сэм, ты здесь?

— Здесь.

— Часы тикают. Резервное питание включиться через пятьдесят секунд.

С одного из своих карманов на поясе Фишер вытащил двухсот сорока четырех сантиметровый шнур. Практически идентичный горящему шнуру, который он использовал при проникновении на верфь Ньюпорт Ньюз, этот шнур был покрыт водонепроницаемым клейким веществом.

Он обвязал сетку шнуром, затем закрепил химический детонатор и отплыл. Прошло две

секунды. Овальной формы вспышка белого света длилась восемь секунд. Когда пузырьки исчезли, Фишер устремился вперед, вытянув руку, он схватил поврежденную сетку. Сэм сделал резкий рывок, после чего сетка вышла свободно. Он бросил ее.

— Проверка времени.— Сказал он.

— Сорок секунд.

Он проплыл внутрь.

Пробравшись через дыру, Фишер сразу же осознал, что они неверно поняли чертежи каналов. В отличие от гребного винта корабля, где каждая лопасть крепилась на вал рядом с соседней, здесь лопасти были установлены одна за другой вдоль вала, как резьба на шурупе. Хуже было то, что на валу Сэм насчитал восемь лопастей вместо четырех. Фишер понял, что такая структура имеет смысл, если твоя цель обеспечить всасывание, а не движение.

— Есть проблема,— радировал Фишер. — Сколько осталось времени?

— Тридцать секунд.

Он схватился за край первой лопасти и протолкнул себя под нее, устремляясь вперед, извиваясь и погружаясь под вторые, третьи, четвертые, пятые лопасти.

— Пятнадцать секунд, Сэм.

Рядом с ним издавалось электрическое гудение, создаваемое валом размером с бочку, затем послышалась начавшаяся серия лязганья стали о сталь, как только лопасти снова завелись. Он нырнул под шестую лопасть, потом повернул направо и изогнул свое тело, чувствуя, как задняя кромка седьмой лопасти скоблит его по бедрам.

— Восемь секунд... семь... шесть...

Он вложил все свои силы в ноги и оттолкнулся. Он скорее почувствовал, чем увидел, как начинают двигаться лопасти, поток интенсивной волны как будто подталкивал Сэма сзади.

— Запуск произведен ... на двадцать процентов.

— Я пробрался.

— Не сбавляй темп. Технологическая шахта в пятнадцати метрах вниз по тоннелю. Там должно быть круглое отверстие в потолке. Оно не будет помеченным, ты должен найти путь на ощупь. Если ты не доберешься вовремя ...

— Я знаю, я помню.

«В опреснительный отсек для кипячения».

— Винты работают на пятьдесят процентов мощности.

Их рев уже был оглушительным. Через маску Фишер видел лишь пену. Он наклонился вверх. Протянутая рука касалась гофрированного металла.

— Мощность — семьдесят процентов, — сообщила Гримсдоттир. — Там должна быть лестница, выступающая из технологической шахты, Сэм. Сейчас она приближается быстро ... девять метров ... восемь ...

Ударяясь рукой о рифленую сталь потолка, Фишер ощущал свою скорость. Он включил подсветку, надеясь уловить взглядом приближающуюся лестницу, но вихрь из пузырей снижал видимость до нуля. Он выключил подсветку. Сэм был вынужден сделать это на ощупь, за счет лишь рефлексов.

— Пять метров ... Ты на верном пути, Сэм. Совсем рядом.

На долю секунды пена расступилась, и он сумел разглядеть что-то, горизонтальную стальную перекладину. Он вцепился в ступеньку обеими руками и из-за резкой остановки испытал сильный толчок. Боль пронзила его запястья и плечевые впадины. Ноги, подхваченные потоком воды, казались невероятно тяжелыми. Один из его ластов слетел с ноги, затем и другой.

«Поднимайся, Сэм, поднимайся!»

Он потянулся вверх, зацепился рукой за следующую ступеньку и подтянулся. Затем снова и снова. Сила потока, затягивавшая ноги уменьшилась. Он продолжал подниматься, по одной ступеньке за раз, и вдруг, его голова оказалась в воздушном кармане. Также внезапно исчезла и сила потока. Он сделал несколько глубоких вдохов, успокоив сердцебиение; затем включил подсветку на маске и глянул вниз. В нескольких сантиметрах от ступни, вода в канале неслась как из пожарного шланга — что, по существу, так и было.

Он нажал на имплант:

— Я в шахте, руки-ноги целы.

— Хорошая работа, Сэм,— ответил Ламберт.

— Была ли какая-нибудь тревога или изменение обычного распорядка?

Гримсдоттир сказала:

— Нет. Я прослушиваю частоты службы безопасности и технического обслуживания отеля. Они восприняли отключение всасывания как обычный сбой. Свяжись, как достигнешь первой точки. Вот где начнется самое интересное.

— Понял.

Потребовалось некоторое время, чтобы в стесненных условиях шахты снять ребризер и ремень с грузами и подвесить их к лестнице, но за счет нескольких изгибаний он сделал это. Хотя Сэм не планировал покидать отель тем же путем, каким проник сюда, он знал, что случится может все что угодно. Имея здесь снаряжение, у него была страховка не только от закона Мерфи: «Если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет», но и от собственного закона Фишера: «Дорога предположений выстлана гробами».

ОН поднялся наверх лестницы, повернул стопорное колесо и приподнял люк, чтобы просунуть кончик гибкой оптоволоконной камеры. Через объектив он увидел то, что ожидал:

центр технического обслуживания отеля. Помещение, тускло освещенное люминесцентными производственными лампами, расположенными по всей длине потолка, было примерно тридцать метров в длину и тринадцать в ширину. Вдоль стен тянулись ряды пультов управления и заключенные в рамки чертежи. Дальше в центре комнаты стояли выстроенные до потолка, ряды стеллажей для всякой всячины, которая требовалась для поддержания работы отеля: от небольших винтиков до новых насадок для очистки и покраски. Тут и там было множество ящиков в которых, как он полагал, были предметы побольше, например, моторы, насосы, электрические коммутационные панели.

После рева приточных каналов, комната технического обслуживания казалось подозрительно тихой, и только случайное потрескивание радиопомех и слабое электрическое шипение нарушало тишину. Он повертел гибкой оптоволоконной камерой вокруг. В дальнем конце он увидел автопогрузчик, который проехал между рядами стеллажей и исчез. Кроме этого, движения не наблюдалось. Он не был удивлен. В это время ночи смена техобслуживания состояла из небольшого количества работников. К сожалению, то же самое нельзя было сказать о службе безопасности. Как сказала Гримсдоттир, служба безопасности была укомплектована людьми круглые сутки.

Он переключился на ЭМ (электромагнитное) видение, высматривая необычные сигнатуры, которые могли означать лазерную сетку или камеры. Ничего не было. Он вытащил камеру.

— Ладно, Грим, приборы показывают, что камер или датчиков нет.

— Подтверждаю, — ответила она. — Здесь нет ничего, пока ты не доберешься до внешнего коридора.

— Понял, выдвигаюсь.

Он поднял люк, выбрался наружу и закрыл люк. Сэм замер на корточках, ожидая и наблюдая. Люминесцентные лампы, которые, скорее всего, светили на полную мощность днем, были переключены в полнакала. Стены и стеллажи были в тени. Он бросился к ближайшей стене и прижался к ней, затем скользнул вправо, глаза осматривали комнату, рука покоилась на рукоятке пистолета. Другая рука коснулась стали. Даже не глядя, он знал, что это было.

— Я у главного входа, — радировал он.

— Первая камера в шести метрах по коридору. Она делает десяти секундный поворот, инфракрасного и ночного видения нет.

— Жду твоей команды, — прошептал Фишер.

— Внимание... готовься... Пошел!

Он повернул ручку, распахнул дверь, и затем проскользнул в коридор.

БУРДЖ АЛЬ-АРАБ

Он вышел в коридор и прижался к стене. Первая камера была в шести метрах дальше по коридору, высоко на стене. Как и в технологической комнате, освещение в коридоре было притушено для ночной смены. Небольшие галогенные лампы заливали лучами света стык между стеной и потолком. Сэм начал скользить вдоль стены, наблюдая за тем, как камера заканчивает свой осмотр и начинает поворачиваться в его сторону. Прямо под ней будет слепое пятно. Он продолжал двигаться: шаг, скольжение, шаг, скольжение... Камера достигла своего среднего положения. Объектив поймал тусклый свет галогенной лампы, и диафрагма камеры сузилась. Фишер услышал жужжание моторчика.

Он встал под камерой и замер.

— У камеры номер один, — радировал Сэм.

Существовало целое искусство правильного использования камер наблюдения, и, к счастью для него, большинство служб безопасности либо не знали нюансов этого дела, либо были слишком ленивы, чтобы возиться с этим. Камеры, обеспечивающие перекрытие зон наблюдения, обычно осуществляют осмотр одним из трех способов: синхронизация, смещение и случайное смещение. Синхронизация — камеры просто двигаются в унисон; смещение — движение камеры в шахматном порядке, для более лучшей зоны покрытия пробелов; случайное смещение — используются компьютерные алгоритмы, чтобы обеспечить полную зону покрытия, в сочетании с непредсказуемым движением. Самым простым было справиться с синхронизацией, затем следовало смещение. Случайное смещение было кошмаром — и, конечно же, именно такой способ применялся в «Бурдж Аль-Араб». Здесь, в узких рамках коридора, где охват камеры был ограничен, проблема была незначительной, но потом, по мере проникновения дальше в отель, потребуется некоторое изящество.

— План покрытия на твоём ОПСАТе, — ответила Гримсдоттир. — Я разработала алгоритм движения. Только следуй по светофору.

Сэм проверил экран: его следующей точкой маршрута была кладовка с припасами между этой камерой и следующей. Его соблазняло взглянуть на камеры, но он не отрывал глаз от ОПСАТа. Согласно плану, камеры в коридоре отображались как закрашенные желтые треугольники; так как каждая камера двигалась, треугольники изменяли цвета: красный — стоп, зеленый — идти.

Когда следующая камера и та, что над ним, отобразились зеленым цветом, он побежал

вперед. Когда он поравнялся с дверью кладовки, она открылась, и вышел охранник. Он увидел Фишера и открыл рот. Фишер ударил его большим пальцем в гортань и его рот захлопнулся с приглушенным звуком. Фишер толкнул его назад в кладовку, последовал за ним и закрыл за собой дверь. Схватившись за свое горло, охранник отошел к стене и стоял там, тяжело дыша. Фишер выхватил пистолет и навел его на грудь мужчины.

— Боль пройдет. И когда она пройдет, стоит тебе закричать, как я пристрелю тебя. Ты понял?

Охранник кивнул и прохрипел что-то вроде «да».

Фишер позволил ему оправиться, а затем сказал:

— Повернись.

— Вы собираетесь убить меня?

— Ты хочешь, чтобы я убил тебя?

— Пожалуйста, нет ...

— Тогда повернись.

Охранник послушался. Фишер нажал на имплант и сказал Грим:

— У меня есть голос для тебя.

— Я готова.

Фишер приставил пистолет к задней части шеи охранника, затем просунул руку над его плечом и выставил ОПСАТ около его рта.

— Скажи что-нибудь.

— Что вы хотите, чтобы я сказал?

Через имплант Гримсдоттир сообщила:

— Готово.

Сэм ответил охраннику:

— Только это. А теперь пора спать, приятель.

Фишер переключил пистолет в режим стрельбы дробиками и выстрелил охраннику в затылок.

Мужчина издал стон и упал лицом вперед.

— «Дремлющий»; «чисто», — сообщил Фишер.

То, что Гримсдоттир только что получила от охранника, было голосовым образом, который она теперь могла сопоставить с записями, собранными ею при прослушивании отеля. Несмотря на сложность процесса, имея мозаичный образ голоса для воспроизведения его центру безопасности, можно избежать обнаружения пропажи выведенного из строя охранника. В течение оставшейся части миссии, этот охранник, хоть и находясь без сознания на полу, будет продолжать предоставлять отчеты в соответствии с требованиями. Фишер обыскал охранника, но нашел в карманах лишь мусор и удостоверяющую личность ключ-карту, которая была бесполезной для Сэма. Передвижные патрули отеля были назначены по секторам, и если эта

ключ-карта будет использована за пределами своего сектора — будет поднят сигнал тревоги.

Он перекатил тело охранника в угол и прикрыл его кучей малярских брезентов. Фишер перепроверил ОПСАТ, пошел к противоположной стене кладовки, начал ее ощупывать пока не нашел то, что искал и вырвал скрытую съемную панель, открывая полупроходный канал приблизительно шестьдесят на шестьдесят сантиметров. Он присел на корточки и окинул взглядом его длину.

— Точка маршрута номер два, — радировал он.

Он заполз внутрь.

Согласно схемам, его проверки полупроходного канала ночным (НВ) и инфракрасным видениями (ИВ) не выявили ни камер, ни датчиков и после шести метров туннель закончился другой съемной панелью. Он открутил съемные штифты, затем осторожно отставил панель, выполз и прижался к стене. Сэм вернул панель на место и посмотрел вверх. В трех с половиной метрах над головой жужжала камера, медленно поворачиваясь на своем креплении.

Сейчас он находился на самом нижнем уровне одного из шести лифтов «Бурдж аль-Араба» — одного из двух остававшихся внутри здания во время подъема. Другие четыре оставляли свои шахты на уровне вестибюля и поднимались вдоль наружной стороны отеля, предлагая захватывающие дух пейзажи Дубая, Персидского залива и севера Ирана.

Он посмотрел на шахту высотой триста двадцать один метр. Освещаемая каждые три метра только лампами технического обслуживания, шахта казалась небоскребом, возвышающимся в ночное небо. Обман зрения вызывал у него резкую волну головокружения. Он отогнал ее и нажал имплант.

— Точка маршрута номер три. Вызываю лифт.

— Поняла, — ответила Гримсдоттир. — Помни, Сэм, у тебя есть только двадцать секунд.

— Ага.

Десятки камер, расположенных по всей шахте были оснащены НВ, лазерными датчиками, камерами с ИВ. Если что-либо перемещается или испускает тепло, то оно будет обнаружено. Осознавая, что его шансы на успешное восхождение более трехсот метров в шахте лифта, при этом играя в кошки-мышки с датчиками, равнялись нулю, он применил очередное правило кредо специальных оперативников: «Делай проще, тупица!»

В этом случае простое решение пришло из секретных хранилищ «ДАПРА». Как и у большинства изобретений «ДАПРА», у этого также было официальное имя, которое состояло из множества малопонятных букв и цифр, и опять же, как и у большинства изобретений «ДАПРА», у него было прозвище:

«Пелена». По существу — это теплорассеивающее и радиолокационное отражающее покрытие, «Пелена» в течение коротких промежутков времени может справляться с

инфракрасными камерами и датчиками. Однако была небольшая загвоздка. Пользователь должен был оставаться совершенно неподвижным, затем охват длился всего шестьдесят-семьдесят секунд, за это время «Пелена» должна рассеять все тепло тела. Фишер прокручивал меню ОПСАТа, пока на экране не показалась картинка: вид сверху шести квадратов вокруг самого большого центрального квадрата — шесть лифтов отеля, а в центре сам отель. Он нажал на один из квадратов.

//ЛИФТ: СЕВЕРО-ВОСТОК ДВА//

//СОСТОЯНИЕ: ПРОСТАИВАЮЩИЙ, 14 ЭТАЖ//

//ВЫЗВАТЬ ЛИФТ НА ЭТОТ ЭТАЖ? ДА/НЕТ

Сэм нажал "Да", затем набрал номер этажа.

В шестидесяти метрах выше он услышал отдаленный гул, последовавший за металлическим лязгом, когда механизм лифта пришел в движение. Шахта наполнилась электрическим треском.

//СЕВЕРО-ВОСТОК ДВА СПУСКАЕТСЯ//

Как только кабинка лифта начала двигаться к Сэму, технические огни мигали один за одним, когда лифт проезжал каждый этаж. Спустя несколько мгновений, кабина лифта появилась из темноты, плавно скользнув мимо его лица, затем остановилась.

— Готов прокатиться, — радировал Сэм. — Поколдуй немного, Грим.

— Приготовься.

С помощью компьютера, Гримсдоттир преодолевала одиннадцать тысяч двести шестьдесят пять километров, чтобы добраться до интрасети охраны отеля и загрузить туда ее собственный алгоритм и взять временное управление камерами шахты лифта.

У камер безопасности, работающих в режиме случайного смещения, был один и единственный недостаток. У охранников в центре безопасности не было контрольной точки, не было способа узнать, двигались ли камеры как задумано или были кем-то захвачены. Об этом станет известно лишь после того, как камеры не смогут завершить три оборота с полным покрытием зоны наблюдения, после чего компьютер сообщит об ошибке и включит сигнал тревоги. Сэму потребуется не больше двадцати секунд, чтобы добраться до позиции.

— Есть, — сказала Гримсдоттир.

Фишер стоял спиной к стене, а затем вытянул руки, схватился за край крыши кабинки лифта, и подтянулся. Из карманов своего тактического костюма он вытащил «Пелену», развернув ее, он просунул левую руку и обе ноги в подшитый футляр, затем туго затянув всю спину. Он лег плашмя на крышу лифта. Свободной рукой он прокручивал экран ОПСАТа:

//ЛИФТ: СЕВЕРО-ВОСТОК ДВА//

//СОСТОЯНИЕ: ПРОСТАИВАЮЩИЙ, 1 ПОДЗЕМНЫЙ ЭТАЖ//

//ВЫЗВАТЬ ЛИФТ НА ЭТОТ ЭТАЖ? ДА/НЕТ

Сэм нажал «Да», затем «59». «Пелена» не сможет достаточно долго скрывать тепло его тела, чтобы он успел добраться до этажа пентхауса; на последнем этаже ему будет нелегко.

— Я готов, Грим,— сказал Фишер.

— Отключаю контроль отеля над камерами.

Слегка дрогнув, лифт начал движение вверх.

Когда лифт остановился, Фишер замедлил дыхание и сосредоточился на неподвижности. Своим мысленным взором, он представлял себе, как охранники в центре безопасности отеля следили за мониторами в режиме НВ и термального видения.

«Пелена» не оставляла теплового следа, лишь идеальный квадрат тьмы на крыше лифта. Вдруг, Фишер подумал:

«А что если ноги его будут торчать, или вдруг «Пелена» не сработает или ... Стоп, — скомандовал он себе. — Мир был полон «вдруг» и «а что если». Весь фокус заключался в следующем: контролируй все что можешь, пытайся влиять на все что можешь, а об остальном не думай».

На экране ОПСАТа, он наблюдал за номерами этажей, которые прокручивались по возрастанию: 25. . . 26. . . 27. Далее за цифрами шли слова «До отключения "Пелены" осталось», затем следовал отсчет на убывание: 50...49...48...

Отсчитывая одним глазом время, он продумывал свои следующие действия в голове. Чтобы пройти последний этаж потребуется время, терпение и выносливость. Фишер почувствовал азартную улыбку на своих губах. Просто вызов такого рода ему нравился.

«Осторожнее, Сэм».

Так же, как быть убитым или пойманным было одной из опасностей в его направлении работы, пагубной была и привычка к адреналину. Жить, балансируя на острие бритвы — мощный наркотик, и без постоянного самоконтроля, стремление к нему может быть губительным для оперативника. Учитывая его возраст и его уровень опыта, Фишер по большей части старался прислушиваться к разуму, чем к соблазнам адреналина, но соблазн был всегда.

Особенно сейчас, когда ставки были сделаны.

Он ничуть не сомневался, что США шли к войне. Только все же оставался один вопрос: «против кого?»

Предотвращенное столкновение «Трего» с Атлантическим Побережьем, в сочетании с большим ростом числа жертв в Слипстоуне не останутся неотомщенным. До сих пор все признаки вины указывали лишь на одного игрока — Ближний Восток. Независимо от того, было ли это дело рук экстремистских фракций, террористических группировок или же целой страны, значение не имело; в ближайшие недели и месяцы будет потеряно много жизней. Это была

работа Третьего Эшелона — убедиться, что будет пролита кровь виновных. Фишер чувствовал психологический груз ответственности. Вопросы по тому, что он нашел на ныне разрушенном «Дюроке» изводили его. Казалось очевидным, что яхта подобрала экипаж «Трего», доставила его в Фрипорт Сити, а затем экипаж казнили в заброшенном кофейном складе. Если это так, то почему «Дюрок» был укомплектован китайским экипажем?

«В чем нестыковка?»

Сэм не был уверен, но, возможно, человек, которого он приехал навестить, этот своенравный хакер по имени Маркус Гринхорн, знает ответы. Фишер ощутил замедление разгона кабины лифта, затем плавную остановку.

— Я остановился, — радировал он.

— Оставайся на позиции, — сказала Гримсдоттир. — Когда я скомандую, вставай и ступай на выступ прямо позади тебя. Справа будет стойка. Прижмись к ней и займи эту позицию.

— Понял.

— Готовься ... пошел!

Фишер встал, смахнул «Пелену» со спины и сделал шаг назад, пока он не почувствовал, что его ноги касаются выступа. Он прижался к стене и скользнул вправо, пока не уткнулся плечом в стойку.

— Отпускаю лифт, — сказала Гримсдоттир.

Кабина лифта закрипела, затем опустилась в темноту.

Фишер нажимал на кнопки ОПСАТа, пока не появился схематический вид шахты сверху. Его позиция была мигающим синим квадратом, окруженным зелеными линиями — стенами. Справа, с другой стороны стойки, была красная точка. Камера. Напротив него, с другой стороны стойки, еще одна красная точка, другая камера.

— Твой следующий шаг — прыжок, Сэм, — сказала Гримсдоттир. — Прямо через шахту на другой выступ.

Это был двух с половиной метровый прыжок на двадцати пяти сантиметровой выступ. Он был хорош, но не настолько. Сэм посмотрел вниз шахты; это была бездонная яма.

— Я буду висеть на кончиках пальцев, Грим, — сказал он. — Долго?

— Двадцать две секунды. После этого забирайся на выступ, проскользни вокруг стойки и снова повисни. Камеры будут двигаться прямо над твоей головой. По моей следующей команде ты поднимешься и вытянешь руки. Там будет техническая лестница. Поднимись на пять ступеней и замри.

— Понял, — сказал он.

Его целью был полупроходный канал техобслуживания, который проходил по всему потолку пентхауса. Оказавшись там, вдали от всевидящих камер и датчиков, он получит доступ к люку, ведущему на крышу. Он переключил свои трифокальные очки на НВ и просмотрел маршрут, который обозначила Гримсдоттир. Он должен танцевать между слепыми зонами двух камер. Без права на ошибку; нет места для сомнений.

— Приготовься, — радировала Гримсдоттир. — Жди... жди... Пошел!

Он прыгнул. Сэм на секунды завис в воздухе, под ним зияли триста двадцать метров небытия. Его руки ударились о выступ. Он повис и поднял колени, чтобы уменьшить раскачку, длившуюся всего несколько секунд. Он свесил ноги.

— Еще немного, — сказала Гримсдоттир. — Камера приближается. Хорошо, давай.

Фишер подтянул, зацепился пяткой за выступ, используя ее как рычаг, поднял тело. Затем правой рукой взялся за стойку и втащил себя пока не смог перевернуться и сесть. Он скользнул вверх по стене в положение стоя.

— На позиции, — вызвал он.

— Следующее движение через четыре секунды. Три... две... пошел.

Фишер повернулся лицом к стойке, схватился за нее обеими руками и высунулся, позволяя весу тела и скорости движения перекинуть его на другую сторону. Он отступил назад, почувствовав, как его пятки скользят по краю, затем сделал вдох и шагнул обратно в пустоту. Он падал вниз. Когда выступ пронесся мимо его лица, Сэм поймал его двумя руками.

— Семнадцать секунд, — отчиталась Гримсдоттир. — Повеси там.

«Очень смешно», — подумал Фишер.

— Прости, подобрала неподходящие слова, — сказала она. — Хорошо, поднимайся по лестнице и ты у цели. Иди через пять... четыре... три...

Фишер напряг руки и плечи для рывка, когда заревел сигнал тревоги.

— Вперед, Сэм, действуй!

Он забрался на выступ, поймал лестницу над головой и начал подниматься.

Он протиснулся в люк техобслуживания и впихнул себя в полупроходный канал. Он был окружен водопроводом и кабелепроводом. Сэм изгибался в канале, пока не развернулся лицом к люку.

— Что, черт возьми, произошло? — спросил он.

— Не уверена. Проверяю.

Через десять секунд она вернулась:

— Хорошо, похоже, что у них был скачок напряжения. Это отключило алгоритмы камер. Кажется, они уловили какое-то слабое движение — по всей видимости, недостаточное, чтобы опознать, но достаточное, чтобы включить тревогу. Пригнись и жди. Приближаются гости. Слова едва прозвучали в его наушнике, как где-то внизу он услышал шум от рации, последовавший за звуком приведенного в движение храпового механизма. У него заняло некоторое время, чтобы определить, откуда идет звук: охранники выламывали двери лифта. Голоса на арабском эхом отдавались в шахте. Свет снизу проникал через края люка, когда охранники светили повсюду фонарями. Фишер отлично знал арабский, однако охранники говорили быстро, поэтому он уловил только отрывки:

— Есть что-нибудь?

— Ты видишь что-нибудь?

— Нет, здесь нет ничего. Что они увидели?

— Дай я проверю.

Рация снова зашумела. Произошел разговор, слишком приглушенный, чтобы Фишер смог разобрать, потом прозвучал голос:

— Они не уверены. Просто движение.

— Ну, здесь ничего нет. Мы на высоте трехсот метров. Что здесь может двигаться?

Шум рации.

— Центральная, все чисто. Здесь нет ничего.

Прошло несколько секунд. Фишер услышал глухой стук закрывающихся дверей лифта, затем наступила тишина.

— Двигаюсь, — сказал он и начал ползти.

Через пять минут, найдя без труда люк, Фишер присел у края крыши, глядя на балкон пентхауса. Где-то там ждал Маркус Гринхорн.

Скорость, с которой охранники отеля отреагировали на тревогу, сказала Фишеру, что они находились очень близко — там же, полагал он, где и спецназ эмира «Аль-МугхаАвир». У

Фишера не было желания или нужды затевать перестрелку, поэтому он должен осторожно двигаться и быстро захватить Гринхорна прежде, чем он сможет вызвать подмогу.

Он рывком вернул очки НВ на голову, затем лег на живот и устремился вперед. Медленно, сантиметр за сантиметром, он опускал торс через край крыши до тех пор, пока он не стал висеть вверх ногами, руками держась за карниз. Балкон протянулся по всей длине пентхауса, около тридцати метров, на нем располагались джакузи, фонтан и наружная столовая. Через окна он видел, что в помещении было в основном темно, единственный свет исходил от семисот литрового аквариума, который светился мягким, голубым светом. Он переключил на ИВ, еще раз все осмотрел и ничего не увидел. В последний раз он проверил нет ли датчиков или камер при помощи электромагнитного видения (ЭВ) и снова ничего не увидел. Тем не менее, здесь находилось много охранников «Аль-МутхаАвир», вероятно они располагались в зале снаружи.

Плавным движением он скользнул через край, сделал замедленный кувырок через руки, повис на полсекунды, затем бесшумно срыгнул на балкон. Сэм повернулся лицом к окнам с пистолетом наготове. Он ждал, не двигаясь, секунд тридцать пока не убедился, что никого нет. Войти в пентхаус можно было через ряд из трех застекленных створчатых дверей, установленных на равном расстоянии друг от друга вдоль балкона. Он выбрал те, что были слева от него. Эти створчатые двери были не заперты. Он проскользнул внутрь. Проведя последний час, обливаясь потом, у Фишера захватило дух от внезапной прохлады на лице из-за кондиционера. Отделка номера была выполнена в натуральных тонах, стены из красного дерева с золоченой рамкой, пышное ковровое покрытие и достаточное количество гобеленов и произведений искусства для небольшого музея. Аквариум, наполненный разнообразными видами тропических рыб, тихо булькал и отбрасывал колеблющиеся тени на потолок.

Сэм вывел схему пентхауса на ОПСАТ, чтобы сориентироваться, затем двинулся дальше.

Он обнаружил Гринхорна, храпящим в спальне. Лежащая в нескольких шагах на двуспальной кровати обнаженная женщина, как предположил Фишер, была его девушкой, которой Гринхорн отсылал приглашение.

На Гринхорне были одеты белые трусы, футболка с надписью «СЪЕШЬ МОИ НУЛИ И ЕДИНИЦЫ» и белый махровый халат с эмблемой гребня «Бурдж аль-Араб».

Несмотря на то, что ему еще не было тридцати лет, Гринхорн выглядел на десять лет старше, с его пузом, пышной комплекцией и плешивостью.

Фишер подошел к кровати со стороны женщины, и уже почти выстрелил в нее дротиком, как заметил браслет с медицинским оповещением на запястье.

«Вот, черт», — подумал Сэм.

Если бы он выстрелил в нее дротиком или «Ватным Шариком», то неизвестно, как бы

транквилизатор повлиял на состояние, в котором она находилась, и Сэм не собирался убивать ее просто потому, что она была настолько глупой, чтобы связываться с таким идиотом, как Гринхорн. Кроме того Фишера утешало то, что она была ростом всего полтора метра и весом сорок килограммов. Если бы она проснулась, он бы с ней справился.

Сэм подошел к Гринхорну. Он убрал дротик из пистолета, а затем наклонился и уколол им предплечье Гринхорна. Он шелохнулся, а затем пробормотал что-то, потер руки и снова задремал. Такой дозы не достаточно, чтобы Гринхорн был в бессознательном состоянии, но зато он будет в течение нескольких минут изумленный и послушный.

Фишер дал препарату с дротика десять секунд, чтобы тот сработал, а затем снял очки и опустился на колени рядом с кроватью, положив руку на рукоять «Фэрбэрна Сайкса», который был прикреплен к голени. Он слегка потряс Гринхорна за плечо.

— Мистер Гринхорн,— прошептал Сэм. — Мистер Гринхорн, просыпайтесь.

Гринхорн простонал и заморгал глазами. Он повернулся и посмотрел на Фишера полуоткрытыми глазами.

— Что?

В дыхании Гринхорна чувствовалось арахисовое масло, джин и дурной запах изо рта.

— Вас зовут к телефону, мистер Гринхорн. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Фишер помог ему сесть, потом встать, а затем вывел из спальни и мастерски обыскал его, пока они шли.

— Кто ... напомним еще раз, кто вы? — пробормотал Гринхорн.

— Абдул, мистер Гринхорн, из службы охраны, помните?

— Ах, да, хорошо.

Фишер отвел его в противоположный конец пентхауса к алькову возле аквариума, затем посадил Гринхорн перед аквариумом, сам сел на стул напротив. Подсветка бы отбрасывала от него тень. Гринхорн откинулся на диван и снова захрапел.

Сэм подождал пять минут, когда препарат прекратит свое действие, затем подвинул стул вперед, чтобы быть напротив Гринхорна. Он протянул руку и надавил чуть ниже переносицы Гринхорна. Боль моментально пробудила Гринхорн.

— Эй... эй, что за, что за...

Фишер схватил его за подбородок, большой палец вдавил в полость горла.

— Ни звука.— Он надавил пальцем немного сильнее; Гринхорн замолчал. — Ты понял?

Гринхорн кивнул.

— Я собираюсь убрать свою руку, чтобы мы провели беседу. Если ты дашь мне ответы, которые мне нужны, то тогда ты будешь жить и увидишь еще один день. Если ты пискнешь или шевельнешься, то я выстрелю, и ты умрешь прямо на месте. Понятно?

— Да, да. Можно задать вопрос?

Фишер кивнул.

— Тебя прислал Большой Джо? Если это так, то деньги у меня, просто у меня не было возможности, чтобы...

— Большой Джо меня не присылал.

— Тогда кто?

— Санта Клаус. Ты был плохим мальчиком, Маркус. Ты снова играл в киберпространстве. Теперь Гринхорн все понял; его глаза выпучились.

— О, Боже.

— Очередная хорошая догадка, но снова не верно. Вопрос первый: Кто оплачивает твои каникулы здесь?

— Не знаю, я только что получил электронную почту.

— От кого?

— Не знаю.

— Это у тебя уже второе «Не знаю». Третий раз скажешь подобное, ты — труп. Я начинаю рассказывать историю, Маркус, а ты ее закончишь. И так: «Однажды тебя наняли написать для кого-то вирус». Дальше твоя очередь.

— Мм... Ээ... Я был нанят через электронную почту, клянусь. Они даже сказали, что уже открыли счет в Швейцарском банке для меня. Я получил сто тысяч авансом и получил еще сто тысяч после того, когда сделал работу. Прошу поверить мне, при сделке я никогда не встречаюсь лицом к лицу

Фишер поверил ему.

— Когда это было?

— Два месяца назад.

— Когда тебе поручили приехать сюда?

— Семь, возможно десять дней назад.

«Как раз тогда, когда «Трего» был направлен на США. Но почему, — спрашивал себя Фишер, — если работодатели Гринхолда так волновались о том, что он кого-нибудь наведет, то просто не убили его?»

— С тех пор с тобой никто не связывался?

— Нет. Мне сообщили, чтобы я приехал сюда, затем ждал их следующего появления.

— Ты уверен, что именно этот человек, который нанял тебя, организовал все это?

— Да.

— Умный парень как ты сохранил бы детали, не так ли? Электронные письма, банковские реквизиты... Небольшая страховка.

— Ээ... ну же, мужик, они убьют меня.

Сэм вытащил пистолет и направил в лоб Гринхорну.

— Они не успеют.

— Боже, ладно, ладно. Да, я сохранил кое-что.

Гринхорн полез в карман своего халата и вытащил флэшку.

— Все здесь.

Фишер подключил накопитель в USB-порт ОПСАТа, подождал, пока ОПСАТ копирует содержимое, затем засунул флэшку в кармашек на руке.

Краем глаза Фишер заметил какое-то движение. Пистолет все еще был наведен в Гринхорна, он медленно повернул голову. Подруга Гринхорна, теперь уже одев только трусики, шла через комнату, потирая глаза. Она увидела Гринхорна и остановилась. Фишер был в тени, опустил пистолет и отклонился дальше на диван.

— Эй, Маркус — скрипучим голосом сказала она. — Почему ты сидишь здесь в темноте?

— Эм... ну понимаешь, просто смотрю на рыбок. Не могу уснуть.

Она сделал шаг к нему.

— Тебе составить компанию?

— Нет, детка, все в порядке. Возвращайся в постель.

— Ладно...

Она пошла в спальню, затем остановилась. Она повернулась. Взглянула на Фишера, несколько раз моргнула и подняла голову.

«А, проклятье» — подумал он.

У него не было желания убивать какую-то женщину, которую Гринхорн втянул в свою испорченную жизнь. Он переключил пистолет в режим стрельбы дротиками.

— Дорогая, просто вернись в постель, я приду через минуту, — сказал Гринхорн.

Она продолжала смотреть на Фишера, моргая, стараясь понять, что ее все еще затуманенный разум пытался сказать. Фишер уже хотел выстрелить дротиком, как вдруг она открыла рот и начала кричать.

То, что вырвалось из ее уст, нельзя было назвать криком, скорее это был пронзительный визг, который застал Фишера на мгновение врасплох. В долю секунды женщина повернулась и побежала, как шустрый заяц вокруг аквариума и направилась к двери.

— На помощь, помогите!

Фишер встал, схватил Гринхорна, развернул его, и обхватил его шею, закрыв ее в замок. Он прижал ствол пистолета в мягкое место чуть ниже уха Гринхорна, а затем он начался двигаться влево, в сторону окна и ближайшей балконной двери.

Дверь распахнулась и четыре фигуры в черных спецодеждах ворвались внутрь. Их появление оставили Фишера без всяких сомнений, он имел дело с профессионалами. Они двигались как одно целое, образовав полумесяц, каждый из людей осматривал свою часть помещения. Один из них что-то крикнул, и все повернулись в сторону Фишера, они подняли свое оружие и прижали к плечу, начав потихоньку двигаться вперед.

План Фишера, чтобы взять Гринхорна с собой, только что испарился, как и его первоначальный план эвакуации.

— Ни шагу, пока его не сделаю я,— прошептал Фишер Гринхорну.

— Хорошо, все, что ты...

Фишер услышал приглушенный звук выстрела. Голова Гринхорна дернулась назад. Он обмяк в руках Фишера. Он сразу понял, что это не было ошибкой. Эти люди были очень дисциплинированы, чтобы рисковать таким выстрелом, и слишком хороши, чтобы промахнуться. Они следовали приказам. В том случае, если Гринхорна захватили, он не должен был покинуть отель живым. Фишер сменил хватку тела Гринхорна, держа его за воротник, затем прицелился в ближайшего «Рейдера» и выстрелил. В то же время, когда мужчина упал, Фишер прицелился снова, выстрелил, свалив второго мужчину. Двое других бросились к ближайшему укрытию и открыли огонь.

Тело Гринхорна задержалось от попаданий пуль. Фишер почувствовал, как что-то ущипнуло его за левую руку, потом что-то справа. Боли не было и он предположил/надеялся, что его тактический костюм «Пластина Носорога» выдержит. Позади он услышал звук бьющегося стекла. Закрываясь Гринхорном как щитом, он продолжал стрелять, отступая к двери, пока не почувствовал, что ударился об нее пяткой. Сэм вложил пистолет в кобуру, сорвал светошумовую гранату с ремня, вырвал чеку, затем бросил гранату. По предпочтению Фишера, запал гранаты был настроен на срабатывание через две секунды... Он закрыл глаза. Через веки, он почувствовал вспышку белого света и слабую ударную волну через тело Гринхорна.

Фишер снова оголил пистолет и открыл огонь, в надежде, что боевики не поднимут головы. Он протянул руку назад, повернул ручку, открыл дверь. Он бросил тело Гринхорна, повернулся, побежал через балкон, и нырнул через перила.

ЕГО решение против высадки с парашютом на отель было подтверждено сразу, как только Сэм преодолел перила. Он был подхвачен циклонным вихрем, хлещущем по зданию, и его начало швырять. Имея высоту в сотни метров и располагаясь у берега, отель был обращен как к внутриматериковой, так и к морской погодным системам, что включало сдвиг ветра, способный испугать любого пилота, не говоря уж об одиноком человеке с парапланом за спиной.

Фишер добавил компактный параплан в свое снаряжение, в последнюю минуту в ответ на этот тихий голос в задней части головы. Попасть так в отель было проблемой, покинуть его таким образом может быть еще большей проблемой. Лучше иметь запасной план и не нуждаться в нем, чем наоборот.

Стреляли ли в него «Рейдеры» с балкона или нет, Фишера это ничуть не волновало. Хотя лишь несколько секунд прошло с момента его прыжка, он уже затерялся в тьме, мчась от отеля к поверхности океана со скоростью сто километров в час. У него было тридцать секунд, не больше. Он выгнул тело, широко расставил руки и ноги, чтобы поймать как можно больше воздуха. Сэм чувствовал себя слегка приподнятым. Он взглянул направо и увидел огни магазинов и ресторанов на набережной. Он повернул в этом направлении.

Фишер поднес ОПСАТ к лицу и нажал кнопку, активировав альтиметр: 216 МЕТРОВ.

Он потерял треть высоты отеля примерно за десять секунд. Учитывая изменчивость ветра, ему нужно было ждать до последнего момента, чтобы открыть свой парашют.

Сэм сверился с ОПСАТом:

149 МЕТРОВ/145 КМ/Ч

"Еще несколько секунд... "

Он протянул руку к груди и отстегнул застёжку-липучку, высвобождая вытяжное кольцо парашюта.

119 МЕТРОВ.

"Ждать... "

104 МЕТРА

Он дернул кольцо, услышал свист и трепет при раскрытии парашюта. Фишера резко дернуло вверх, он почувствовал, что желудок подступил к горлу, плечи рванули назад. Он поднял руку, нашел клевант и осторожно потянул, чтобы противостоять начальному подъему парашюта. На этой высоте, при встречном течении ветров, нос парашюта естественно задирается, преобразуя скорость полета в подъем, что приводит к сваливанию.

Он посмотрел на ОПСАТ

78 МЕТРОВ/64 КМ/Ч

Он переключил экран на режим радара. Слева на побережье мигал красный треугольник. Это также было последствием изменения оборудования Фишера в последнюю минуту. Ранее, когда он ожидал наступление ночи, Сэм блуждал по побережью несколько километров и спрятал поисковый маячок на обнаженной горной породе.

К этому времени каждый свободный полицейский в Дубае отреагирует на сообщение о стрельбе в самом роскошном отеле города. Конечно же, его описания ни у кого нет, но чем быстрее он покинет зону, тем лучше. Он подтвердил направление маячка по ОПСАТу, затем потянул левый клевант и накренился в северном направлении.

ШАНХАЙ

С закрытыми глазами, руками за спиной, Гуань-Инь Чжао расхаживал по периметру комнаты, шаги эхом отдавались от мраморного пола и сводчатого потолка. За последние два года он сотни раз ходил по этой комнате, воображая игру в своем разуме, представляя ходы и отступления противника, пока не была исключена всякая случайность. И сейчас... сейчас это приносило свои плоды.

Он остановился и повернулся лицом в центр комнаты. Освещенный галогенными светильниками мрамор был инкрустирован черной плиткой в форме доски сянци, приблизительно шесть метров с каждой стороны. Фигур не было, только квадраты и зоны противника — Красный дворец и Черный дворец — и темно-голубая полоса, символизирующая центральную границу или реку.

Чжао представлял, как фигуры движутся, танцуют друг с другом, его противник ничего не осознает пока...

— Сэр..., — вмешался голос. — Сэр, прошу прощения, что беспокою вас...

Чжао прервал задумчивость и медленно развернулся лицом к Сюню.

— Да, в чем дело?

— Их арестовали — в Техасе.

Чжао слегка улыбнулся.

— Хорошо.

— Что же хорошего? — спросил Сюнь. — Они под контролем властей. Если они заговорят...

— Они заговорят.

Сюнь нахмурился.

— Но если...

Чжао взмахнул руками, охватывая комнату.

— Сюнь, что ты здесь видишь?

— Доску сянци.

— Позволь спросить: представь, что несколько вражеских пао угрожают твоему королю. Что ты будешь делать?

— Передвину короля.

— Или?

— Нападу на эти фигуры.

— Или.

— Передвину фигуры в защиту.

— Откуда тебе известно, что этого не желает твой противник?

— Ниоткуда.

— Что если каждый твой ход — не твой, а только ответ на предложенные обстоятельства?

— Тогда я проиграю.

— Верно. Теперь: Отправь сообщение Сарани. Скажи ему, пусть начинают подготовку. Теперь события начнут быстро развиваться.

— Сюнь кивнул и поспешил на выход.

Чжао развернулся к доске и мысленно передвинул фигуру.

ДУБАИ

Когда Фишер приземлился, его планы быстро выбраться из зоны были сорваны, не самим органами власти, а скорее Ламбертом, который передал на ОПСАТ сообщение:

**СЛЕДОВАТЬ СЛЕДУЮЩЕЙ СЕТКИ КООРДИНАТ 102.398, ОЖИДАНИЕ
ТРАНСПОРТА НА ТОЧКЕ ЧАРЛИ-АЛЬФА ОДИН (1)**

Следовавшее вместе с подробностями о том, как его контакт будет идентифицировать себя. Фишер был обеспокоен. Сетка координат, полученная от Ламберта, была практически на вершине его маячка, возвышаясь над Джумейрах Роуд к северу от «Бурдж аль-Араб». Место встречи Чарли-Альфа Один было конспиративной квартирой ЦРУ на Аль Гархуд Роуд рядом с гольф- и яхт-клубом «Дубай Крик Гольф энд Йот Клуб».

Приказ Ламберта был беспрецедентным, не только потому, что от Фишера требовалось оставаться в зоне операции, в которой стало жарко, но и потому, что он шел вразрез с устоем «Третьего Эшелона»: незаметностью. Представляясь руководителем операции ЦРУ на конспиративной квартире, он действительно оставит большой след. Хотя его контакт вряд ли что-то о нем знает и ему будет приказано забыть лицо Сэма, это мало утешало Фишера.

Через двадцать минут после того, как он приземлился на пляже и засунул парашют в расщелину в скале, красный двухдверный «Пежо» съехал с дороги и остановился на грунтовой обочине. Водитель вышел и присел на колено рядом с передним колесом. Фишер увидел мигание фонарика, направленного на колпак ступицы колеса: один короткий, два длинных, три коротких.

Сэм поднялся из кустов и подошел. Хотя он снял с себя внешние устройства и убрал их в рюкзак, он все еще был одет в тактический костюм. Тем не менее, мужчина едва взглянул на него, затем спросил:

— Вы Уиллард?

Фишер покачал головой.

— Меня зовут Бартл, — ответил он, завершив опознавательный код.

Мужчина открыл заднюю дверь и сказал:

— Будет лучше, если вы ляжете на пол.

Фишер залез и поступил, как ему посоветовали.

Двадцать минут спустя «Пежо» остановился. Фишер услышал звук открывающихся дверей гаража. Автомобиль проехал вперед и гаражные ворота закрылись.

— Теперь можете встать, — сказал водитель. — Все чисто.

Фишер сел и выбрался из машины, как и ожидалось, он находился в невзрачном гараже на две машины. Он последовал за мужчиной в дом, который освещался несколькими напольными лампами и был оформлен в стиле испанской виллы. Они остановились на кухне.

— Я собираюсь сделать кофе, — сказал мужчина. — Конференц-зал дальше по коридору, первая дверь направо. Чтобы позвонить нажмите зеленую кнопку. Комната — это хранилище.

Все посольства и консульства США, а также некоторые конспиративные квартиры ЦРУ были оснащены «хранилищем» — звуконепроницаемой комнатой без окон, недоступной для подслушивающих устройств.

Фишер, следуя указаниям мужчины, направился в комнату. Это была небольшая, три на три метра комната, пустая за исключением стола, выставленного перед тридцати двух дюймовым телевизором с плоским экраном. Расположенные на потолке лампы, отбрасывали полосы света на ковер. Он сел и нажал зеленую кнопку. По телевизору пошли помехи, затем они сменились черным экраном с бегущей строкой:

ПОИСК СИГНАЛА... СИГНАЛ НАЙДЕН... КОДИРОВАНИЕ ВКЛЮЧЕНО... ПРОВЕРКА СИСТЕМЫ... ГОТОВ...

На экране появился Ламберт. Фишер сразу же узнал, что Ламберт находится в ситуационной комнате в Белом доме. На заднем плане Сэм видел, как несколько человек толпились вокруг блестящего дубового конференц-стола, включая Министра обороны, Председателя объединенного комитета начальников штабов, главы Национальной безопасности, директоров ФБР и Национальной разведки.

— С добрым утром, Сэм, — сказал Ламберт.

— Бывало, и получше, полковник. Скажи мне, почему я все еще в Дубаях?

— Приношу свои извинения. Много случилось, пока ты отсутствовал.

— Похоже на то.

— Ты — острие копья, Сэм. Я попросил, чтобы тебе разрешили послушать; ты должен знать, что происходит и что произойдет. Ты сможешь их видеть, а они тебя нет. Слушай, но не говори.

— Я — призрак.

— Расскажи мне о «Бурдж Аль-Араб».

— Положение стало рискованным. Мы себя не скомпрометировали, но Гринхорн убит, своими же телохранителями.

— Случайность?

— Ни в коем случае. Они были слишком хороши для этого. Они знали, что делают.

— Вопрос в том, что он знал такого важного и кто отдал приказ?

— Здесь нечто большее, чем кажется. Возможно, это даст нам ответ.

Фишер поднял флэшку, которую дал ему Гринхорн.

— Его страховой полис.

— Хорошо. Предай ее Грим.

По монитору Фишер увидел, как Начальник штаба президента вошел в комнату и занял место во главе конференц-стола.

— Никуда потом не уходи. У Грим есть для тебя инструктаж о новой миссии.

Ламберт исчез из виду, затем вернулся в кадр, занимая свое место.

— Итак, дамы и господа, — сказал Начальник штаба, — давайте присядем. Я буду докладывать президенту после этого, так что давайте начнем. Сначала генерал, я полагаю, у вас есть свежие данные из Слипстоуна.

Председатель Объединенного комитета начальников штабов кивнул.

— Да, сэр. По сводкам трехчасовой давности, общее число подтвержденных погибших примерно три тысячи шестьсот человек.

Потрясенный шепот пронесся вокруг стола.

— По сообщениям две тысячи пострадавших, около сорока процентов из них не переживут следующих трех дней. Мы следим за общим числом погибших, которое может превысить пять тысяч.

Начальник штаба молчал несколько минут, а затем спросил:

— Почему Слипстоун? Почему они выбрали Слипстоун?

Председатель Объединенного комитета начальников штабов ответил:

— Предполагаю, что ради потрясения. Слипстоун — небольшой городок в центре страны — захолустье. Послание ясно: мы можем достать вас в любом месте, в любое время.

Большой ли город, маленький ли — не имеет значения.

Начальник штаба обдумал это, затем произнес:

— Идем дальше. Джим, если ты...

Директор ФБР открыл папку, перетасовал свои записи, потом начал:

— Семнадцать часов назад, наш специальный агент во главе наземной команды в Слипстоуне обнаружил записи с камер наблюдения местного водоочистного завода. Результаты изучения этих записей привели нашу команду к тому, что был объявлен общенациональный план «перехват» последней модели белой «Шеви Малибу», которую видели припаркованной возле завода. Двое неизвестных попали на запись, когда выходили из машины, после чего они

скрылись из виду. Через двадцать минут они снова появились и уехали. По анонимной наводке техасский дорожный патруль остановил белый «Малибу» за пределами Эль-Пасо, Техас. Двое пассажиров в машине были арабского происхождения. С собой у них были: фальшивые права, два полуавтоматических пистолета и наличные на сумму три тысячи долларов. Люди были перевезены в тюрьму Эль-Пасо для допроса. После первоначального отказа сотрудничать, один из мужчин случайно проговорился, что подтвердило их присутствие на водоочистительном заводе Слипстоуна, а также о своих планах покинуть страну. Используя информацию авиабилета и кредитной карточки, мы определили, что они направлялись в один дом на Гватемале, Республика Гватемала. Во время облавы на дом гватемальской национальной полицией был обнаружен тайник с документами, которые немедленно были переданы нашему юридическому атташе. Мы все еще в процессе целенаправленной сортировки документов, но пока что мы обнаружили, что двое мужчин, в конечном счете, связаны с Ашхабадом, Туркменистан. Туркменистан расположен в двадцати четырех километрах от иранской границы.

Даже за одиннадцать тысяч километров, Фишер почувствовал, как напряжение в комнате возросло, при упоминании Ирана. Это было первым настоящим доказательством, указывающее на преступника, отравившего Слипстоун — и, возможно, на инцидент с «Трего».

Фишер заметил, что Председатель объединенного комитета начальников штабов делал многочисленные заметки.

«Он знает», — подумал Фишер.

Если что-нибудь изменится, то его в скором времени спросят о военных решениях насчет Ирана.

— ЦРУ направило своего начальника из Узбекистана в Ашхабад, чтобы все тщательно проверить. Проблема в том, что в течение десятилетий у нас не было прочного присутствия в Туркменистане. Мы только начали перестраивать систему, — добавил директор Национальной разведки.

Директор ФБР продолжил.

— След, ведущий к Ашхабаду, был частично подтвержден одним из членов экипажа, захваченным на грузовом судне «Трего», который был передан нам под стражу другим агентством три дня назад. Подозреваемый утверждает, что его зовут Бехфар Нассири и он был в Ашхабаде перед отплытием на борту "Трего" от побережья Мавритании.

«Это не займет много времени», — подумал Фишер.

Находясь под стражей «Третьего Эшелона» человек, назвавшийся Нассири, встретил

допросы Реддинга молчанием с каменным лицом. Тем не менее, они это сделали, ФБР, очевидно, нашло кнопку «Разговор» у Нассири.

— По нашей базе данный, семья с фамилией Нассири происходит из региона Мазандаран в Иране, — перебил директор ЦРУ.

После минуты молчания Начальник штаба сказал:

— Сукин сын.

— Далее Нассири утверждает, что получил указание направить «Трего» на побережье Вирджинии, а затем, если он выживет, убить себя в «славном взрыве против Величайшего Зла».

— Прямо из псалтыря Пасдарана, — сказал Министр обороны.

Фишер имел дело с Пасдараном. Официальное название - «Сэпахе пасдаране энгелабе эслами» или «Корпус Стражей Исламской революции», Пасдаран — элитные войска, выбранные за их преданность Исламу и религиозным лидерам Ирана. Фанатизм палестинского террориста-смертника по сравнению с обычным пасдаранским солдатом выглядел скромно.

— Боже мой, о чем они только думают? — сказал глава Национальной безопасности. — Разве они не понимают, к чему это приведет?

«Конечно понимают, — подумал Фишер. — Единственное, чего желает руководство экстремистов в Тегеране — сойтись в битве с их главным врагом. Для них эта миссия была священной».

— ФБР есть что добавить? — спросил Начальник штаба.

— У меня будет больше сведений на утреннем брифинге, но мы все еще работаем над останками из кофейного склада в Фрипорт Сити.

— Насколько мы уверены, что это тела экипажа «Трего»? — спросил Минобороны.

— На девяноста девять процентов. Вскрытие происходит в данный момент, поэтому у нас скоро будут ответы. Что касается «Дюрока», яхты, мы полагаем, что он подобрал экипаж «Трего» и переправил их в Фрипорт Сити. Яхта взорвалась в море до того, как нам удалось перехватить ее. Выживших и останков нет. Мы пытаемся определить регистрацию.

Помощник зашел в комнату, подошел к директору ФБР, протянул записку и вышел.

— Что это, Джим? — спросил Начальник штаба.

— Еще один кусочек загадки. Финансовая информация, которую мы извлекли из дома в Гватемала Сити, привела нас в банк в Маскате, Оман. Это корпоративный счет, зарегистрированный на имя «Сэресен Интерпрайзес»

Директор Национальной разведки сделал пометку.

— Мы займемся этим, — сказал он.

Директор ФБР закрыл папку.

— На данный момент это все, что у нас есть.

Начальник штаба повернулся к директору Национальной разведки.

— Дуг?

Директор национальной разведки встал и подошел к ближайшему монитору, который ожил, показывая изображение Слипстоуна со спутника. Картинка была в серых тонах, за исключением нескольких оранжево-красных пятен.

— Это радиоактивно опасные районы вокруг Слипстоуна. При помощи Агентства по защите окружающей среды мы координируем зону наблюдения спутника, чтобы обнаруживать границы заражения и изолировать водоснабжение. До сих пор, похоже, что нет утечки в прилегающие подземные воды или геологические структуры.

— О чем мы здесь говорим? — спросил Начальник штаба. — Какое заражение?

— Цезий 137. Это обычный продукт отходов, выделяемый ураном и/или плутонием при бомбардировке нейтронами. По существу, это радиоактивные отходы из любого реактора или остатки производства бомб. К сожалению, в мире ядерной физики, их пруд пруди. Точно обнаружить, откуда его привезли, возможно, но это займет какое-то время.

— Насколько устойчиво это вещество? — спросил глава Национальной безопасности. — Через какое время город снова станет пригодным для жизни?

— Период полураспада частиц цезия 137 — тридцать лет. Иначе говоря, когда многие из нас умрут, Слипстоун еще долгое время будет непригоден для человеческой жизни.

Совещание было окончено, а Фишер молча сидел, смотря, как участники покидают помещение.

Он был ошеломлен. Он слышал первоначальные прогнозы числа погибших, но услышав, что их излагают таким спокойным образом, заставило его оцепенеть. Пять тысяч трупов... Слипстоун — город-призрак, непригодный для жилья на поколение или более. Перед экраном появился Ламберт. Ситуационная комната за его плечом была пуста.

— Итак: ты слышал.

— Я слышал, — ответил Фишер.

— Вот что произойдет: сегодня по завершению деловых сделок, Конгресс официально назовет правительство Ирана виновным в нападениях «Трего» и Слипстоуне. Единодушным голосованием они подтвердят полномочие президента использовать все имеющиеся военные силы в ответ. Завтра к этому времени Объединенные комитеты штабов предоставят оперативный план на стол Министру обороны. Сорок восемь часов спустя, боевое соединение ВМС США начнет двигаться в направлении Оманского залива.

Так и произойдет, в этом Фишер был уверен. Случится ли это, как сказал Ламберт, он не знал,

но то, что босс описал, было справедливым предсказанием того, что произойдет. Единственным доказательством, противоречащим, казалось бы, неопровержимому иранский факту, был его доклад о китайском экипаже на борту «Дюрока», который сейчас разбросан со своей командой по всему дну Атлантического океана.

Вопросом был в том, как и когда президент решит ответить на атаки? Полномасштабная война на иранской земле; точные авиаудары; тактическое ядерное оружие?

— Куда это нас приведет? — спросил Фишер.

— Туда же, только теперь более сжатые сроки. Если здесь замешано нечто большее, то у нас мало времени, чтобы разобраться. Но куда бы не привели улики, мы должны заполучить их все. Грим, ты на линии?

— Я здесь. Сэм, два интересных пункта: первый, информация, которую ты раздобыл с консоли управления «Дюрока» сильно зашифрована — еще один шедевр Маркуса Гринхорна, но пока что это выглядит как не просто поездка из порта регистрации в порт Сэнт-Люси, яхта изъездила все атлантическое побережье, следуя рыболовецким маршрутам в открытом море несколько раз останавливаясь в Саванне, Хилтон Хэде, Чарльстоне и подобных местах.

— Излюбленные места богатых и знаменитых владельцев яхт, — сказал Фишер.

— В точку. Я все еще пытаюсь узнать кто владелец, но кому бы «Дюрок» не принадлежал, они очень богаты. Второй пункт: мы отследили серийные номера, которые ты взял с двигателей «Трего». Согласно Ллойд из Лондона, двигатели были установлены два года назад на борт грузового судна под названием «Согон» в верфи Колобейна в Дакаре, Сенегал.

— Нассири утверждает, что он отплыл на борту «Трего» от побережья Мавритании, — сказал Фишер. — Дакар всего в ста семидесяти километрах от границы.

— Ставлю десять к одному, что «Согон» и «Трего» один и тот же корабль, — сказал Ламберт. — Не имеет значения он ли это или была осуществлена подмена. Нам известно где «Согон» сейчас?

— Я ищу. Насчет верфи: я пыталась взломать их компьютерную систему, но она элементарная и лучшее, что там есть — электронная почта и прочее. Все записи хранятся в печатном виде на самой верфи.

Фишер немного подумал и сказал:

— Последний раз я был в Дакаре два года назад.

— Тогда я должен сказать, что тебе давно назрел еще один визит, — сказал Ламберт. — Пакуй вещи.

ДАКАР, СЕНЕГАЛ

Фишер съехал на своем «Рэндж Ровере» с дороги на грунтовый участок, граничащий с джунглями с обеих сторон, затем погасил фары и остановился. Он заглушил двигатель и сидел в тишине — или в том, что называется здесь тишиной. Его окружала симфония ночных звуков джунглей: кваканье лягушек, карканье птиц и, высоко в деревьях, крики и шуршание обезьян, взволнованных его приездом. Хотя он был официально в черте города Дакара, джунгли отказывались быть приручены, пытаясь окружить и вернуть себе городские районы. К моменту прибытия этим утром, Фишер видел сотни рабочих вдоль дорог Сенегала, рубящих листву при помощи мачете.

«Так даже лучше», — подумал он.

Подобно воде, джунгли для него означали укрытие, пространство для скрытного подхода, побега, уклонения, засады. Сэм прилепнул насекомое, жужжащее около уха, что сразу же напомнило ему одну вещь, которую он ненавидел в джунглях.

Он дважды был в Дакаре, первый раз еще во времена морских котиков, когда он и его команда были отправлены выследить и устранить французского торговца оружием на черном рынке, который вооружал обе стороны небольшой войны между Мали и Мавританией. Тысячи погибших с обеих сторон, многие из них — дети-солдаты и еще тысячи погибли бы в последующие месяцы, если бы француз продолжил свое дело. Однако он не добился своей цели; он никогда не выбрался из джунглей вдоль границы Сенегал-Мали.

Дакар был основан, как французский колониальный аванпост, жителями близлежащего острова Гори, и за последние полтора века превратился в главный торговый центр на Западноафриканском побережье — экзотическая смесь французской культуры и исламской архитектуры. Фишер вылез, взял свою сумку с заднего сиденья, затем вошел в джунгли метров на десять. Он быстро сменил бермудские шорты и футболку на тактический костюм, боевую выкладку и оружие, затем спрятал сумку в листве и отправился в путь быстрым шагом. Полтора километра и восемь минут спустя, через ветки он увидел поляну. Он остановился и пополз к краю линии деревьев и присел. Впереди лежал пятнадцатиметровый участок земли начисто выжженных джунглей; за которыми был восточный забор Колобейнской верфи: высотой три с половиной метра и увенчанный острыми, как бритва, наконечниками колючей проволоки. С

другой стороны забора было еще большее открытое пространство — акры сорняков и травы, которые уступили дорогу наружным зданиям верфи, двойной ряд маленьких складских хижин отделялся грунтовой дорогой. На крышах хижин он увидел несколько кранов. Тут и там, на вершине телефонных столбов, были установлены солнечные прожекторы, которые отбрасывали круги света на дорогу ниже.

До тех пор, пока «Колобейн» был самой занятой верфью на африканском побережье между Марокко на севере и Анголой на юге, здесь достаточно работы, чтобы место было оживленным весь день. Ночью работала только охрана безопасности и команда технического обслуживания. Фишер вынул бинокль и осмотрел зону, сначала в режиме НВ, а затем в ИВ. Согласно брифингу Гримсдоттир, верфь обслуживается основным персоналом, входящим в состав передвижных патрулей. Перед тем как войти во двор, он хотел понять их маршруты и расписания. Десять минут спустя он получил, что хотел. Ближайший охранник был подростком, одетым в шорты, сандалии, футболку и с АК-47 через плечо. Фишер отлично знал, что нельзя недооценивать парня. В Африке, некоторые лучшие из солдат и опаснейшие убийцы были бы недостаточно взрослыми, чтобы получить водительские права в США. Тем не менее, они застрелят вас без колебаний, снимут с вас одежду, обувь, драгоценности, если нужно — вместе с пальцами, и бросят вас гнить на обочине дороги. Фишер подождал, пока парень не скрылся за складскими постройками; затем он подбежал к забору и упал на живот. С одного из своих карманов Сэм вытащил миниатюрный аэрозольный распылитель, наполненный специальной смесью ферментативных кислот. В данном случае это было излишним: забор верфи был неоцинкованным, поэтому за годы влажность превратила его в ржавчину. Фишер обильно распылил аэрозоль. Прошло пять минут. Он вытянул руку и надавил ладонью на забор. С приглушенным звуком овал шестьдесят на шестьдесят сантиметров свободно выдавился и упал на траву с другой стороны забора. Фишер быстро посмотрел в бинокль, чтобы обнаружить охранника, а затем пролез через дыру.

ОН преодолел открытое пространство за две минуты, то ускоряясь, то останавливаясь, когда охранник-подросток проделывал круговой маршрут вокруг складских хижин, вниз по грунтовой дороге, затем снова возвращался. Его темп и маршрут не менялся, поэтому у Фишера не было проблем рассчитать его передвижение. Он проскользнул между двумя хижинами, затем через грунтовую дорогу и за второй ряд хижин. Перед ним была узкая роща толстостволовых деревьев — баобабов. Через них Фишер видел подмости крана и пирс верфи. К которой был пришвартован ржавеющий грузовой корабль. Среди баобабов были установлены около дюжины столов для пикника — место для перерывов у рабочих. Он услышал слабый смех. Сэм опустил трифокальные очки и включил НВ. В дальнем конце рощи, в пятнадцати метрах, двое мужчин курили за столом. Земле вокруг них была усеяна чем-то, напоминающим волосатые мячи для

футбола; это были фруктовые стручки баобаба, также известные как обезьяний хлеб. Фишер был достаточно хорошо с ними знаком. Выслеживание французского торговца оружием заняло недели. Когда пайки закончились, он и его команда питались обезьяньим хлебом и жареными змеями.

Он принял решение подождать, однако прошло всего несколько минут, прежде чем мужчины потушили сигареты, поднялись и не торопясь пошли в сторону верфи. Фишер подождал, пока они свернут за угол крана, поднялся и побежал вперед.

Он остановился у края баобабов, чтобы проверить охранников, но никого не было. Сэм уже хотел продолжить движение, когда что-то привлекло его внимание — мерцание света на стекле. Тревожные колокольчики зазвенели у него в голове. Мерцание было едва различимым и чтобы найти его снова у него ушло тридцать секунд. Слева от него, высоко наверху в кабине управления краном был человек. Одетый в черное, его лицо было скрыто балаклавой, он лежал на животе, прижав к плечу снайперскую винтовку с прицелом НВ.

«Засада или усиленная охрана?» — Фишер удивился.

Он сомневался в последнем варианте; деятельность «Колобейна» была в восстановлении и ремонте старых грузовых судов, а не военных кораблей.

«Тогда засада».

Он предположил, что она не была предназначена именно для него, а скорее для любого, кто придет расследовать «Согон»/«Трего».

«Но откуда они знали, что он будет здесь? Что они пытаются помешать ему найти, и кто "они"?»

Сэм предложил, что где есть один снайпер, есть и другие.

Фишер медленно отступил в гущу деревьев, потом повернулся и побежал через зону для пикника ко второму ряду складских хижин. Остерегаясь передвижных патрулей, он двигался по краю дороги, пока не нашел лучший ракурс для снайперской позиции между деревьями. Было самое время узнать, сколько игроков расположено на поле. Он достал SC-20K из-за спины, затем повернуть переключатель на режим «Всевидящее око».

Сэм направил дуло в небо и нажал на курок.

С глухим звуком «Всевидящее око» направилось вверх по дуге и исчезло в ночном небе.

Фишер переключил ОПСАТ на камеру «Всевидящего ока» и был немедленно вознагражден видом верфи с высоты птичьего полета. Изображение слегка качалось, так как парашют из аэрогеля был подхвачен воздушными потоками. Он установил расположение крана для точки отсчета, затем включил ИВ. Снайпер, по-прежнему лежавший на животе на крыше кабины управления, превратился в человекоподобную форму, покрытую пятнами красного, желтого и зеленого. Фишер направил «око» к пирсу, высматривая фигуры на уровне крыши и выше. Он не обращал внимания надвигающиеся тела, которые, скорее всего, были рабочими верфи. Обнаружение второго снайпера заняло двадцать секунд. Мужчина отлично выбрал себе место, на крыше пункта назначения Фишера — административного здания верфи. Между ними, каждый снайпер просматривал все подходы. Но опять же, что они охраняли? Что они хотят скрыть о «Согоне» и/или «Трего»?

Фишер уже хотел отключить «Всевидящее око» и передать сигнал самоуничтожения, когда снайпер на крыше сменил позицию. Через мгновение Фишер сориентировался; сначала он понял, что новая область огня снайпера была сосредоточена на нем. Он уничтожил камеру, поднял бинокль, и сфокусировался на снайпере номер один. Все, что он видел в увеличенном масштабе — вид спереди большого прицела НВ и балаклаву на голове, опирающуюся на цевье. Фишер упал пластом. Он услышал свист.

Слой земли взлетел за ним. Он откатился вправо. Еще одна пуля попала в землю. Сэм выпрыгнул на корточки и сделал два шага вправо за ствол баобаба. Прошло пять секунд, потом десять. Они знали его месторасположение, но не смогли сделать четкий выстрел. Оба снайпера синхронно нацелились на него; это не было совпадением, что означало одну вещь: он был помечен визуально или электронно. Он включил НВ и осмотрелся вокруг, высматривая подходящие наблюдательные посты. Таковых не было; слева и справа он был защищен баобабовой рощей, а позади складскими хижинами. Значит, он был помечен электронно.

Он был загнан в угол.

КАК и когда он был помечен, придется разобраться позже.

«А придется ли? — подумал он, Сэм начал вспоминать. — Как Гримсдоттир назвала программу шифрования, которой была зашифрована информация с консоли управления «Дюрока»? "Еще один шедевр Маркуса Гринхорна"».

Его взгляд привлек ОПСАТ, прикрепленный на запястье.

«Возможно ли это?»

Он использовал ОПСАТ, чтобы сканировать консоль управления «Дюрока» и USB флэшку Гринхорна, и до сих пор каждый шифр или вирус, с которым они сталкивались, был создан Гринхорном для защиты того, кто нанял его. Мог ли троянский конь, скрытый внутри ОПСАТа, несанкционированно отслеживать его местоположение помимо собственных каналов связи? Это было возможным, решил он. Был один способ узнать наверняка. Метод был определенно низкотехнологичным, зато действенным. Сэм снял ОПСАТ и положил его у подножия дерева, а затем начал отступать, используя ствол баобаба как укрытие, пока не достиг края рощи. Он повернулся и побежал параллельно роще, пока не был уверен, что обзор снайпера номер два прегражден промежуточными зданиями, а затем снова повернулся и бросился в тень между двумя складскими хижинами. Он выждал, чтобы юный охранник прошел мимо, а затем залез на пустой ящик и медленно начал поднимать голову, пока глаза не показались из-за крыши хижины. Он поднял бинокль и проверил первого снайпера. Тот не двигался. Он по-прежнему был сосредоточен на баобабе, скрывающем ОПСАТ.

Фишер нажал на имплант.

— Грим, Ламберт... Вы здесь?

— Мы здесь, — отозвался Ламберт.

— Гринхорн проник через еще один из твоих брандмауэров и снова творит свое волшебство. ОПСАТ заражен.

— Что? — вскрикнула она.

Фишер все объяснил и сказал:

— В этом нет сомнений, они знали, когда и куда я направляюсь.

— Мне жаль, Сэм. Я потрясена. Гринхорн хорош... был хорош. Даже слишком.

— Все в порядке. Я верну ОПСАТ, но мы должны что-то сделать. Дайте мне десять минут, а затем отправляйте сигнал самоуничтожения.

— Ты сможешь работать без него?

— Грим, я делал такие вещи, еще когда телефоны имели провода. Я справлюсь. Ламберт, вот в чем проблема: если они знали, что я приду, они, вероятно, знали, почему и ради чего.

— И прибрали хозяйство.

— Верно. Хотя, лучше проверить. Никогда не узнаешь, не попробовав.

— Каков твой статус?

— Пока в безопасности, но между ними все пути к зданию администрации закрыты.

Поскольку целью данной миссии был гражданский объект, правила ведения боя запрещали Фишеру применять летальное оружие.

— Перчатки сняты, — сказал Ламберт. — Можешь использовать оружие против вооруженных бойцов.

Фишер отключил связь. Он должен был спешить. Снайперы не будут долго смотреть на позицию ОПСАТа, чтобы распознать уловку. Он проделал свой путь назад по краю рощи, пока не достиг дальнего конца, где он снова скользнул в тень между складскими хижинами. В бинокль он проверил свои линии ведения огня. С этого места оба снайпера были в поле зрения. Они были по-прежнему сосредоточены на баобабе с ОПСАТом. За спиной Фишер услышал хруст гравия под сандалиями. С АК-47 через плечо, юный охранник прогуливался по открытому участку. Сэм достал SC-20K, сдвинул переключатель на режим «Ватный шарик» затем вышел из тени.

— Псс!

Парень обернулся. Фишер выстрелил. «Ватный шарик» ударил тому в грудь. Он покачался на ногах несколько секунд, после чего опрокинулся. Фишер поднял тело и АК-47 и спрятал их в тени, затем вернулся на свою позицию. Он согнулся в сидячем положении для стрельбы, SC-20 бережно прижал к груди, положив локти на колени. Он лично не беспокоился о выстрелах, однако снайперы видели друг друга боковым зрением. Как только первый падет, второй немедленно узнает об этом. Фишер выбрал первым того, кто был на крыше здания администрации; тот, что был на кране, не имел укрытия и ему некуда было сбегать. Он приближал прицел, пока визирное перекрестие не оказалось в центре лба мужчины. Сэм сделал вдох, выждал момент, затем медленно выдохнул. Плавное нажатие спусковой крючок. Отдача SC-20 ударила в плечо. Через прицел, он увидел, как голова человека откинулась назад, окруженная ореолом темного тумана крови.

Он сменил позицию, приспособился и приблизил прицел. На вершине крана первый снайпер действительно увидел смерть своего партнера и уже начал двигаться, перекачиваясь вправо к лестнице кабины управления. Фишер скорректировал прицел, взяв небольшое упреждение, затем

выстрелил. Человек дернулся, после чего лежал неподвижно.

Фишер нажал на имплант.

— «Спящие, двое, чисто». Двигаюсь к зданию администрации.

ОН знал, что его проверка административного офиса, скорее всего, ничего не даст. Если кто-то знал, что он придет, и им также известно ради чего, это означало, что все следы «Согона» и «Трего», вероятно, были удалены из регистрационных записей «Колобейна». Тем не менее, надо было в этом убедиться. По правде говоря, он также удовлетворял свое упрямство. Кто-то преодолел много трудностей, чтобы убить его, и это задело его профессионализм. Или его это? В любом случае, он собирался закончить работу.

Сэм присел возле внешней стены здания администрации и осмотрел дверь. Ригельный замок, несмотря на ободравшуюся краску и ветхий вид, был промышленного класса с усиленным косяком. Крепкий, но не непреодолимый. Чаще всего не замок является препятствием, и этот тоже сдался его отмычкам через тридцать секунд. Он взломал дверь и быстро осмотрел НВ/ИВ при помощи оптического кабеля. Ничего не увидев, он проскользнул внутрь и закрыл за собой дверь. Здание было длинным и узким, шестьдесят на тридцать метров, со сводчатым потолком и окнами в крыше, через которые показался кусочек бледной Луны. Пол всецело занимали деревянные ящики, которые возвышались до стропил и были заполнены продовольственными товарами, начиная от риса и кукурузной муки и заканчивая бобами и кофе. Это был продовольственный склад верфи, место, где проходящие корабли пополняли запасы. Впереди, в дальнем конце склада был застекленный административный офис. Он располагался на сваях над полом, попасть в который можно было пробежав несколько шагов вверх по стене.

«Прекрасное место для засады», — подумал Фишер.

Он повернул направо, придерживаясь теней и двигаясь вдоль стены, пока, наконец-то, он обошел весь склад и не оказался под офисом. Сэм переключил очки на ИВ и изучил этаж над ним. Он не увидел горячих пятен, напоминающих человеческую фигуру. Он переключил на ЭВ. В крутящемся темно-синем изображении, он заметил два объекта, каждый из которых излучал свое электромагнитное поле. Один был прикреплен к внутренней стороне двери офиса, а другой напротив него, в шкафу с документами. Без сомнения, это был лазерный спусковой механизм и какой-то вид взрывчатого вещества. Дверь откроется, луч прервется, заряд взорвется. Он прикинул свои варианты. Обезвредить настенную мину было возможно, но шансы на успех сомнительны. Окна также отпадали. Любой человек, достаточно опытный, чтобы использовать этот тип ловушек, также заминировал бы и окна.

Но... он взглянул на потолок. Возможно.

Он отступил вдоль стены, затем промчался по полу и взобрался на одну из лестниц, прикрепленных к стенке стеллажей. Сэм взобрался на вершину, затем прошел вдоль полки, пока не сумел дотянуться и ухватиться за потолочную балку. Он раскачал ноги и, используя импульс, поднял себя на вершину балки. Фишер прополз по перекладине, пока не оказался прямо над крышей офиса, затем прикрепил веревку к балке и спустился по ней вниз. Он подошел к ближайшему потолочному окну: оно было заперто простой защелкой, которая легко открылась с помощью кончика ножа. Щелчок отозвался эхом по всему зданию. Сэм лег на живот и переключился на ИВ. За дверью был пригнувшийся человек. Фишер вовремя переключился на НВ и увидел медленно закрывающуюся внутрь дверь.

«Пошел, Сэм!»

Он проскользнул вперед ногами через потолочное окно, приземлился на корточки на пол. Офис был узкий, у одной стены возвышались шкафы для хранения документов, высотой по плечо, у других стен — потертые серые стальные столы. Сэм переключился на ЭВ. Как он и предполагал, здесь у окон был второй спусковой механизм. Затем он вернулся к НВ и медленно выглянул через окно. Мужчина, одетый во все черное, с прикрытым балаклавой лицом, бежал, согнувшись к офисной лестнице. Фишер пересек комнату, нырнул под луч спускового механизма и прижался к стене. Он достал «Сайкс». Шаги доносились с верха лестницы, затем прекратились. Раздался мягкий двойной звуковой сигнал. Фишер перешел на ЭВ, луч спускового механизма исчез. Он переключился на НВ. Дверь распахнулась внутрь. Легким касанием, Фишер дотронулся до ручки, останавливая раскачивание двери. Долгие пять секунд ничего не происходило, затем появился человек, осторожно ступая. Фишер никогда не узнает, что побудило мужчину: периферическое зрение, интуиция или что-то еще, но он вдруг развернулся и бросился на Сэма с ножом в руке. Фишер поймал его запястье левой рукой и сильно скрутил, в то же время подсекая ногой лодыжку. Когда мужчина упал, Фишер подошел к нему, схватил его за подбородок и ударил «Сайксом». Кинжал вонзился во впадину около ключицы, мгновенно разрезав сонную артерию, подключичную артерию и яремную вену. Мужчина тяжело вздохнул, дернулся, затем стал неподвижен. Фишер опустил его на пол и захлопнул дверь.

Он обыскал тело. Ожидаемо у мужчины ничего не было при себе.

— «Спящий, чисто», — радировал Фишер.

Он стянул с головы мужчины балаклаву. Он был черным.

«Местное дарование, — подумал Фишер. — Кто же его нанял?»

ЕГО поиски заняли лишь минуту. И один из шкафов не содержал документов, относящихся к «Трего» или «Согону».

Он нажал на имплант.

— Ламберт, здесь ничего нет.

— Неудивительно. Возвращайся домой.

Фишер повернулся, чтобы уйти. Затем остановился. Развернулся обратно.

Наверху одного из шкафов стоял древний читальный аппарат для микрофиш. Фишер усмехнулся про себя. Методы ведения записей Колобейна могли отставать от мира компьютерных технологий, но они не двигались в обратном направлении. Он снова обыскал все шкафы, но безуспешно, а затем обратил внимание на столы. В нижней полке первого ящика он нашел папку-гармошку, заполненную прозрачными микрофишами.

«Бинго!»

— Ламберт?

— Я здесь.

— Беру свои слова обратно. Нам только что повезло.

ДЖЕРМАНТАУН, МЭРИЛЕНД

Через двенадцать часов после того, как Фишер покинул верфь Колобейн и встретил «Оспрей» на точке эвакуации, он вернулся домой. Он знал, что это ненадолго. Гримсдоттир не потребуется много времени, чтобы найти то, что они искали на микрофишах. Однако, как это обычно бывало, любая обнаруженная ею информация, вероятно, приведет к еще одному ответвлению, еще одному фасаду, за которым ожидало...

«Что? Иран или кто-то другой? В конце концов, возможно, это не важно», — осознал Фишер.

События росли как снежный ком, и этот снежный ком катился прямо на Тегеран.

В то время как Сэм был в Дакаре, вскрытие обгоревших тел, обнаруженных на кофейном складе в Фрипорт Сити, было завершено. Все они были мужчинами в возрасте от девятнадцати до двадцати четырех лет, застрелены в затылок до того, как были подожжены, вероятно, при помощи керосина. У каждого из мужчин после смерти были отрезаны кончики пальцев и удалены зубы при помощи грубой силы.

Кто-то преодолел много трудностей, чтобы этих мужчин нельзя было идентифицировать — и они бы преуспели в этом, если бы не старательность главного судебно-медицинского эксперта ФБР.

Две небольшие улики пережили пожар: во-первых, частично переваренная пища в желудке одного из трупов, которая была опознана и химически соответствовала томатной пасте, обнаруженной в продовольственных запасах «Трего».

Во-вторых, тот, кто выбивал зубы мужчинам, пропустил моляр в одном из ртов, и в этом зубе была пломба. Лабораториям ФБР в Квантико потребовалось всего несколько часов, чтобы определить состав.

Пломба представляла собой смесь олова и серебряной амальгамы, встречающуюся только в горах Загрос в Иране.

Как и предсказывал Ламберт, президент сделал первый шаг на пути к войне с Ираном, приказав транспортному боевому формированию «Рональд Рейган» двигаться с максимальной скоростью в Оманский залив и занять позицию за пределами территориальных вод Ирана.

В Ираке и Кувейте отделения 101-ой и 82-ой десантной дивизии уже были приведены в состояние боевой готовности, как и 1-ый батальон, 87-го пехотного полка 10-ой горной дивизии.

Тем временем, пока посол ООН Ирана во время специальной сессии Генеральной Ассамблеи категорически отрицал причастность своего правительства в нападениях «Трего» и на Слипстоун, Совет Безопасности проголосовал единодушно, но без подлинной эффективности относительно того, что виновный в атаке на США «нарушил международный закон и понесет полную ответственность».

В арабском мире, реакции на атаки были предсказуемо поделены между умеренными мусульманами (светские и благочестивые) и экстремистами; первые осуждают атаки и предлагают поддержку и соболезнования американским людям, последние же празднуют катастрофу уличными митингами и сожжением флагов в знак протеста у посольств США от Турции до Судана и Индонезии.

ФИШЕР приложил все усилия, чтобы насладиться свободным временем, однако он был взволнован, терзаемый переплетениями тайны. Чем все это закончится заранее известно — смертью и разрушением для Ирана, но чем больше он беспокоился, тем больше вопросов оставалось без ответа, у него все еще была работа, которую нужно сделать. Если еще одна война на Среднем востоке станет неизбежной, история оценит США за справедливость ее причин и точность разведки. Не должно быть никаких сомнений, никаких вопросительных знаков.

Уже был поздний вечер, когда он сдался и вышел из дома. Сэм поехал в город, купил пару стейков и печеный картофель, большую банку сметаны и упаковку на шесть бутылок «Хайнекен», затем выехал на шоссе 270 и поехал на север в город Фредерик, где припарковался на стоянке дома престарелых «Седер Бенд». С продовольственными сумками в руках он пошел в квартиру 302 и постучал в дверь. Через тридцать секунд, в двери появился морщинистый старик в синем жакете.

Сэм протянул сумки.

— Составить компанию?

— Сэмми! Рад тебя видеть, рад тебя видеть, проходи. Тебе нужно было сначала позвонить. А вдруг я был бы с женщиной, — сказал Фрэнк Банч.

Сэм усмехнулся.

— В следующий раз я запомню.

Фрэнк Банч был старым другом семьи и ему изначально принадлежал диверсионный кинжал Сэма «Сайкс Фэрбэрн», который Фрэнк подарил ему после окончания школы морских котиков, прошептав совет, который Сэм никогда не забывал: «Насилие легко совершить; а жить с этим трудно. Выбирай осторожно».

Банч дружил с дедом Сэма с их первого совместного дня в «Лагере-Икс» для специальных операций на берегу озера Онтарио в Канаде. Их дружба была скреплена во время обучения и

выдержала десятки сбросов десанта во время Второй мировой войны на оккупированную немцами Европу.

— Что в сумках? — спросил Фрэнк.

Сэм выложил содержимое на столешницу.

— Все, что доктор запретил тебе есть.

— Молодец! Пошли, я распалю гриль.

Как обычно, Фрэнк безупречно жарил стейки и картофель, пока тот не покрывался золотисто-коричневой корочкой и не становился немного хрустящим. У него был лук для сметаны и охлажденные кружки для пива. Это была лучшая еда, которую Сэм ел за долгое время.

Комфортно устроившись, они сидели на заднем крыльце Фрэнка с видом на внутренний сад. До заката солнца оставался час, и сад был залит оттенками оранжевого.

— Что ж, расскажи мне последние новости, — сказал Фрэнк.

— Все по-прежнему, — ответил Сэм.

Насколько знал Фрэнк, Сэм оставил государственную службу, чтобы устроиться на работу в качестве частного консультанта по безопасности.

— Ты же знаешь: встречи, самолетная еда, плохие гостиницы...

Фрэнк отхлебнул пива и посмотрел на Фишера поверх очков.

— Сыграем?

Сэм улыбнулся. Был Фрэнк в отставке или нет, но он не потерял способности мыслить. В свои восемьдесят четыре года, он побеждал Сэма в шахматы гораздо чаще, чем проигрывал.

— Конечно. Но не на деньги в этот раз.

— В чем же тогда интерес?

— Для тебя — ни в чем. А я должен еще на что-то питаться следующей неделю.

Фрэнк достал шахматы, отодвинул посуду и разложил доску. Подкинув монетку, Сэм взял себе черные фигуры. Фрэнк смотрел на доску в течение десяти секунд, а затем подвинул пешку.

Фишер сразу подумал о ферзевом гамбите.

Это было излюбленный дебют Фрэнка, но Сэм хорошо знал его, чтобы принять это за чистую монету. Как человек, Фрэнк не был притворщиком, как шахматист, он был проницательным и расчетливым противником, который не знал пощады. Сэм слишком много раз попадался на его уловки и засады; его пешка нападает, чтобы отвлечь внимание Сэма, его фальшивая атака слоном прикрывает с фланга ферзя.

Игра продолжалась в течение сорока минут, пока, наконец, Фрэнк не нахмурился и не посмотрел вверх.

— Предлагаю ничью.

Сэма продолжал пристально смотреть на доску. В голове вертелись мысли.

«Уловки и фальшивая атака слоном...

Когда каждый ход на доске буквально кричит о ферзевом гамбите, за исключением одинокой пешки, движущейся где-то в стороне, будешь ли ты игнорировать гамбит и сосредоточишься на пешке? Конечно, нет. Пешка — это назойливый комар, небольшая погрешность, которую не стоит учитывать. Ферзь — это смертоносная фигура на доске, то, за чем ты следишь. Атаке ферзя ты пытаешься противостоять...»

— Сэм... Сэм, ты здесь, сынок?

Сэм поднял взгляд.

— Что, прости?

— Я сказал, что у нас, кажется ничья.

Сэм усмехнулся.

— Да, я думаю, так и есть. С тобой я готов на ничью в любой день.

Фрэнк уже хотел убрать фигуры с доски, но Сэм остановил его.

— Оставь это ненадолго. Я думаю над кое-чем.

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН

Через тридцать минут после получения от Ламберта краткого вызова «Зайди», Фишер провел карточкой через ридер и толкнул дверь ситуационной комнаты. За столом переговоров его ожидали: Ламберт, Гримсдоттир, Реддинг и неожиданный гость — заместитель директора по военным операциям ЦРУ, Том Ричардс. Ричардс возглавлял одно из двух главных отделений ЦРУ: военные операции, которое направляет агентов и руководителей операции на поле собирать разведданные. Затем разведка анализирует собранные данные.

Присутствие Ричардса было дурным знаком. Будучи заместителем директора, он знал о Третьем Эшелоне, но с целью обеспечения сохранности государственной тайны, ЦРУ и Третий Эшелон в целом оставались дальними родственниками. Произошло что-то важное и у Фишера была отличная мысль насчет этого.

— Присядь, — сказал Ламберт. — Том, это мой лучший полевой оперативник. Для простоты назовем его Фрэд.

— Рад с вами познакомиться, Фрэд.

Фишер кивнул.

Ламберт обратился к Фишеру:

— Произошло еще одно неприятное обстоятельство. Том пришел по требованию президента, чтобы ввести нас в курс дела. По причинам, которые ты скоро поймешь, мы возьмем на себя ведущую роль в том, что произойдет дальше. Продолжай, Том.

Ричардс открыл папку, лежащую на столе перед ним.

— Как вам известно, преобладающий изотоп, который мы нашли в водоснабжении Слипстоуна, был цезий 137. Это естественный побочный продукт ядерного деления — независимо от того, произошло ли это от взрыва ядерного оружия или от использования урана в топливных стержнях атомных электростанций.

Проблема в том, что цезий 137 слишком распространен. Он повсюду: в земле после тестирования ядерного оружия... в воздухе от выбросов атомных станций. Это как ванильное мороженое ядерных отходов. В некоторых случаях цезий содержит изъяны. Например, из-за добычи урана или в случае топливных стержней, от химического состава воды, для их охлаждения.

С 1950-х годов ЦРУ ведет базы данных по изотопам, где и когда был обнаружен; его вероятный источник... вещи такого рода.

Это заняло какое-то время, но мы установили источник цезия, обнаруженного в Слипстоуне. Прежде всего, вещество, найденное на борту «Трего» и остатки, которые мы нашли в Слипстоуне, имеют одинаковый состав. Ничего удивительного. В этом случае, из базы данных всплыли сведения двадцатилетней давности.

— Когда? — спросила Гримсдоттир.

— 26 апреля 1986 года.

Фишер знал эту дату.

— Чернобыль.

РИЧАРДС кивнул.

— В точку. В тот день, вслед за вышедшей из строя проверкой системы, произошел взрыв четвертого реактора Чернобыльской АЭС, и были выброшены в атмосферу тонны цезия 137.

— Насколько точно ты в этом уверен? — спросил Ламберт.

— То, что мы нашли чернобыльский цезий? Девяносто процентов.

— И я полагаю, мы говорим здесь не о малом количестве, не так ли? — спросил Реддинг.

— Нет, это чистый чернобыльский цезий.

В передней балластной цистерне «Трего» мы нашли сто шестьдесят килограммов отходов, которые, как мы установили, действительно были взяты из топливных стержней.

— Из Чернобыля? — повторила недоверчиво Гримсдоттир. — Того самого Чернобыля?

— Да. Мы предположили, что нужно более четырнадцати килограммов вещества, для того чтобы осуществить такой же уровень загрязнения, который мы обнаружили в водоснабжении Слипстоуна, поэтому мы говорим, в общей сложности, о ста восьмидесяти килограммах. Есть только одно место, где можно достать столько.

— Украина или Россия не могут быть замешаны в этом, — сказал Ламберт.

— Не непосредственно, — ответил Ричардс, — вот откуда иранцы его взяли. Каким образом, нам это не известно. Мы надеемся, вы дадите ответ на этот вопрос. Нужно, чтобы кто-то отправился в Украину, в Чернобыль, и взял образец.

«Кто-то, — подумал Фишер. — Старина Фрэд».

— И, если возможно, провел расследование, — добавил Ричардс. — Если это вещество из Чернобыля, мы должны знать, как и кто. Каким-то образом вещество было вывезено. Насколько нам известно, только половина неповрежденных топливных стержней из реактора номер четыре все еще внутри активной зоны ядерного реактора, русские называют ее «Саркофаг». Вторую половину разбросало взрывом по прилегающей сельской местности.

«"Саркофаг" — подходящее название», — подумал Фишер.

На следующее утро после взрыва, сотни тысяч русских солдат и добровольцев со всего Советского Союза начали прибывать в Припять, город, ближайший к ЧАЭС, который тогда был в центре эвакуации, в конечном итоге было транспортировано 135 000 жителей из зоны поражения.

Работая без защитного оборудования, за исключением очков и бумажных масок, солдаты и гражданские лопатами сгребали отходы обратно в кратер — реактор номер четыре. Радиоактивная пыль и примеси кружились вокруг места происшествия, покрывая всех и вся слоем смертельного цезия. В спешке сформированные строительные бригады начали производить тысячи тонн бетона, который доставляли к краю кратера и сбрасывали через край и через разрушенную крышу до тех пор, пока раскрытая пасть не была переполнена бетоном.

— В лучшем случае мы можем определить, что отходы из реактора, разбросанные взрывом, были собраны и закопаны где-то в бункерах поблизости, — сказал Ричардс.

— Украинцы сообщали о каких-либо пропажах? Любых недостающих материалов? — спросил Фишер.

— Нет, однако, это нас не удивляет. Черт, на протяжении дней после взрыва Советское правительство продолжало называть это «незначительным инцидентом». Даже, если бы они знали о чем-нибудь подозрительном, мы бы не ожидали, что они сообщат об этом.

Фишер видел, что произойдет. Осведомленные о пропаже материалов или нет, когда это разоблачение станет общественным, Украина и ее посредник Россия станут соучастниками, безмолвные партнеры, стоящие за иранскими атаками на США и за гибелью более пяти тысяч человек.

Мысленно Фишер представил себе шахматную доску.

«Какая роль отводилась этой новости? Было ли это отвлекающей стратегией, белый конь делает ход к черному королю, и что-то большее, одинокая пешка, на которую никто не обращает внимания? Или это именно то, что казалось: ферзевой гамбит Ирана?»

— Есть какие-нибудь версии? — спросил Фишер. — Чернобыльская зона отчуждения охватывает огромную территорию. Я так полагаю, вы не просите меня блуждать вокруг со счетчиком Гейгера, надеясь на удачу.

— Нет. Мы работаем над тем, чтобы определить бункеры, которые, вероятно, содержат интересующие нас отходы. У нас также есть некоторые людские ресурсы в Украине, которые могли бы указать нам верное направление.

— Каковы наши сроки?

— Ты отправишься в течение пяти дней, — ответил Ламберт.

Ричардс закрыл папку и встал.

— Я вас оставляю. Фрэд, удачи.

— Спасибо.

Как только Ричардс ушел, Ламберт произнес:

— Сэм, это добровольная миссия. Ты можешь отказаться, тебе никто и слова не скажет.

— Я поеду. Часто ли тебе достается экскурсия по Чернобылю? Только один вопрос: Как долго можно там расхаживать перед тем, как начнут выпадать волосы?

— Дольше, чем ты думаешь, — сказала Гримсдоттир. — Не волнуйтесь, мы тебя защитим. Я проинформирую тебя, когда будешь в пути.

— Пока ЦРУ составляет полную картину, у нас есть еще одна зацепка — или, может быть, ложный след — это нужно исследовать. Продолжай, Грим, — сказал Ламберт.

— Микрофиши, добытые тобой в офисе Колобейна, просто золотая жила. Там не было ничего конкретного ни о «Трего», ни о «Согоне», зато была куча информации о дизельных двигателях, установленных на борту «Трего».

— Еще один палец, указывающий в сторону Ирана? — спросил Фишер.

— Может да, а может, нет. Двигатели были приобретены и доставлены в Колобейн компанией под названием «Сонг Ву Лимитед» из Гонконга.

— Еще одна загадка.

— К сожалению, я не нашла следов компании в киберпространстве.

— Это означает личный визит, — ответил Фишер.

ГОНКОНГ

— Притормози, — приказал Фишер водителю, понимание английского которого было слабым, однако куда лучше, чем тот подавал вид. Некоторые таксисты не хотели возиться с «туристическими» вопросами, и ничто не затыкает рот туристу быстрее, чем практикуемое гонконгскими таксистами: «Э?» — именно так он ответил Фишеру.

— Притормози, — повторил Фишер на кантонском.

Водитель сбросил скорость, и Фишер смотрел из окна на ряд мелькающих затемненных окон. Символы на окнах были китайские, но Фишер помнил те, что искал. Они показались в окне четвертого магазина: «**СОНГ ВУ ЛИМИТЕД**».

— Остановись, — сказал Фишер на кантонском.

Главная улица больше походила на переулок: темная и узкая, с обеих сторон которой бурлила ночная жизнь Коулун, в основном, это были рабочие, идущие с работы или наоборот, владельцы магазинов, закрывающие свои лавки. Дождь шел весь день, и тротуар блестел в освещении одиноких фонарей вдоль всего переулочка. Вдалеке, будто слабая мелодия, он слышал монотонное бормотание голосов, говорящих на мандаринском и кантонском диалектах.

Следуя по карте Гримсдоттир, Сэм взял такси из своего отеля на «Гонконг Айленд» и через тоннель «Кросс Харбор» направился к этому, по большей части, торговому району Коулун — Фишер знал, что торговый он лишь на первый взгляд. Многие предприятия находились в собственности и под управлением семей, которые жили в квартирах над магазинами.

Фасад магазина «Сонг Ву Лимитед» выделялся по двум причинам: во-первых, он был расположен между торговцем лечебными травами и прилавком с дим-сам, во-вторых, место было свободным, что являлось редкостью в Гонконге, одном из самых густонаселенных городов на планете.

— Что написано на этой вывеске? — спросил Фишер на английском языке.

— Э?

Фишер протянул через сиденье пять долларов, что около сорока гонконгских долларов.

— Написано: «Сдается в аренду, а затем дан номер телефона агента».

Водитель прочитал номер.

Тот факт, что место все еще не было сдано внаем, говорило Фишеру, что «Сонг Ву Лимитед» лишь недавно стало свободным.

Фишер передал еще одну банкноту.

— Вы знаете это место?

Водитель схватил купюру, но Фишер придержал ее.

— Вы знаете, сколько оно здесь?

— Может быть, месяца два. Съехали на прошлой неделе. Никогда никого не видел.

— Хорошо, отвезите меня обратно.

Водитель доехал до конца переулка и свернул на главную дорогу. Фишер дал ему проехать три квартала, а затем сказал:

— Позвольте мне выйти здесь.

Он заплатил за проезд и вышел, затем раскрыл свой спутниковый телефон и позвонил.

Ответила Гримсдоттир:

— Добавочный номер: сорок два девяносто.

— Эй, это я. Тети Джуди нет дома, но она оставила номер переадресации. — Он произнес номер телефона агента по аренде. — Позвоните ей и дайте мне знать, что вы выяснили.

— Будет сделано.

Фишер отключился и пошел. Вдалеке, над расположенными друг над другом очертаниями крыш Коулуна, он увидел разноцветные огни, пересекающие небо. Это было ночное явление Гонконга — световое шоу над крышами небоскребов, которые выстроились вдоль побережья «Виктории Харбор». С другой стороны, всего в нескольких километрах он проехал мимо курятника, полного кудахтавших кур. Этим и привлекал Гонконг: два мира, современный и традиционный, которые столкнулись на куске земли размером с Род-Айленд.

Он пошел обходным путем через улицы и переулки пока не удостоверился, что за ним не следят, затем вернулся в переулок, где был расположен «Сонг Ву». Он не надеялся что-то найти в пустом офисе, но он должен был расставить точки над i.

В переулке было все также: темно и безлюдно. Он почувствовал себя слегка незащищенным без своего тактического костюма, однако его штаны были черные и вывернутый наизнанку пиджак, так же стал черным.

Сэм включил фонарик и быстро осмотрел дверь. Затем выключил его, вытащил набор отмычек из кармана и приступил к работе.

Через двадцать секунд он услышал удовлетворительный щелчок взломанного замка.

Он приоткрыл дверь, проскользнул внутрь и закрыл за собой дверь.

Офис, лишенный всякой мебели и бытового оборудования, был не больше обычной спальни. Даже лампы над головой были без креплений. В конце комнаты была закрытая дверь. За ней он обнаружил кладовку с пустыми полками. На углу стола стоял многофункциональный принтер/факс/ксерокс. На тыльной стороне принтера он нашел этикетку с китайскими символами.

Сэм вытащил спутниковый телефон, сделал снимок и отправил Гримсдоттир с заголовком: «Перевод?» Она ответила спустя шестьдесят секунд:

ЛУЧШАЯ ОФИСНАЯ АРЕНДА

15 КАМЕРОН РОУД, АДРЕС 443

КОУЛУН

ПОЗВОНИ МНЕ — ГРИМ

Он набрал номер, она взяла трубку и спросила:

— Что это ты мне послал?

Сэм объяснил.

— Похоже, что «Сонг Ву» было нечто большим, чем просто прикрытием, они здесь заключали сделки. Вот что я думаю: если они арендовали копир, то арендовали ли они компьютеры?

— И если это так, может они забыли что-то стереть? Хорошая мысль.

— Есть что-нибудь об агенте по аренде?

— Работаю над этим, но я думаю, мы выйдем на очередную подставную компанию. Хотя у меня есть их номер счета.

КАМЕРОН Роуд находилась всего в десяти минутах езды на такси, однако, прежде чем искать другой удобный темный переулок, Фишер обнаружил, что стоит на тротуаре перед четырехэтажным современным офисным зданием. Он задержался на мгновение, затем перешел улицу и зашел в неосвещенный дверной проход, чтобы осмотреть.

Через передние окна он увидел охранника, сидящего за овальной стойкой администрации. Женщина в темно-сером деловом костюме вышла из лифта и прошла мимо стойки, помахав рукой, толкнула дверь и пошла по тротуару.

Первым инстинктом Фишера было изучить здание на уязвимости, но он сдержался. Здесь, терпение было его лучшим оружием. Передние двери были не заперты, и только один охранник стоял у него на пути. Мужчине было около семидесяти, поэтому вырубить его будет несложно, но если чайник на стойке охранника имел хоть какое-то значение, то природа может сделать работу за Фишера.

Прошло пять минут, потом десять.

Охранник поднялся, потянулся, затем пошел в дальний конец вестибюля и вошел в дверь.

«Да здравствует старый мочевого пузырь», — подумал Фишер.

Он перешел улицу, вошел в вестибюль и направился напрямик к лифтам. Справа была дверь с пиктограммой ступенек. Он вошел.

Сэм обнаружил «Лучшую офисную аренду» на четвертом этаже. Дверной замок был более современным, чем тот, с которым он столкнулся в «Сонг Ву», но, приложив чуть больше усилий, замок поддался. Оказавшись внутри, Фишер нашел ряд шкафов с документами в боковой комнате. Он обнаружил файл «Сонг Ву» и изучил его.

Он позвонил Гримсдоттир.

— «Сонг Ву» арендовала два компьютера от «Лучшей фирмы». У меня есть адрес их склада.

Он сказал ей адрес.

— Сэм, это к северу от тебя — на севере, в Ло Ву.

Плохие новости. Ло Ву располагался в километре от границы Китая. С тех пор как в 1999 году Британия вернула Гонконг Китаю, для туристов было такое правило: чем дальше ты путешествуешь на север, тем сильнее охрана. Регулярные войска НОА (Народно-освободительная Армия) патрулировали улицы вместе с гражданскими полицейскими; блокпосты располагались чаще и задержания становились более распространенными — особенно среди западных жителей, которые редко осмеливались покинуть пределы Гонконга, до тех пор, пока Пекин был заинтересован вести дела таким образом.

— Я знаю, где это, — сказал Фишер. — Загрузи карту ОПСАТ. Я проникну туда и вернусь прежде, чем ты успеешь сказать: «Пожизненный приговор в китайском исправительно-трудовом лагере».

ЛО ВУ

Фишер заплатил водителю, вылез наружу и закрыл дверь. Таксист сделал резкий разворот и понесся назад по грунтовой дороге, свет от задних фар исчез в тумане. Фишер отдавал предпочтение менее заметному способу проникновения, чем ярко-желтое такси, однако у него было мало времени, и следующий поезд из Коулуна в Ло Ву не намечался до завтра. Как бы то ни было, ему пришлось остановить три такси прежде, чем найти водителя, который согласился бы отвезти его в Ло Ву.

Однако он не был обеспокоен. Водители в Гонконге имели сверхъестественную способность мгновенно забывать все, что они делали или говорили или куда они ездили после того, как был оплачен тариф. Это было не столько действие осторожности, сколько самосохранения. С момента передачи Британии, внешний вид Гонконга мало изменился, но здесь присутствовало потаенное напряжение улиц, как если бы люди знали, что за ними наблюдает Пекин.

И если китайское правительство наблюдало за Гонконгом, оно, конечно же, наблюдало бы за Ло Ву, расположенного рядом с границей. Если за Сэмом сейчас следили, то он бы не заметил никаких признаков. Дорога была пустой и лишенной фонарей. К северу, возможно в километре, он видел огни Ло Ву; за ними, в восьми километрах, яркие огни Шэньчжэня, самого южного крупного города Китая с населением в пять миллионов человек.

Согласно карте Гримсдоттир, склад «Лучшей фирмы» находился на юной окраине Ло Ву, между скотобойней и водоочистой станцией. Кроме того, это было всего в нескольких кварталах от штаб-квартиры полиции пограничного округа. Он вытащил ОПСАТ из кармана пиджака, выбрал карту и запомнил отличительные знаки.

Он поднял ворот пиджака и пошел.

ВСЕГО три машины проехали мимо него, но, ни одна не остановилась, он счел это хорошим знаком. Тем не менее, с каждым шагом он чувствовал, как возрастает покалывание в животе в ожидании чего-то дурного. Он уже участвовал в миссиях на материковом Китае, и каждая из них была, в лучшем случае, неприятна. НОА и гуанбю — китайская секретная полиция, были безжалостно эффективными и склонными сначала арестовать, а потом допрашивать.

Добравшись до Конг Нга По Роуд, он повернул направо и прошел несколько кварталов, затем, снова свернув, оказался в небольшой промышленной зоне. Он обнаружил склад «Лучшей фирмы» рядом с забором водоочистой станции. Фишер обошел погрузочную платформу и направился вверх по пандусу. Он толкнул дверь. Она была заперта. У нее был звонок. Сэм достал

бейсболку из кармана и надел, затем из кармана вытащил пачку бумаги и нажал на кнопку звонка.

Прошло тридцать секунд. Дверь распахнулась. Фишер опустил голову. Из-под козырька кепки он увидел пару блестящих туфель.

«Охранник», — подумал он.

— Шен-ми? — раздался голос мужчины.

— Что?

Фишер швырнул пачку бумаг в охранника, который инстинктивно потянулся за ней. Фишер схватил его за запястье и вывел его из равновесия. Он рванулся вперед, Сэм обернул руку вокруг шеи мужчины и сжал, перекрыв ток крови. Через несколько секунд, мужчина обмяк.

Фишер протащил его через дверь, бросил и кончиками пальцев поймал дверь, чтобы та не хлопнула при закрытии. Он замер и прислушался. Будь там рабочие ночной смены, они бы могли выйти, чтобы узнать, что случилось. Никто не вышел.

На погрузочной платформе было темно за исключением желтого указателя выхода над дверью. Стены были заставлены коробками и ящиками различных форм. На дальней стене располагалась пара распашных дверей. Сэм оттащил мужчину в ближайшую тень и направился к двери.

С другой стороны был сам склад. Длинный и узкий с низким потолком, пространство было разделено на четыре прохода, каждый из которых разделен на клетки размером два с половиной на два с половиной метров, от пола до потолка заставленными контейнерами. Каждый контейнер, похоже, содержал офисное оборудование, от копировальных аппаратов и столов до иллюстраций, предназначенных для голых стен. Он обнаружил контейнер, который искал, в конце второго прохода. Через клетку Фишер увидел металлические стеллажи, набитые системными блоками компьютеров. Недолгие «уговоры» его отмычек, и навесной замок шлепнулся на руку Сэму.

Он приступил к работе, и спустя двадцать минут все серийные номера системных блоков были проверены, но безуспешно. Потом ему пришло в голову: «"Сонг Ву" только недавно вернул оборудование. Что бы сделала "Лучшая фирма" с последним возвратом? Возможно, провела проверку технического состояния?»

В последнем проходе он нашел два контейнера, которые были объединены в рабочее пространство. На скамейке располагалась полдюжины системных блоков и мониторов. Он вскрыл замок и начал проверку номеров. Сэму повезло практически сразу. Он соединился с Гримсдоттир.

— Попались, — сказал он.

— Отлично. Подключи меня.

Фишер подсоединил USB шнур ОПСАТа к первому системному блоку.

— Безнадежно. Жесткий диск переформатирован, — сказала Гримсдоттир.

Фишер подключился ко второму.

— Бинго. Этот был тоже очищен, но не очень хорошо. Там все еще есть данные. Можешь вытащить его?

— Считай, что сделано.

Через пять минут, он вернулся на погрузочную платформу. Как только его рука коснулась дверной ручки, он услышал звук захлопывающейся двери автомобиля. Он проверил часы: пять минут до полуночи. Смена вахты?

Зазвенел звонок.

Фишер быстро подошел к телу охранника и поменял свой пиджак на униформу; свою бейсболку на бейсболку охранника. Звонок зазвенел снова.

— Вэй! — закричал голос. — Эй!

Кулак застучал по двери.

Фишер сделал вдох и открыл дверь.

Кулак охранника завис в воздухе, готовясь снова стукнуть в дверь. У пандуса стояла двухдверная «Хунци» с магнитным знаком, прикрепленным к двери. Какое-то время человек рассматривал Фишера, затем поднял голову и открыл рот, чтобы говорить.

Фишер нанес резкий удар в подбородок. Мужчина споткнулся назад, жестко приземлившись на задницу, кубарем покатился вниз по пандусу. Фишер подбежал и остановил его. Он взял ключи из кармана мужчины, затем положил его в багажник, отлепил магнитный логотип, бросил его на заднее сиденье и уехал.

ЧЕРНОБЫЛЬ, УКРАИНА

ПОСЛЕ девяноста минут почти безмолвной поездки, сопровождающая Фишера, Елена, съехала на автомобиле на обочину и выключила фары.

— Мне надо покурить, — сказала она с небольшим акцентом, но на абсолютно правильном английском. Она вышла и закурила. Фишер вышел из машины и потянулся. Под его ногами хрустел гравий.

Как и в течение последнего часа, дорога была пустынной и темной. Без света фар, Фишер теперь понял, как было темно. По обе стороны дороги, болотистая местность исчезала во мраке. Они действительно были в глухом месте.

Короткого шестичасового промежутка времени между его вторжением в Гонконг и посадкой в киевском аэропорту Борисполь было достаточно, чтобы доставить Гримсдоттир жесткий диск, украденный со склада в Ло Ву, пройти брифинг у Ламберта перед миссией в Чернобыли, затем найти пустой офисный диван и поваляться в течение двух часов.

«От режущей ухо суеты Гонконга к молчаливой, бесплодной пустоши Чернобыля», — подумал Фишер.

Он даже не был уверен, по какому часовому поясу шли его биологические часы.

— Ты нервничаешь, — обратился он к Елене.

— А ты нет? — Елена сделала затяжку, расхаживая взад-вперед. Ей было двадцать семь лет, она была высокая и стройная, с каштановыми волосами, собранными в конский хвост.

— То, что я делаю для твоей страны — это предоставляю информацию. Я даю информацию, и они берут ее. Они никогда не присылали сюда кого-то. Зачем им понадобилось сюда кого-то присылать?

Елена Андротова — биолог из «Промышленной исследовательской ассоциации Припяти» (ПИАП), которая заведовала тридцати километровой зоной отчуждения вокруг печально известной ЧАЭС. Обеспокоенная тем, что украинское и российское правительства не полностью обнародовали то, что им было известно о текущих последствиях чернобыльской катастрофы, Елена пошла в консульство США во время отпуска в Болгарии и предложила свою помощь в том, что же в действительности она и ее коллеги исследовали в зоне отчуждения.

«Идеология», — подумал Фишер.

Это один из четырех мотивов. Причины, почему люди предлагают или соглашаются шпионить на иностранные агентства, обычно попадают под одну из категорий: деньги, идеология, компромисс и эго. Елена никогда не просила денег или признания, ее никто не принуждал. Пока что ЦРУ было благодарно за ее информацию, хотя она и не была сногсшибательной. Ее оператор неоднократно напоминал ей, что она может уйти в любое время, без всяких вопросов.

Фишер понимал ее опасения по поводу его внезапного появления. Последние шесть лет ее операторы просто принимали информацию, лишь говоря: «Спасибо, свяжись с нами, когда будет еще».

А теперь, без всяких объяснений, ее попросили сыграть гида какому-то загадочному секретному агенту.

— Как долго ты здесь работаешь? — спросил он.

Сэм знал ответ, но от разговора станет легче.

— Шесть лет. Я пришла сразу после университета. Я хотела помочь.

— И помогла?

— Ты мне скажи. Как ты считаешь, сколько людей погибло из-за Чернобыля?

— По официальным цифрам тридцать один человек.

Елена фыркнула.

— Тридцать один! Вдвое большее число пожарных погибло в течение пяти минут, добравшись до места происшествия и обуглившись до хруста от гамма-излучения. В мгновение! Исчезли!

— Сколько же тогда?

— За последние двадцать лет, учитывая только Украину и Белоруссию, я бы сказала двести тысяч. Поэтому я тебя спрашиваю: чем я могу быть полезна, когда весь мир все еще верит, что тридцать один?

— Почему ты не уйдешь?

— У меня еще год по контракту, — ответила она, затем показалось, что она слегка расслабилась. Она сделала затяжку.

— Потом, возможно, я уеду. Уеду из Украины.

Девушка взглянула на него.

— Может быть, поеду в Америку.

Это больше было похоже на вопрос, чем на утверждение.

— Возможно, я тебе с этим помогу. Но сейчас, ты должна провести меня в зону отчуждения. Проведи меня внутрь, остальное я сделаю сам. — Сказал Фишер.

— О, правда? Зона отчуждения. Ладно, Джеймс Бонд, что тебе известно о зоне отчуждения? Не дожидаясь ответа, Елена указала на дорогу.

— За холмом находится блокпост. За ним в тридцати километрах Чернобыль! Тридцать километров! Это... это...

— Восемнадцать миль, — сказал Фишер.

— Восемнадцать миль. Еще через пятнадцать километров будет Город-призрак.

— Ты имеешь в виду Припять?

До катастрофы, Припять была тихим городком с населением в пятьдесят тысяч человек, где проживало большинство чернобыльских рабочих со своими семьями. Последние два десятилетия он был заброшен.

— Да, Припять. Место, где и произошла катастрофа. Вот насколько это плохо было и есть. Я отвезу тебя туда. Сможешь почувствовать призраков. Они ходят по улицам.

Елена засмеялась и пробормотала:

— Тридцать один. Ха!

— Ты довольно вспыльчива по этому поводу. Всегда такой была?

— О, нет. Как и все я верила официальным известиям. Зачем нашему правительству лгать об этом? Ведь они были здесь, чтобы защитить нас. Я была наивна. Я приехала сюда и мои глаза открылись. И твои откроются, если захочешь увидеть, как оно есть на самом деле.

— Хочу.

— Отлично.

Она проверила часы.

— Вернись в машину. Нам нужно ехать.

Елена проехала еще несколько минут, затем по просьбе Фишера, снова свернула на обочину.

— Блокпост в километре, — сказала она. — Вы запомнили дорогу?

Фишер схватил рюкзак с заднего сиденья и вылез.

— Я запомнил. Встретимся в назначенном месте через пятнадцать минут.

— Пятнадцать минут.

Он закрыл дверь, хлопнул по крыше машины и она уехала. Свет фар исчез в тумане. Он надел рюкзак на плечи и пошел вниз по насыпи к болоту. Сэм вытащил ОПСАТ, несколько раз проверил карту, затем нацепил трифокальные очки, включил НВ и побежал.

ЕМУ и Елене встретятся два блокпоста. Первый, расположенный на внешней границе тридцати километровой зоны отчуждения, охранялся военными, привлеченных из украинской армии; каждый солдат должен был обязательно провести шесть недель, охраняя зону.

Автомобилям запрещалось въезжать в зону, во избежание загрязнения. Посторонним лицам нужно было парковать свои экологически чистые машины на парковке блокпоста, затем пройти регистрацию, после чего им выдавали «грязное» транспортное средство из автопарка.

Второй блокпост, расположенный на внутренней границе в одиннадцати километрах от реактора номер четыре, также охранялся, здесь посетителям снова нужно было обменивать машины («грязную» на еще более «грязную») и сменить одежду. Гражданскую одежду, которая должна быть подвергнута обеззараживанию, запечатывали в пластиковые пакеты, затем ее возвращали на первый блокпост, до возвращения хозяина, меняли на темно-синие комбинезоны, пластиковые ботинки, перчатки и белые хирургические маски.

Согласно «Промышленной исследовательской ассоциации Припяти» использование машин из зоны не опасно для людей, однако введение их во внешний мир может иметь «непредвиденные экологические последствия».

Через десять минут с начала пути, Фишер подошел к гряде виргинских сосен и остановился. Порыв ветра свистел между деревьев, вызывая скрип веток. От холода он поднял воротник.

Фишер не знал, случайно или специально, но, во всяком случае, у этого входа, гряда деревьев означала внешнюю границу. В данной ситуации он размышлял действительно нелогично о том, будто вещи выглядят и ощущаются как-то иначе внутри зоны. Была ли трава более грубой, или хрупкой? Были ли листья на деревьях высушены, или угодили в ловушку какой-то бесконечной радиоактивной осени? Пахла ли как-то иначе вода? Он знал ответ, но таковой была природа радиации — невидимый ядовитый дождь, который попадает на все. Включая воображение.

Он заставил себя вернуть мысли в нужное русло.

В километре на запад от него был первый блокпост. Сэм замедлил дыхание и прислушался. В болотистой местности звук отлично распространяется и спустя несколько секунд он услышал отдаленный глухой звук, захлопнувшейся двери машины, затем послышались голоса, говорящие по-украински.

«Еще один посетитель приезжает или уезжает, — подумал Фишер. — Скорее всего, последнее. К этому времени Елена уже должна была пройти блокпост и ожидать в автопарке».

Он поднялся и начал пробираться через сосны.

Через несколько сотен метров, деревья начали редеть, и он смог различить светло-серый свет, проникающий сквозь ветки. Сэм достиг края деревьев и остановился. Впереди находилась парковочная стоянка, забитая десятками машин и грузовиков. Посреди стоянки стоял столб, увенчанный одним натриевым прожектором, который освещал стоянку. Как и говорила Елена, постоянно флиртующие с ней охранники блокпоста назначили ей ее любимую машину: ярко-красный «Опель Кадетт» 1964 года выпуска. Фишер видел силуэт девушки на месте водителя.

По привычке, он выжидал и осматривался еще минут десять. Не то, чтобы он сомневался в ее надежности, но она шпионила на ЦРУ шесть лет, долгое время, в течение которого могли бы возникнуть подозрения и начаться расследования.

Оставаясь за деревьями, он обошел стоянку, пока не удовлетворился, что никого нет. Он подошел к «Опелю» Елены и сел внутрь. Она завела двигатель, выехала со стоянки и поехала.

— Почему ты так долго? — спросила она. — Все в порядке?

— Все отлично. Я просто уже не так быстр, как раньше. Старею.

— Старый? Ерунда. Как по мне, ты отлично выглядишь, — сказала она, всматриваясь в ветровое стекло.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она постучала пальцами по рулю.

— Ты женат?

— Нет. А ты?

— Нет.

Минут пять они ехали в тишине, затем Елена спросила:

— Ты когда-нибудь ел борщ? Настоящий украинский борщ?

— Не доводилось.

— Я готовлю замечательный борщ.

— Я даже не уверен, как его делают.

— Начинаешь со свиного бульона, добавляешь фасоль, свеклу, лимоны, овощи, листья щавеля, уксус, сок ревеня, чеснок... Вкуснятина. Я приготовлю тебе.

— Откуда вы берете овощи?

Она улыбнулась.

— Ты имеешь в виду, выращиваю ли я их в зоне? Нет, их привозят снаружи. Из Киева.

— Хорошо.

— До рассвета несколько часов. Ты хочешь попасть во внутреннюю зону? Я полагаю, что ты предпочитаешь прятаться ночью.

Фишер имел при себе документы и легенду, чтобы объяснить свое присутствие, в случае задержания, но он предпочитал избегать всех контактов с властями. Сэм отвел себе три дня на пребывание в зоне отчуждения. Больше чем нужно, чтобы беспокоиться о безопасности, он должен сделать работу и выбраться. События начали быстро развиваться, когда боевое формирование ВМФ США находится на пути в Османский залив. Иран вышлет свои собственные единицы ВМФ для встречи боевого формирования. Напряжение возрастет — раздадутся выстрелы.

— Как поняла, что я действую ночью? — спросил он ее.

Она боком глянула на него.

— По глазам. Хотя с виду — добрые.

— Ответ на твой вопрос: да, ночью будет лучше всего.

— Хорошо. Сейчас же выдвигаемся. Ты действительно должен увидеть Припять. Я покажу тебе такие вещи, которые не увидишь на картинках.

Экскурсия не была частью его задания, однако у Сэма было время и любопытство.

— Поехали.

Маршрут составил всего пятнадцать километров или семь миль, но всю дорогу они ехали к востоку от чернобыльской деревни по берегам реки Припять, которая во время аварии поступала в пруд-охладитель станции.

Елена сделала дугу к востоку вокруг Чернобыля, минуя десятки сел, все было покинуто, за исключением нескольких сотен упорных фермеров, которые вернулись, несмотря на предостережения правительства. Во время езды Елена переводила вывески на кириллице: Ямполь, Малый Черевач, Заполье — один за другим появлялись и исчезали в свете фар «Опеля», деревянные сельские домики, навесы, сараи, большинство из них обрушилось, обросло листвой и мхом, заборы были обвиты виноградной лозой и кустарником, наклонившиеся под нелепыми углами к земле, постройки настолько примитивные, что у Фишера не было затруднений представить, что он попал на сотню лет назад в прошлое.

— Это нереально, — сказал Фишер.

— Это цветочки. Погоды немного.

Подъезжая ближе к городу, сельские домики и сараи сменились небольшими зданиями, которые были сделаны из серого бетона и поблекшего коричневого кирпича. Все вывески были на кириллице, однако нечто похожее было в сооружениях: заправочная станция, продовольственный магазин; банк... Вскоре сосны и болото уступили место свободным стоянкам и вымощенным перекресткам.

Они приблизились к Припяти с запада, поэтому на первый взгляд Фишера силуэт города был подсвечен первыми лучами солнца на горизонте. Огромные прямоугольные блоки зданий, высокие и узкие, короткие и приземистые, вырастали из земли. В сумерках они были темными и безразмерными, как будто бы нарисованные на горизонте сценографом фильма.

Как только они въехали в черту города, кругозор посветлел, детали начали проявляться.

Припять во много походила на обычный советский город. Сооружения, от многоэтажных квартир до четырехэтажных школ и офисных зданий, были построены из пепельно-серых блоков. Все напоминало атмосферу «Лего», как будто геометрические блоки просто бросили на пустые места между улицами и дали название: жилой дом 17; Народный банк №84; главный офисный комплекс 21. Единственные частицы цвета, которые заметил Фишер, были выцветшими настенными изображения по бокам зданий традиционных сцен революционной эры с Лениным или решительным белокурым человеком, стоящим по колено в золотом поле пшеницы, сжимающем в одной руке серп, с другой рукой приставленной к глазам, смотрящими вдаль.

Больше всего Фишера поразило спокойствие места. Если села за пределами города, казались застрявшими в 1800-х, Припять казалась замороженной в тот роковой апрельский день 1986-го года. Машины стояли посреди перекрестков, двери по-прежнему открыты, когда жители просто вылезали наружу и убегали прочь. Чемоданы, сундуки, тачки, нагруженные до верха одеждой, кастрюли, сковородки, картины валялись на тротуарах.

«Как в Слипстоуне», — напомнил себе Фишер.

Они проехали начальную школу. Детская площадка — когда-то участок земли, окруженный деревьями, оброс сорняками и кустарниками. Конструкция для лазания возвышалась из подлеска, ее стальная конструкция задыхалась от виноградной лозы; детский домик в форме слона с горкой вместо туловища был не более чем ржавой развалиной. Двери школы все еще открыты — распахнуты при бегстве детей и учителей, представлял себе Фишер. Когда школа исчезла в боковом окне, Фишер бросил взгляд детскую куклу, усаженную идеально прямо на краю песочницы.

«То, — решил он, — на что похож ядерный Армагеддон».

— Здесь везде так? — спросил он.

— Да. И еще будет на протяжении трехсот лет. Пока не исчезнет уровень загрязнения. Я приезжаю сюда иногда, просто, чтобы напомнить себе, что это реальность. Однако ночью никогда. Я никогда не приезжала ночью.

— Я не осуждаю тебя.

Затем они проехали мимо шестиэтажного жилого дома, еще один серый куб с выстроенными в ряд балконами, которые проходили по всей длине сооружения. Лишь за некоторым исключением, двери балконов на шестом этаже были открыты. Через какое-то время Фишер понял почему. Эти квартиры выходили на юго-восток к АЭС. Верхний этаж предоставлял свободный обзор взрыва реактора и последующего пожара. Он представлял себе женщин в халатах и детей в пижамах, которые стояли у перил и смотрели представление, не до конца осознающих, что произошло на самом деле. Не знающие, что невидимое облако цезия уже обрушилось на них. Многие балконы были пронумерованы по порядку в красный и оранжевый цвета.

— Чьи они? — спросил Фишер.

— Не дожидаясь утра, после чего, многие дети ушли бы в школу, был отдан приказ об эвакуации. Людям сказали пометить свои балконы номерами автобусов их эвакуации, для того, чтобы оповестить родных, которые вернулись домой.

— Боже мой, — пробормотал Фишер.

— Ты достаточно увидел?

Фишер кивнул, уставившись в окно.

ОНИ ехали на юг минут десять, прежде чем Фишер увидел первые признаки приближения непосредственно к Чернобылю. Вдалеке из болот вырос обелиск. Это была дымовая труба станции, объяснила Елена. Приближаясь, Фишер мог различить, что труба была окрашена в красные и белые выцветшие полосы. Рядом стоял кран, который, как Сэм предполагал, использовался для практически постоянного восстановления «Саркофага», который за годы начал трескаться и рушиться.

В двенадцати километрах от станции, Елена свернула с асфальтной дороги на грунтовую, которая петляла через рощу приземистых сосен. Через несколько сотен метров, она свернула на дорогу. Она затормозила перед одноэтажным домом в стиле ранчо, окрашенным в поблекший желтый цвет. Подобно сельским домикам за пределами города, и этот дом был облачен в лабиринт виноградной лозы, которая ползла по стенам, вдоль карниза, и вокруг передних столбов крыльца, подобно змеям, застывшим во время скольжения.

— Штаб квартира «ПИАП» во внутренней границе, — сказала Елена, вылезая из машины. — Москва построила его примерно через год после катастрофы. Конечно же, мы проводил здесь как можно меньше времени.

— Кому принадлежит это место?

— На данный момент — мне. А вообще — местному партийному лидеру из Киева. Когда впервые построили заводы, Москва отдала приказ важным персонам получить здесь дачи, чтобы доказать, что реактор неопасен. Официально все ученые «ПИАП» должны жить в отремонтированных квартирах на юге Припяти.

— Я видел их, — Фишер взял свой рюкзак с заднего сиденья. — Не очень уютные.

— Да, милые, не так ли? Здесь получше. Снаружи не очень, но зато крыша не течет и отличное уединение. Плюс шлейф сюда не попал.

— Я не понимаю.

— Шлейф радиоактивной пыли. В основном ее унесло на запад и север в Белоруссию. А мы находимся восточнее станции. Пошли внутрь.

Она начала идти. Девушка поняла, что Фишер не следует за ней и, обернувшись, засмеялась.

— Расслабься. Видишь это?

Она указала пальцем на что-то похожее на флюгер, выступающий с крыши.

— Это дозиметр; я проверяю его дважды в день. Доверься мне, это одно из самых чистых мест в Чернобыле.

— Полагаю, ради этого стоит стать биологом, — сказал Фишер и пошел к крыльцу.

— Я очень осторожна. Когда-нибудь я хотела бы иметь детей.

ОНА направила Фишера в скромную спальню, где он сбросил свой рюкзак и затем присоединился к ней на кухне.

Она присела перед открытой дверцей дровяной печи, подкладывая палки в разгорающийся огонь. Елена закрыла дверцу и поднялась.

— Присаживайся. Чай будет готов через несколько минут.

Она взяла буханку черного хлеба и банку с вареньем из черной смородины из шкафа и поставила на стол. Она выбрала яблоко с подоконника, помыла его и нарезала его в миску.

— Вода поступает из артезианских колодцев, — не предоставляя ему случая спросить. — Я также проверяю ее каждый день.

— Прости. К этому нужно привыкнуть. — Сказал Фишер.

— Не извиняйся. Я также себя вела, когда впервые сюда приехала. Мне не хотелось к чему-либо прикасаться. Я даже обнаружила, что неосознанно задерживаю дыхание. Это естественная реакция.

После ужина Фишер помог ей все убрать.

— Через несколько часов мне нужно идти на работу, — сказала она, вытирая руки о полотенце. — Я провожу эксперимент на трехголовом рогозе.

Фишер покосился на нее, сомневаясь, говорит ли она ему правду.

— Я серьезно, — сказала она. — Почти весь рогоз вокруг пруда-охладителя матировал. Поверь мне, эти малые скучные изменения, которые нам довелось увидеть. Видел бы ты, каких карпов они вытаскивали из пруда.

Она вытянула губы и скосила глаза.

— Вот такие уродливые.

Фишер засмеялся.

— Я приду домой к полудню. По пути мне нужно проверить кое-что в деревне — слух, который я когда-то слышала. Это может заинтересовать тебя.

— Что это такое?

— Дай мне сначала проверить. Иди спать. Если кто-нибудь постучит, не отвечай.

ФИШЕР старался заснуть, но его тело не слушалось, он подремал несколько часов, затем поднялся и прошелся по дому. У Елены была хорошая коллекция книг, которые она держала в старом застекленном шкафчике в гостиной. Заголовки варьировались от Толстого и Бальзака до Стивена Хокинга и Даниэлы Стил. Сэм также нашел старый ящик из под молока полностью забитый старыми пластинками, в основном эпохи Биг-бэнд. Он поставил «Трибьют Манчини» в проигрыватель, усевшись с английской версией книги «Война и мир» и читал до прихода Елены.

Она принесла пакет с продуктами.

— Борщ? — спросил Фишер.

— Конечно. Я же обещала тебе.

Разложив продукты, они сели пообедать колбасой, сыром и вином.

— Итак, — сказал Фишер, — этот слух?

— Да, я проверила. Я не уверена правильно ли я его помню, но слух прошел около четырех месяцев назад, что несколько солдат пропали без вести посреди ночи. Их так и не нашли. Все, в том числе и местный военачальник, полагают, что они дезертировали. В последний раз их видели, как они направлялись к бункерам, о которых ты спрашивал. У меня есть имя человека, который их видел последним: Алексей. Ему девяноста пять лет, но он еще в своем уме. Старый ветеран.

— Он поговорит с нами?

Елена улыбнулась.

— Алексей любит разговаривать. Он был командиром танка во время Великой Отечественной войны. Он утверждает, что перед тем, как его взяли в плен, он уничтожил под Курском восемнадцать «Панзеров». Оставшуюся часть войны он провел в исправительно-трудовом лагере в Польше. Мы пойдем сегодня ночью, после борща. Я смотрю, ты нашел мою коллекцию книг.

— Прости, я не хотел...

Елена махнула рукой.

— Нет, нет, я собиралась тебе показать. Вот, я уберу. А ты возвращайся к чтению. Возможно, тебе больше повезет, чем мне.

— Я думал «Войну и мир» должны прочесть все русские.

— Очень смешно. Я пыталась прочесть четыре раза. Скучно до слез. К тому же, я — украинка.

ВСКОРЕ после наступления темноты, Фишер и Елена покинули ее дом, наевшись до отвала борща, он чувствовал себя обманутым, потому, что так долго жил без него.

После полудня приблизился фронт низкого давления, принес с собой темные тучи и ледяную изморось. Фары «Кадетт» двойной полосой рассекали тьму, освещая колеи и выбоины, обрамленные льдом. Обогреватель, работающий лишь на максимальных настройках, издавал звук, который Елена описала как «морковь, затолканная в лопасти вентилятора».

Изменение погоды было неоднозначным благом для Фишера. Облака и отсутствие звезд обеспечит лучшее прикрытие, но ледяной дождь и падение температуры покроют поля и болота коркой льда, которая будет хрустеть под ногами.

Он не был уверен, что такого особенного в истории о пропавших без вести солдатах. Дезертирство было распространено в украинской армии, особенно, решил он, среди войск, исполняющих долг в Чернобыле. Многие призывники были молоды и малообразованны, и все они знали о Чернобыле, что это произошло задолго до их рождения или, когда они были детьми, чтобы помнить, и что это было место, полное призраков, ядов и болезней. Тем не менее, слух был отправной точкой.

Они ехали двадцать минут по дороге, ведущей на юг вдоль реки Припять. В пяти километрах от электростанции, Елена свернула с главной дороги и пересекла шаткий мост, выехав на восточную сторону реки. Поодаль от берез располагалась хижина. В свете фар Фишер смог различить стены постройки, сделанные из грубых березовых досок, законопаченных чем-то, похожим на смесь глины и соломы. Крыша был завалена дерном.

«Кадетт» остановился, и Елена притушила фары.

— Он живет здесь круглый год? — спросил Фишер.

Она кивнула.

— Последние восемнадцать лет. На самом здесь деле очень тепло зимой, даже теплее, чем у меня. Я навещаю его раз в неделю, приношу ему борщ.

— Счастливчик.

— А ты решил, что ты единственный, кому я готовила борщ? Мужчины.

Фишер начал открывать дверь, но Елена остановила его.

— Пусть Алексей выйдет и увидит, что это я. Он недружелюбен с незнакомыми людьми и искусен с ружьем.

— И с танком, — сказал Фишер.

— И с ним.

Дверь хижины отворилась, и на крыльце появился фонарь. В его свете Фишер смог различить худое лицо и лохматую седую бороду. Елена опустила окно и крикнула что-то по-украински. Алексей проворчал что-то в ответ и махнул им, чтобы проходили внутрь.

— Он обещал не стрелять в тебя, — сказала Елена. — Я сказала ему, что ты принес борщ.

ФИШЕР не принес борщ, его принесла Елена, и они сидели в тишине пока Алексей ел его, затем он начисто вылизал миску. Внутри хижины было не так, как ожидал Фишер. За исключением глины между досками, стены были выкрашены в желтый цвет. За кухней располагались две спальни и гостиная с большим мартиновским камином.

Как и большинство советских танкистов времен Второй мировой войны, Алексей был невысоким и жилистым, такие мышцы появляются от тяжелой работы. Его руки были такими огрубевшими, что выглядели как кожа.

Алексей отложил миску в сторону, схватил с полки бутылку водки и налил три порции. Они выпили. Алексей и Елена говорили в течение нескольких минут, прежде чем она обратилась к Фишеру.

— Он будет говорить с тобой. Я сказала ему, что ты не из правительства, он его не любит, и что ты пишешь книгу о Чернобыле после аварии.

— Он расскажет нам историю о той ночи — ночи, когда исчезли солдаты?

Елена перевела слова Фишера и выслушала Алексея. Затем она перевела Сэму.

— Он говорит, что было уже за полночь, и он рыбачил в пруде-охладителе возле станции. Алексей увидел, как военный грузовик появился на дороге с другой стороны в пруда-охладителя, а затем объехал вокруг в направлении «кургана», зоны с бункерами, но прежде, чем он добрался туда, фары были выключены и двигатель молчал. Через несколько минут с противоположного направления появился другой грузовик и остановился напротив военного.

— Двое мужчин, которые вылезли из второго грузовика, они не были в униформе, и ему стало любопытно. Он подкрался по камышу, чтобы лучше рассмотреть. Там находились двое солдат из военного грузовика и четверо гражданских из второго грузовика. Несколько минут они разговаривали; затем четверка исчезла за грузовиком и снова появилась уже в «скафандрах».

— Биозащитный костюм, — сказал Фишер.

— Да, я тоже так думаю.

Алексей продолжил рассказ.

— Каждая пара несла большой блестящий ящик. Все вместе они пошли за один из курганов. Солдаты остались позади, прислонившись к грузовику, курили сигареты.

— Прошло минут двадцать и из-за кургана появились четверо мужчин, которые несли два ящика. Они загрузили ящики в кузов второго грузовика, затем присоединились к солдатам, стоящих возле их грузовика.

— Он поболтали несколько минут, затем один из гражданских открыл дверь грузовика, вытащил дипломат и вернулся к остальным. Он протянул дипломат одному из солдат. И в этот момент... В этот момент все и произошло.

— Что? — спросил Фишер.

Она подняла руку, чтобы Фишер замолчал, затем подвинулась ближе к Алексею и положила свою руку ему на предплечье. Они поговорили какое-то время, затем она отодвинулась и нахмурилась. Елена повернулась к Фишеру.

— Он говорит, что после того, как гражданский передал дипломат, его три компаньона вытащили пистолеты и начали стрелять. Первый солдат рухнул, но второй оказался быстрее. Падая, он выстрелил два раза из своего автомата, убив одного из гражданских. Потом главарь, тот, что был с чемоданом, подошел и сделал контрольный выстрел в голову каждому солдату, затем перезарядил и тут же разрядил обойму в лицо убитого гражданского. Тройка оттащила тела за курганы, забралась в грузовик и уехала прочь.

— Он говорит, что похоронил двух солдат и штатского в лесу за бункерами.

— Ты знала об этом? — спросил Фишер.

— Все, что я слышала, было слухом: вроде бы Алексей видел ночью людей, которые потом исчезли.

— Он рассказывал об этом кому-нибудь?

Елена спросила его, а затем сказала:

— Он полагает, что рассказывал, но не уверен. Наверное, он запутался.

— Расскажи мне.

— Он говорит, что рассказал местному военачальнику.

Потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы добраться до места, которое описал Алексей. Прежде, чем они добрались туда, Фишер попросил свернуть на обочину. Он протянул руку и выключил свет в салоне, затем открыл дверь.

— Встретимся на главной дороге через два часа, — сказал он.

— Позволь мне пойти с тобой. Я смогу помочь.

— Ты pomoжeшь мне, если пойдешь домой и будешь ожидать. Я нужно проверить кое-что; один я буду двигаться быстрее. Открой багажник.

Она открыла. Фишер пошел назад и вытащил сумку со снаряжением, которое собрала для него Елена — несколько биозащитных комбинезонов с капюшонами, респираторы, очки, ботинки и два набора перчаток.

— Ты помнишь, как все это одевается? — спросила она.

— Да.

— И герметизирующие ленты? На запястьях, лодыжках и шее? Убедись, что ты плотно заклеил.

— Сделаю.

Фишер закрыл дверь, и Елена уехала прочь. Он подождал, пока задние фары «Кадетта» исчезнут за поворотом, затем надел сумку на плечо и направился в лес.

ФИШЕР не думал, что Алексей запутался. Он поверил каждому слову в рассказе старого танкиста. Кто-то купил себе проезд в зону отчуждения, затем купил доступ к одному из бункеров, а такое не купишь у парочки рядовых из украинской армии, кроме как у штабных офицеров — вроде местного военачальника. Понимал ли тот офицер, что его солдат убьют, Фишер не знал, но, по словам Елены, военачальник вызывал сомнения: полковник ушел в отставку на два месяца раньше и переехал в курортный город Ялту, на побережье Черного моря.

Алексей утверждал, что выслушав историю о перестрелке, полковник поблагодарил его, пообещал, что будет проведено полное расследование и заставил его поклясться сохранить тайну. Алексей не поверил ему, поэтому рассказал, что солдаты вместе с другими людьми уехали на гражданском грузовике.

— Штатские ему безразличны, — перевела Елена, — но он не думал, что полковник поступит как следует в отношении мертвых солдат. Они были товарищами; и заслуживали солдатских похорон.

Фишер мог только гадать, почему полковник оставил Алексея в живых, он подозревал, что Алексей известная личность в Чернобыле и с этим нужно было что-то делать. Если пропадут два

молодых солдата — это дезертирство. А если пропадет Алексей, то местные жители захотят узнать причину.

Запомнив карту, которую нарисовала ему Елена, Фишер продвигался через темный лес пока не пришел к ручью, вдоль которого он пошел на восток, пока ручей не перерос в узкий залив поросший тростниками и камышом. Теперь он находился с восточной стороны пруда—охладителя станции.

Он вытащил счетчик Гейгера и провел им над грязью и листвой.

От звука счетчика по коже побежали мурашки, но показания находились в допустимом диапазоне.

По словам Гримсдоттир, внешнее воздействие сопоставимо с тремя рентгеновскими снимками грудной клетки.

Поверх камышей он видел очертание атомной станции. Сэм находился в километре от места самой ужасной ядерной катастрофы в истории.

На следующее утро после взрыва, спасатели, в конце концов, осознали, что проигрывают сражение с пожарами в кратере, которые подпитывались не только расплавленным шлаком от оставшихся топливных стержней, но также и легковоспламеняющимся графитом, который обвалился с корпусов стержней. Вертолеты сбрасывали нейтронные поглотители в яму.

В течение следующих шести дней было произведено около двух тысяч самолетовылетов через радиоактивный шлейф пыли, выбрасываемой из реактора. Пять тысяч тонн, около десяти миллионов фунтов, свинца, песка, глины, доломита, фосфата натрия и полимерных жидкостей было сброшено в кратер пока наконец-то, спустя неделю после первого взрыва, пожар был потушен. Ни один из пилотов, летавших над ямой, не выжил.

За прудом Фишер видел курганы бункеров. Они располагались в три на три квадрата, каждый квадрат находился в ста метрах от соседнего. Курганы, которые были ничем иным как погрузочными контейнерами размером с автобус, были покрыты слоями земли и заканчивались бетонным колпаком. Как и все в Чернобыле, природа вернула себе бункеры, превратив их в покрытые кустарником холмы. Если бы он не знал, что они есть, то Фишер мог бы ошибочно принять курганы за естественный рельеф местности.

Он пробирался через камыши, пока не достиг противоположного берега. Сэм уже хотел перейти дорогу, когда услышал рев двигателя. Он присел на корточки.

На дороге появился свет от фар. Машина, медленно двигаясь, остановилась возле первого ряда бункеров. Появился свет прожектора, осветил курганы и погас. Машина двинулась вперед и повторила процесс у следующей группы. Когда машина подъехала ближе, Фишер увидел, что это был ГАЗ-67, советский джип времен Второй мировой войны. На передних сиденьях сидели двое солдат.

Джип поравнялся с укрытием Фишера, остановился, исследовал курганы и уехал. После долгих десяти минут ГАЗ повернул за поворот и исчез из вида. Каждые несколько секунд будет появляться свет прожектора, скользить по следующему ряду бункеров, а затем гаснуть.

Фишер перебежал дорогу, спустился к набережной и через высокую траву направился к поляне, окруженной бункерами. Он вытащил счетчик Гейгера. Показания немного возросли, но по-прежнему оставались в пределах нормы.

Алексей утверждал, что гражданских интересовал бункер под номером три, самый дальний от дороги. Он пробежал между первыми двумя курганами, затем свернул направо и остановился у основания третьего бункера. Он снова просканировал Гейгером: все в порядке.

Сэм прошел от начала кургана и до конца, рывком опустил очки и включил ИВ. Картина завораживала. Земля под ногами была темно-синего цвета и постепенно переходила в светло-голубой там, где начинался склон. С того места цвет резко менялся оранжево-желтой линией, которая начиналась у основания кургана и шла до самого верха.

После двадцати с лишним лет, радиоактивный мусор по-прежнему выделял тепло через полутораметровый слой земли и бетона. Фишер снова ощутил дурное предчувствие.

«Не думай Сэм, — командовал он себе. — Делай, что собирался и проваливай отсюда».

Он открыл рюкзак и нашел разборной шанцевый инструмент, который он быстро собрал. Сэм прошел всю длину кургана, останавливаясь, каждые тридцать сантиметров и втыкая лопату в склон. Через три метра наконечник лопаты попал в пустое пространство. Он провернул лопату, вытаскивая комья земли, расчищая небольшую ямку. Фишер включил фонарик и посветил внутрь.

В земле был проход. В конце прохода Фишер увидел пятно ржавой стали.

Он отложил лопату в сторону и просканировал тоннель счетчиком Гейгера. Цифры значительно подскочили. Сэм схватил свою сумку и попятился назад, нашел на земле ровное место и вырыл яму шириной и глубиной полметра.

Затем он надел биозащитный костюм: начиная с комбинезона и заканчивая респиратором и очками. Он не спешил, проверяя, чтобы костюм сидел по размеру, все молнии и клапаны были закрыты, затем заклеил все стыки герметизирующей лентой, как инструктировала его Елена. Несмотря на защитную одежду, она твердо настаивала на времени пребывания в контейнере:

— Не более четырех минут. Не прикасайся ни к чему без надобности. Не сталкивайся ни с чем и не поднимай пыль. Иди медленно — очень медленно, как по воде.

Фишер включил фонарик на голове и вернулся к кургану. Он начал разрывать тоннель. Это было легко. Тот, кто был здесь до него, сделал всю тяжелую работу. Вход в туннель был просто накрыт решеткой березовых веток, а сверху покрыт кусками почвы, аккуратно срезанной с поверхности кургана.

Через пять минут весь тоннель был открыт. Полтора метра в высоту и полметра в ширину, он вел прямо к ржавой двери контейнера, которая была закрыта перекладной. Замок, покрытый землей, лежал на полу, его дужка была разрезана пополам.

Он остановился, чтобы отдышаться. Комбинезон, перчатки и ботинки были химически обработаны, чтобы задерживать радиоизотопное поглощение, но они также задерживали тепло тела. Сэм чувствовал, как пот бежит по шее и бокам. Его дыхание шипело внутри респираторной маски. Очки были постоянно запотевшими, но беспокоясь, чтобы не прикоснуться к чему-либо его вероятно загрязненными перчатками, Сэм оставил очки в покое.

Фишер понимал, что это был всего лишь слабый отблеск того, через что прошли спасатели после взрыва. Недостаточное количество человеческой силы и времени, сотни солдат и гражданских проводили дни внутри защитных костюмов, работая у края кратера лопатами и ведрами, а иногда и руками, чтобы столкнуть радиоактивный мусор в яму.

Он отложил лопату в сторону, а затем нырнул вниз. Следуя за лучом лампы на голове, он ступил в тоннель. Щебень и грязь обрушились на него. Корни свисали над головой как костлявые пальцы. Фишер достиг двери контейнера и остановился.

«Глубокий вдох».

Он схватил перекладину и поднял ее. Ожидая услышать резкий звук ржавого металла, он был удивлен, насколько бесшумно сдвинулся засов. От любопытства он заглянул в механизм, там все блестело от масла. Сэм почувствовал, как участилось его сердцебиение.

«Вот тут-то все и началось».

Несколько месяцев назад, четверо мужчин забрались по этому же туннелю, смазали этот же засов, затем вошли внутрь, украли радиоактивный мусор, который в итоге оказался на борту «Трего» и отравил целый город.

Сэм приоткрыл дверь. Это привело к небольшому обвалу грязи. Он подождал, стоя на месте, пока обвал не закончился, затем полностью открыл дверь и посветил фонариком внутрь. Он сразу же столкнулся с чем-то, похожим на стену серо-черного пепла и металлолома высотой по грудь, которая на самом деле ей и была, с той лишь разницей, что она была радиоактивной, даже сейчас, спустя два десятилетия, прямое воздействие убило бы человека за несколько минут.

До сих пор глубоко в подсознании Фишер считал это слишком нереальным, чтобы поверить. Но здесь, на расстоянии вытянутой руки, было доказательство того, что это реально.

Часть обломков стены отсутствовали, выкопаны, решил он, судя по двум выброшенным совковым лопатам у его ног.

МЕДЛЕННО и осторожно он вышел из контейнера в туннель. Из ножного кармана комбинезона Сэм вытащил цилиндрическую трубку для образцов размером примерно с кофейную кружку. Это был последний инструмент, который дала ему Елена. Изготовленная из легкого титана с двойными стенками, трубка была освинцована и увенчана тонкой резьбовой крышкой.

Он отвинтил крышку. Внутри была вторая идентичная трубка, но размером с большой палец и закреплена тремя подпружиненными штырьками. Он свободно вытащил эту трубку и отвинтил очередную крышку. Внутри был титановый совок в четверть чайной ложки.

С совком в одной руке и трубкой в другой, Фишер вернулся в контейнер. Он уже почти встал на колени, когда поймал себя на мысли.

Не сталкивайся ни с чем и не поднимай пыль. Он широко развел ноги для лучшего равновесия, затем опустился на корточки. Сэм осторожно ввел кончик совка в гору мусора у его ног. В свете фонарика он увидел клуб пепла, окруживший совок. Он замер и выждал, пока пепел не осел, затем вытащил совок и свалил его содержимое в трубку. Фишер повторил эту процедуру еще пять раз, пока трубка не стала, наполнена пеплом, затем отложил совок в сторону. Он вышел из контейнера в туннель, где поместил меньшую трубку обратно в основную часть и, наконец, завинтил резьбовую крышку.

Он даже не знал, что все это время задерживал дыхание. Он выдохнул. Потом закрыл дверь контейнера и закрепил перекладину.

Следуя непреклонным инструкциям Елены, Сэм снял наружные перчатки и отложил их в сторону, взял трубку, направился ко входу туннеля и оставил ее снаружи. Потом вернулся внутрь, снял ботинки и положил их рядом с перчатками, затем вышел из туннеля.

Его обдало ночной прохладой. Он должен был сопротивляться порыву скинуть свою экипировку.

«Спокойно, Сэм. Почти на месте. Еще несколько шагов и все».

Он подошел к яме и медленно снял защитный костюм, положив каждую часть внутрь, затем снял внутренний слой одежды — тонкий хлопчатобумажный советский костюм, который дала ему Елена. Обнаженный, он вытащил четырехлитровую банку с водой из рюкзака и ополоснул себя с головы до ног, оставшиеся пол-литра он слил на поверхность цилиндрической трубки.

Он вытер остатки воды с лица и волос, затем надел свою одежду и сел перевести дух. Сэм обивался потом, а ноги казались резиновыми.

С другой стороны кургана он услышал рев двигателя ГАЗ. Он схватил рюкзак, поспешил за курган и припал к земле. Через несколько секунд свет прожектора заскользил по земле и вверх по склону кургана, миновав вход в тоннель. Прожектор погас. Рев двигателя ГАЗ стих вдоль дороги.

Закрыв яму и завалив вход в тоннель, Сэм одел рюкзак на плечи и вытащил ОПСАТ. Карта Алексея к могилам была достаточно точной для Фишера, чтобы найти соответствующие ориентиры по карте ОПСАТа, так что, определив месторасположение, он проскользнул в лес, направляясь на северо-восток.

Алексей похоронил солдат вместе под елью, поставив небольшой крест, сделанный из веток; штатского он просто сбросил в неглубокую могилу дальше в лесу. Спустя пятнадцать минут, Фишер, сравнивая ориентиры с ОПСАТом, отыскал место.

У него было предчувствие, требующее удовлетворения.

При помощи шанцевого инструмента он ковырял вокруг землю, пока не нашел границу могилы, затем он прошелся лопатой вдоль краев и наконечник лопаты уткнулся во что-то твердое. Сэм копнул землю рукой, и та сомкнулась вокруг объекта. Он сразу же понял, что это было запястье. Плоть была похожа на гнилую тыкву.

Он медленно поднимал запястье, пока из земли не показалось предплечье, а затем плечо. Запах разложения наполнил его ноздри. Сэм зажмурился и сглотнул. Теперь с анатомическим ориентиром он приступил к работе: начал выгребать землю, пока не раскопал труп.

Алексей положил мужчину лицом вверх, скрестив руки на груди. За четыре месяца в земле почти вся кожа разложилась, обнажая участки мышц, которые превратились в зеленовато-черную плесень. В некоторых местах он видел кости. Сэм поднимал каждую руку и тщательно ее осматривал. Кончики пальцев отсутствовали. Лицо также было уничтожено, за исключением кожи и плоти вокруг скул и глазниц, однако даже они были раздроблены от пуль, как предполагал Фишер.

Он наклонился вперед, остановившись в нескольких сантиметрах от лица трупа. Точно сказать нельзя, нельзя доказать без всяких сомнений, однако Фишер мог поклясться, что глаза трупа имеют внешний эпикантус¹². Азиатский эпикантус.

¹² Эпикантус - вертикальная складка кожи полудунной формы, прикрывающая внутренний угол глазной щели. Наблюдается в норме у представителей монголоидной и некоторых групп австралонегроидной расы.

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН

— Ты бы поставил на это свою жизнь? — спросил Ламберт. — Поставил бы ты войну на это?

Фишер обдумал вопрос. Его внутренний инстинкт говорил «да», но Ламберт верно подметил: жизни поставлены на карту, многие тысячи жизней, которые будут потеряны в войне, которая не только навсегда изменит Ближний Восток, но и место Америки в мире. Решения такого калибра не принимались на основании инстинкта.

— Свою жизнь — да, — ответил Фишер. — Войну... нет.

Сэм был убежден, что здесь велась какая-то игра и что все детали еще не были обнаружены. Но кто был движущей силой? Дело в отношении Ирана на вид было крепким: у ФБР было трое подозреваемых под стражей, и все они говорили, прокладывая след, который указывал на Тегеран. И что же он мог противопоставить этому? Уничтоженную яхту и труп с вроде бы азиатскими чертами.

Сделав десяток цифровых фотографий трупа и зарыв могилы, Фишер проделал обратный путь через лес к главной дороге. Как и было обещано, Елена ждала его.

Ни говоря ни слова, она привезла его в нескольких кварталах от блокпоста зоны отчуждения. Их прощание было неловким. Что-то явно произошло между ними за прошедшие два дня, но Фишер знал, что ситуация была невыполнимой. Он немного подумывал о том, чтобы взять ее с собой, но ЦРУ будь оно проклято, и быстро отказался от этой мысли. Если их поймают, то ее посадят в тюрьму и в лучшем случае его задержат для допроса. Слишком многое было поставлено на карту и слишком мало времени. В конце концов, все, что он смог сделать, это пообещать, что поговорит с ЦРУ от ее имени. Она только кивнула.

— О чем задумался? — спросил Ламберт.

— Ты хочешь сказать, почему я не изображаю хорошего солдата? — ответил Фишер. — Почему бы мне просто не нарядиться в парадную форму и не маршировать? Ты же отлично меня знаешь, Ламб.

— Знаю. А также знаю, как сильно ты ненавидишь политику.

— Когда все это началось, ты сказал мне, что президент хочет, чтобы все точки над «i» были расставлены прежде, чем он спустит курок. Считай, что эта «i» без точки.

Входя в Ситуационную комнату, Гримсдоттир произнесла:

— Полковник, возможно, в этом что-то есть.

Она села за стол и сунула мантильскую папку Ламберту.

— Мне удалось вытащить отличные данные с жесткого диска, привезенного Сэмом из Гонконга.

Ламберт несколько мгновений изучал содержимое папки.

— Давай на английском.

— Прежде всего, я обнаружила следы Маркуса Гринхорна по всему жесткому диску. Думаю, что я начинаю учиться его трюкам. Вирусов не было, но он написал код для встроенного брандмауэра. Жаль, что он мертв, я была бы не прочь сразиться с ним снова.

Завибрировал телефон в подлокотнике кресла Ламберта, он ответил. Полковник выслушал и сказал:

— Конвоируйте его, — затем повесил трубку. — Том Ричардс.

Когда Фишер приземлился на военно-воздушной базе «Эндрюс», образец из Чернобыля был изъят специальным курьером ЦРУ в Национальную лабораторию «Оак Ридж» отдела Министерства энергетики для изучения.

— Пока Том Ричардс не приехал, — сказал Фишер, — мне нужна услуга.

Он объяснил положение Елены.

— Она прогорела, полковник. Рано или поздно ее поймают.

Ламберт задумчиво кивнул, однако Фишер видел сомнение в его глазах. До тех пор пока информация, поставляемая Еленой в ЦРУ, не была крайне важной, и с точки зрения человеческих жизней и средств, скорее всего, не стоило рисковать вытаскивать ее оттуда.

— Я посмотрю, что можно сделать, Сэм, но ведь тебе известно, что они ответят.

— Потяни за ниточки.

В ситуационной комнате раздался звонок в дверь. Ламберт нажал кнопку на столе; кодовый замок с жужжанием отключился. Том Ричардс зашел в комнату и присел.

— У меня мало времени, перейду сразу к делу: образец, который вы привезли из Чернобыля, идеально совпадает с теми, что мы нашли на борту «Трего» и в Слипстоуне. Без сомнений.

— И что это нам дает? — спросил Ламберт.

— Сегодня вечером президент планирует выступить перед нацией. Часом ранее он встретится с послами России и Украины. Обращение будет простым: или по невнимательности или в пособничестве, Москва и Киев в равной степени несут ответственность за то, что должным образом не обеспечили охрану вещества, которое использовалось в нападениях.

Слова Ричардса явно были основаны на тезисах, которые можно услышать снова и снова в ближайшие недели от сенаторов, делегатов и руководства Белого дома и Пентагона. Эта стрела, пущенная в сторону России и Украины, была в равной степени и обвинением, и предупреждением: не вмешивайтесь в то, что скоро произойдет.

Вопрос заключался в том, было ли уже слишком поздно, чтобы остановить военную машину, прежде чем раздадутся выстрелы?

— Это все в общих чертах, Том, — сказал Ламберт.

— Данные подтверждены. Вещество прибыло из Чернобыля, возможно, было продано местным отставным военачальником, и очутилось на борту корабля, взявшего курс на столкновение с нашими берегами, и в водоснабжении одного из наших городов. Согласно последним подсчетам, более четырех тысяч людей погибли в Слипстоуне. Кто-то ответит за это.

— Ты все еще не ответил на мой первоначальный вопрос, — сказал Ламберт. — Что это нам все дает? Пока я не услышу опровержение, я буду считать, что приказ президента все еще в силе. Мы по-прежнему на задании.

Ричардс пожал плечами.

— Это не в моей компетенции, полковник. Я исполняю волю президента.

— Как и все мы. Избавь меня от политики, Том. Каковы взгляды в Лэнгли?

Ричардс закрыл папку и откинулся на спинку стула.

— Дело против Ирана очень крепкое. Практически неопровержимое. Но, с другой стороны, у нас есть ощущения, что мы что-то упустили.

— Добро пожаловать в клуб, — ответил Фишер.

— Вот моя проблема. Вместе обе операции на «Трего» и Слипстоуне были куда более сложнее, чем произошедшая 11 сентября. Уровень оперативной утонченности и необходимой финансовой поддержки был просто огромен. Как по мне, это обычно означает спонсирование государством. Но я не могу избавиться от чувства, что мы поймали этих парней слишком просто, ну возможно не тех парней, что находились на борту «Трего», но подозреваемых из Слипстоуна наверняка.

Они были небрежны. Медлительны. Не имели запасного плана отхода. Разница между самой операцией и тем, как эти парни повели себя далее вызывает тревогу.

— Может быть, Тегеран хотел, чтобы их поймали. Что дает им возможность или отрицать свою причастность или требовать уважения, в зависимости от того, куда подует ветер, — сказала Гримсдоттир.

— Мы думали насчет этого, — сказал Ричардс. — В конце концов, все наши теории ни к чему не привели. Страны вступают в войну по малейшей провокации и основанию. Нас поддерживают Конгресс, ООН и большая часть мира.

Ричардс взглянул на часы, собрал свою папку и поднялся.

— Спасибо, что заглянул, Том, — сказал Ламберт.

— Пожалуйста. Отлично поработали, все вы.

После того, как Ричардс ушел, Ламберт сказал:

— Вы слышали: часы тикают. После обращения президента, мы на пороге войны. У нас есть какие-нибудь опровержения, что мы движемся не в том направлении?

Гримсдоттир откашлялась.

— Возможно у меня.

— Мы внимательно слушаем, — сказал Ламберт.

— Это ирония, серьезно, — сказала Гримсдоттир. — Кто бы ни пытался стереть жесткий диск, прежде чем он вернулся в «Лучшую фирму», проделал достойную работу или точнее проделал бы, если бы не брандмауэр Гринхорна, если бы не брандмауэр Гринхорна. Он защитил не только часть диска с самим собой, но и буферную зону. Именно там я это и обнаружила.

Она показала компьютерную распечатку, которая показалась Фишеру не более чем случайным набором цифр, разделенных двоеточиями, точками и запятыми. Однако здесь была подчеркнутая часть, которая выглядела знакомо:

207.142.131.247

— Это IP-адрес, — сказал Фишер.

IP-адрес или интернет протокол — уникальный идентификатор, присваиваемый любому сетевому устройству: от роутеров и серверов до компьютеров и факсов.

— И приз получает — Мистер Фишер, — сказала Гримсдоттир. — Это лучшая зацепка, которую нам удалось заполучить. Этот конкретный IP-адрес привел меня к провайдеру услуг в Гонконге, который в свою очередь вывел на учетную запись электронной почты, и, в конце концов, она привела меня в компанию под названием «Шинзан Нэтворк Солюшнс» в Шанхае. «Шинзан» специализируется на беспроводном спутниковом интернет-сервисе.

— Судя по их записям, эта учетная запись передает широкополосный пяти мегабайтный сигнал на остров Сеци Маджи у побережья Китая.

На этом Гримсдоттир сделала паузу и посмотрела на мужчин.

— Ничего? Ничего не напоминает?

Фишер и Ламберт помотали головами.

— Сеци Маджи — это остров Бай Кан Ши, якобы исчезнувший пятнадцать лет назад.

Фишер подался вперед.

— Повтори?

— Бай Кан Ши. Согласно легенде это его остров.

Фишер был удивлен не только тем, что китайское имя вновь появилось в головоломке, но и тем, каким оказалось это имя.

Бай Кан Ши был назван китайским Говардом Хьюзом. В конце 1930-х, отец Ши владел небольшой буксирной флотилией в Шанхае. После Второй Мировой войны, когда Китай пытался

возобновить свою разрушенную экономику и инфраструктуру, Ши старший пришел в правительство с предложением предоставить ему особые права на подъем судов, затонувших во время войны в Восточном и Южном морях. Взамен, Ши старший будет продавать металлолом, в котором так нуждался Китай.

Договор был заключен, и семья Ши приступила к работе, в том числе и молодой Бай Кан, который сначала служил матросом на борту буксира своего отца, затем помощником капитана, а, в конце концов, в возрасте шестнадцати лет капитаном.

К тому времени, как Ши старший вышел на пенсию, и в 1956 году передал бразды правления Бай Кану, империя расширилась от спасательных работ до транспортных, обрабатывающей промышленности, производства оружия, сельского хозяйства и горной промышленности.

Следующие сорок лет, Ши возглавлял растущий бизнес «Ши Интернешнл». В 1990 году личный капитал Ши оценивался в шесть миллиардов долларов. Затем, год спустя, как будто бы кто-то щелкнул выключатель, Бай Кан Ши изменился.

Его поведение стало непредсказуемым. Он стал склонен к вспышкам гнева; Ши постановил, что члены совета должны носить во время совещаний головные уборы; он начал переезжать с места на место, оставаясь в одном из десятка своих домов дней на одиннадцать, прежде чем переехать в следующий; говорили, что он отказался от твердой пищи, принимая еду только в виде пюре. И список продолжался.

Несколько раз совет пытался вырвать у него контроль над бизнесом, но несмотря на его растущие странности, Ши оставался грозным и умелым. И хотя его поведение изо дня в день становилось все более причудливым, его способности к бизнесу никогда не ослабевали и «Ши Интернешнл» продолжала демонстрировать рекордную прибыль.

И вдруг в 1991 году, Ши созвал необычную пресс-конференцию. Одетый во фрак и с тростью в руках, Ши объявил, что он уходит в отставку для постижения «духовных стремлений» и что он продает свою долю в «Ши Интернешнл» совету за сумму, которая равнялась шестнадцати американским долларам. Затем он неуклюже превратил свою трость в букет цветов, поклонился собранию и ушел. Последний раз Ши видели и сфотографировали, когда он садился в свой лимузин и уехал прочь.

За последние пятнадцать лет слухи и сплетни о заговорах, окружающих Бай Кан Ши выросли до мифических размеров, но всех их связывало то, что Ши все еще жив, изолирован от внешнего мира в каком-то частном убежище.

— Не поймите меня неправильно, — сказал Фишер. — Я рад, что мы нашли кое-что, что подтверждает мою догадку, однако идея, что наш лучший подозреваемый это кто-то, привыкший надевать золотые очки для плавания на публике, немного тревожит меня.

— Аналогично, — сказал Ламберт.

Гримсдоттир развела руки.

— Все, что я могу вам дать — это факты: двигатели на борту «Трего» были куплены «Сонг Ву Интернешнл», которая имеет учетную запись в «Шинзан Нэтворк Солюшинс» и через эту же учетную запись оплачивается доступ к спутниковому интернету на острове Сеци Маджи в Восточно-Китайском море.

— Который в свою очередь, возможно, является домом безумного отшельника, и которого, возможно, даже нет в живых, — сказал Фишер.

— Все подходит, — сказал Гримсдоттир. — За исключением одной детали.

Она клацнула пультом на ближний монитор с плоским экраном; появилось изображение острова с густой растительностью джунглей.

— Согласно достоверным сообщениям, Сеци Маджи имеет охранную систему достойную военной базы: патрульные катера, датчики, вооруженные охранники и заборы. Бай Кан Ши это или нет, я не знаю, однако кто-то довольно серьезно относится к своей частной жизни.

Фишер несколько секунд смотрел на изображение, затем произнес:

— Похоже на приглашение для меня.

ВЕРТОЛЕТ «ПЭЙВ ЛОУ», ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ

После того, как они покинули базу ВВС «Кадена» в Окинаве прошли три часа и одна дозаправка в воздухе, пилот «Пэйв Лоу» замедлил вертолет, неподвижно зависнув в воздухе. Задницу Фишера резко дернуло от вибрации, которая она снова переросла в ту же дрожь, как и за последние девятьсот шестьдесят километров. В имплантах Фишера прозвучал голос пилота.

— Сэр, мы на месте встречи.

— Радиосвязь?

— Нет. Мы подождем их. Вы же знаете этих матросиков; наверное, заблудились.

— Ведите себя культурно, майор.

Фишер проверил часы. Они прибыли вовремя; субмарина задерживалась.

— Как у вас там с топливом?

— Отлично. Не знаю, какой талисман вы с собой носите, но «Комета» в нашем полном распоряжении.

«Комета» — сокращенное название от «Комета Вомит» (прим. «Рвотная комета») прозвище для КС-135 «Стратотанкер», который выполняет двойную задачу: дозаправка самолетов в воздухе и тренажер невесомости для космонавтов, последнее достигается за счет быстрого подъема и резкого пикирования, в результате этого пассажиры оказываются в невесомости, что часто вызывает сильную тошноту. В настоящее время, «Стратотанкер» из «Кадены» находился на орбите, на высоте одиннадцати километров, в ожидании дозаправки вертолета в случае необходимости.

На скамье напротив него сидели два стрелка/специалиста «Пэйв Лоу». Как и последние четыре часа, они были увлечены игрой в «Джин». Привыкшие к транспортировке опасных людей в опасные районы, члены команды «Пэйв Лоу» принимали все спокойно и не задавали вопросов. Кроме того момента, когда Фишер кивнул, забравшись на борт, ни один из них не обращал на него никакого внимания.

«Пэйв Лоу» MH-53J был мечтой оперативника. Спроектированный так, чтобы скрытно доставлять солдат на вражескую территорию и затем эвакуировать их, он был быстрым, тихим и был оснащен пакетом авионики, который предусматривал все: ИСПО (инфракрасная система переднего обзора), инерциальная система глобального позиционирования (GPS), радары огибания рельефа местности и предупреждения столкновения с наземными препятствиями.

Фишер выглянул в окно. Навигационные огни вертолета были выключены, но из-за полнолуния в шести метрах под собой он видел океан, под действием несущих винтов зыбь на поверхности океана исчезала в тумане. Это было еще одной особенностью «Пэйв Лоу» — блок стабилизации на режиме висения, который в сочетании с GPS, может удерживать вертолет строго неподвижно над местом на земле, плюс-минус пятнадцать сантиметров.

Через десять минут пилот снова обратился через импланты Фишера:

— У нас компания, сэр. «Марлин» на месте, готов принять вас на борт.

— Понял, — сказал Фишер. — Скажите им пять минут.

— Как вас посадить?

— Три метра подойдет. Не ждите меня.

— Вы уверены?

— Ага, летите домой. Спасибо, что подбросили.

Он привлек внимание двух специалистов, затем указал на себя и дернул большим пальцем вниз. Они засуетились. Огни кабины зажглись красным, и экипаж надел спасательные жилеты. Первый член экипажа жестом указал Фишеру встать и повернуться для проверки снаряжения, после чего один раз хлопнул его по плечу.

Второй член экипажа отодвинул дверь кабины. Упершись ногами возле порога, одной рукой уперся в дверь, он жестом указал Фишеру подойти.

Фишер ощутил звук вращающихся винтов «Пэйв Лоу» у себя в животе.

Через двери потянуло холодным туманом, и он почувствовал соль на губах.

У двери, член экипажа приложил руку к своему уху и сказал что-то в микрофон. Он показал три пальца Фишеру, затем горизонтально положил ладонь:

— Зависли на трех метрах.

Фишер кивнул.

Второй член экипажа вытащил световую палочку из жилета, надломил ее и начал трясти, пока она не стала светиться зеленым светом, затем выбросил в дверь. Она упала в воду и начала качаться на волнах. В темноте, свечение предоставит Фишеру ориентир для прыжка. Член экипажа отошел от двери и жестом указал Фишеру «после вас».

В вертикальном положении и скрещенными на груди руками, он погрузился в черную воду. Биение винтов «Пэй Лоу» стало приглушенным, и на короткий промежуток времени Фишер позволил себе насладиться тишиной прежде, чем всплыть на поверхность. Он поднял большой палец над головой. Красный прямоугольник света, который был боковой дверью «Пэйв Лоу», погас, поскольку член экипажа закрыл ее. Вертолет поднялся, накренился влево и унесся прочь во тьму.

Где-то справа, Фишер услышал стремительное бульканье, сопровождаемое шипящим свистом. Через тридцать секунд, в темноте появилась точка света; она мигнула один раз, затем еще два раза. Фишер поплыл к ней.

Подводная лодка USS «Хьюстон» класса «Лос-Анджелес», SSN-713, позывной «Марлин», была расположена неглубоко под водой, корпус частично омывался волнами, ее рубка выглядывала из темноты как двухэтажное здание.

Матрос присел у изголовья веревочной лестницы.

Фишер поднялся. Если член экипажа и был встревожен, подбирая одинокого человека посреди Восточно-Китайского моря, то он не проявлял никаких признаков.

— Поздравления капитана, сэр. Проследуйте за мной.

Он повел Фишера вдоль кормовой палубы подлодки, мимо рубки к открытому спасательному отсеку. Внизу лестницы, другой член экипажа ожидал с полотенцем, и синим комбинезоном, украшенным гербом «Хьюстона» на грудном кармане «Semper Vigilans»¹³.

Как только Фишер вытерся и переоделся, его провели мимо радиорубки в командный центр.

Капитан «Хьюстона», в синей бейсбольной кепке с золотыми дубовыми листьями по краям, стоял у штурманского стола.

На мгновение Фишер был поражен — это был его старый друг.

— Добро пожаловать на борт, незнакомец, — сказал капитан Макс Коллинз, подходя ближе.

Фишер пожал протянутую руку и улыбнулся.

— Разрешите подняться на борт.

— Разрешаю.

— Рад видеть тебя, Макс. Прошло много времени.

— Ага, и как я припоминаю, последний раз нам не пришлось вытаскивать твою жалкую задницу из воды. Ты поднялся на борт как обычный человек.

— Не хочу, чтобы ты думал, что я размяк, — ответил Фишер.

«Хьюстон» был пришвартован в гавани Апра, Гуам, именно там Фишер в последний раз поднимался на борт субмарины для задания.

До этого они уже раз пять работали вместе, когда Фишер все еще был прикомандирован к подразделению специального назначения ВМС. Возможно, Коллинз был одним из лучших «толкачей» во флоте, заработав репутацию не только за незаметную доставку оперативников в труднодоступные вражеские районы, но также за то, что вытаскивал их оттуда живыми.

В случае с Фишером, Коллинз как-то проплыл тридцать пять километров на «Хьюстоне» в усиленно охраняемой гавани Нампо в Северной Корее, до устья реки Тэдон, затем ожидал в

¹³ Semper Vigilans (лат.) - Всегда на страже.

полнейшей тишине, оставаясь на морском дне восемнадцать часов, пока Фишер не закончил задание и не вернулся.

Типично, что Коллинз приписывал свой успех своей команде и исключительному «акустическому следу» «Хьюстона» — или его отсутствию.

Движимые с помощью атомных турбированных электродвигателей, субмарины класса «Лос-Анджелес» были настолько бесшумными, что их прозвали «передвижными водными дырами».

Коллинз ухмыльнулся.

— Размяк? Черт, Сэм, я ведь хорошо тебя знаю. Кофейку?

ОНИ устроились в каюте Коллинза — тесное место с откидным столом, койкой и небольшой раковиной с зеркалом. По меркам субмарины это было роскошью. Стюард постучал в дверь и протянул Коллинзу поднос с двумя кружками и графин с кофе. Коллинз наполнил чашку Фишера и свою.

Фишер почувствовал ногами гул двигателей.

— Я только что получил для тебя новые снимки с камер наблюдения, — сказал Коллинз. — Я смотрю, ты все в одиночку вторгаешься на другой остров. Постыдился бы, Сэм.

Фишер сделал глоток кофе; он был горячим, горьким и переваренным — по-ВМСовски. Ему нравилось.

— Просто стараюсь быть хорошим солдатом, Макс. Итак, как все обстоит?

— Скверно. Что за история? — Коллинз спохватился и быстро сказал, — Не обращай внимания, я не хочу знать. Если повезет, мы подберем тебя через четырнадцать часов. Поспи, потом я покажу, что тебе предстоит.

Звуки погруженной в воду субмарины, как всегда, окунули Фишера в глубокий сон. Сочетание гула двигателей, слабого шипения воды, скользящей по внешнему корпусу и белого шума воздушных термостатов, выступали в качестве транквилизатора.

Ему нужно было поспать. Он сильно вымотался, начиная с инцидента с «Трего», и будучи знакомым с таким образом жизни, он понимал, что стресс и недосыпание, в конце концов настигнут его, замедлив реакцию и мышление. Учитывая, куда он направляется, Сэм не мог этого допустить.

Спустя четыре часа, после того, как Коллинз покинул каюту, он вернулся и осторожно разбудил Фишера, водя чашкой кофе под его носом и говоря:

— Ну как, выспался?

Фишер застонал и сел, поставив ноги на палубу.

— Сам скажи мне.

Он взял чашку и сделал глоток. Кофе был обжигающе горячим и соленым.

— Через десять минут пройдет брифинг в кают-компании, — сказал Коллинз.

ФИШЕР пришел через пять минут. Как и всё на субмарине, офицерская кают-компания была тесной: три ряда виниловых скамей, столы прикручены болтами к палубе и небольшая кухня сбоку в нише. Фотографии «Хьюстона» от закладки судна и до фотографии действующего экипажа, висели вдоль стен.

Ожидая вместе с Коллинзом строевого офицера, Марти Смита. Фишер никогда не встречался со Смитом, но знал о его репутации. В середине своей карьеры, Смит сделал выбор, покинув военно-морскую разведку ради службы во флоте, где он прошел путь вверх по лестнице из должностей подводника — отвечал за снабжение и администрирование, был оружейником, гидроакустиком, инженером и наконец, строевым офицером. В следующие пять лет он уже должен получить свою собственную лодку.

Фишер сел, и Коллинз произнес вступление:

— Я попросил Марти поприсутствовать из-за его прошлого в разведке. У него есть некоторое представление по материалу, который мы получили для тебя.

Коллинз открыл папку и разложил ряд из десяти фотографий размером двадцать на двадцать пять на столе. На каждой был остров Ши, Сеци Маджи, с различных высот, углов, разрешений и разных форматов, включая инфракрасный, электромагнитный и ночной — все сделаны со спутника Р-3 «Орион», пока Сэм был на пути в «Кадену».

— Сначала немного общей информации, — начал Смит. — Сеци Маджи является частью архипелага Чжоушань в устье шанхайского залива Ханчжоу. Он состоит из тысячи четырехсот островов, усеивающих океан на сто тринадцать километров. Из всех островов около сотни населены. Площадь Сеци Маджи составляет примерно семь тысяч акров или двадцать девять квадратных километров.

— Местность? — спросил Фишер.

— Довольно большая пещера и естественная гавань с северной стороны острова; с южной, восточной и западной сторон это место — крепость: пятнадцати метровые скалы и узкие пляжи. Внутренние районы острова — трехъярусный тропический лес, прерываемый обнаженными горными породами, горами и горными хребтами.

— Великолепно, — сказал Фишер, делая глоток кофе.

— А теперь самое интересное, — сказал Смит, двигая фото через стол Фишеру. Она была сделана с Р-3, заметил Фишер, однако она была насыщенного цвета. Смит провел ручкой по тонкой белой линии, которая, как показалось, следовала контурам скал.

— Это дорога. Грунтовая тропа, правда, но достаточно широкая для этих.

Смит снова указал на квадратный объект на тропе.

— Джип, — сказал Фишер.

— Ага. Шесть джипов патрулируют скалы день и ночь, в дождь и солнце. В машине двое вооруженных охранников.

— По расписанию?

— Это хорошие новости. У них есть график. Ваши люди загрузили детали на вашу штурковину. Она сказала, что вы поймете, что это означает.

Фишер кивнул.

«ОПСАТ. Грим в своем духе».

— Пройдя скальную дорогу, вам предстоит пяти километровое утомительное путешествие через тропический лес. Еще хорошие новости. Нигде нет ни патрулей, ни электромагнитных излучений, что означает, нет камер или датчиков. Из-за дикой природы они, наверное, бесполезны. Плохие новости. Какой бы вы ни выбрали маршрут, вы столкнетесь с двумя крутыми откосами и тремя ущельями.

Этот факт более чем другие исключал проникновение при помощи парашюта. Прыгать в трехъярусные джунгли было достаточно рискованно, но из-за их густоты, было невозможно сказать, что находится под ними. Спускаться сквозь листвоваго полог, чтобы обнаружить себя падающим в ущелье, как правило, портит настроение на весь день.

— Пройдя джунгли, — продолжал Смит, — вы подойдете к тому, как я его назвал, внутреннему кольцу. Кто бы ни владел этим местом, он позаботился о своей безопасности. В радиусе полтора километра вокруг усадьбы, к ней я вернусь через минуту, они вырезали весь тропический лес до последнего дерева. Однако Мать-природа на вашей стороне, джунгли тяжело контролировать, поэтому на земле должно быть какое-то укрытие — предвидя, что вы не против поползть.

— Я обожаю ползать, — пробормотал Фишер. — Как я полагаю, вырубка леса означает камеры и датчики?

Смит кивнул.

— Их много, но они нанесены на карту местности и загружены на вашу...

— Штуковину.

— Правильно. Теперь охранники. Внутреннее кольцо разделено на зоны — их двенадцать, как часы. Один охранник на зону, движется произвольно. Нет ни расписания, ни постоянного времени, которое мы бы заметили.

Это была неоднозначная ситуация для Фишера. Часовые или случайный патруль могут оказаться в любом месте, в любое время, и как обычно, по закону Мерфи, в самые неудобные моменты. С другой стороны, часовые были всего лишь людьми, а человеческий разум подсознательно тяготеет к порядку и системе. При достаточном терпении, Фишер смог бы найти брешь в зоне наблюдения и проскользнуть.

— Радио сигналы?

— Все охранники носят рации, но, похоже, что нет проверок по времени.

— Возможно, из-за камер, — сказал Фишер.

Каждый охранник, вероятно, обязан регулярно появляться перед камерой в своей зоне и подать сигнал «все чисто». Пропущенная проверка либо спровоцирует осмотр от руководителя или поднимет тревогу.

— Пройдя зону с вырубкой, ты столкнешься с пятидесяти метровым открытым пространством ухоженного газона.

— Ты шутишь.

— Неа, на одном из этих снимков даже видно садовника, едущего на газонокосилке. За газоном проволочный забор высотой в три с половиной метра и колючей проволокой.

— Конечно же, куда ж без нее, — сказал Фишер.

— Хотя он не под напряжением. Остров находится на внешней границе архипелага, поэтому на него попадает немало количество штормов, из-за чего огромное количество мусора летает в воздухе. Сложно поддерживать бесперебойное питание забора, когда он часто подвержен

обстрелу мусора. Хотя там есть датчики, прикрепленные к забору. Невозможно сказать, то ли это датчики движения, прикосновения или лазерные.

— Теперь о самом поместье, — сказал Смит, двигая другое фото через стол.

— Вот это с черепичной крышей — главное здание. Это шести этажный китайский буддийский храм. Он окружен мелкими сооружениями, вероятно жилищами персонала, складами, мастерскими, коммунальными сооружениями, все они окружены забором. Здесь находится много охранников, около восьми человек в смену. Что же касается храма, то о нем у нас ничего нет. Никаких деталей интерьера. Полагаю, что вам придется действовать по обстановке.

В этот момент Макс Коллинз рассмеялся.

— Насколько я помню, Сэм, действовать по обстановке — это то, что ты делаешь лучше всего.

Фишер молчал еще секунд десять, поглощая детали.

— Сколько еще до точки проникновения, Макс?

— Мы прошли только девяносто шесть километров, однако в этом районе есть парочка девяноста третьих.

Коллинз имел в виду китайские атомные подводные лодки проекта 093 для обнаружения и уничтожения вражеских субмарин. Они практически бесшумны, как и класс «Лос-Анджелес», предметом гордости 093-их является сложный гидролокационный комплекс, в состав которого входят: носовые, боковые и буксирные пассивные антенные решетки. Еще хуже то, что вокруг блуждают слухи, будто бы Москва предоставила Пекину достаточно базовой технологии, чтобы скопировать русскую торпеду «Шквал», которая передвигается со скоростью 320-370 километров в час.

— Займет немного времени, чтобы обойти их, — сказал Коллинз.

На переборке зазвонил телефон и Коллинз ответил. Он слушал какое-то время, затем повесил трубку.

— Мы получили ЧНЧ сообщение.

ЧНЧ означал чрезвычайно низкую частоту, полосу, используемую для подачи сигналов погруженным субмаринам. Фишер последовал за Коллинзом и Смитом в командный центр, где вахтенный офицер протянул Коллинзу пучок бумаги.

— Сигнал с поверхности, сэр.

Коллинз просмотрел сообщение, затем протянул его Фишеру.

— Кто-то хочет поговорить с тобой.

«Плохие новости», — подумал Фишер.

— Вахтенный офицер, выпускайте прослушку.

— Выпустить прослушку, есть, сэр.

Командный центр засуетился, пока команда выпускала глубинную антенну «Хьюстона».

Это заняло шесть минут.

— Глубинная антенна, капитан.

— Очень хорошо.

Капитан обратился к Фишеру:

— Пройдем сюда.

Фишер последовал за Коллинзом в радиорубку, где ожидал старший главный радист:

— Связь установлена, шифрование запущено. Позывной Ксеркс.

— Спасибо. Выйдите из комнаты.

Старший радист выпроводил остальных радистов и закрыл за собой дверь. Фишер надел наушники и включил микрофон.

— Говорите, Ксеркс.

— Сэм, у нас проблема. Два часа назад произошел инцидент с «БАРКАПОМ»¹⁴, — сказал Ламберт.

Каждый раз, когда авианосец ВМФ США находился в патрулировании, он охранялся кольцом истребителей F-14 «Томкэт» или F/A-18 «Хорнет».

— Иранцы утверждают, что мы были в их воздушном пространстве. Они выслали в воздух несколько F-16. Был воздушный бой, несколько ракет захватили цель, и произошло столкновение в воздухе — один их «Фалкон» и наш «Хорнет». Обоих пилотов пришлось спасать.

— Боже мой, — сказал Фишер.

В прошлом во время переговоров с Ираном, Пентагон продал Ирану сотни F-16 «Фалконов» и «Томкэтов».

— Конфликт обострился?

— Пока нет. Обоих пилотов нашли, и это помогло, однако это всего лишь начало. В следующий раз столкновения не будет. В следующий раз в ход пойдут ракеты.

«И когда это произойдет, мы фактически начнем войну», — подумал Фишер.

Если на острове Ши есть хоть что-нибудь, что укажет нам другое направление, то нам оно нужно.

¹⁴ БАРКАП (Barrier Combat Air Patrol) - Барьерный боевой авиационный патруль, или истребители, патрулирующие рубеж.

Плавнo перебирая лаcтами, Фишер непринужденно плыл вперед, пока не почувcтвовал трение мягкого пляжного песка животом. Он ощущал, как волна омывает его cпину, и обзор мгновенно cкрыла пена. Как только волна отcтупила, он поднял голову, пока его маска не показалаcь из воды. Впереди, Сэм видел линию белого пляжа, который начинался за подножием скалы — вертикальной cтены из пятниcтого cерого камня.

Он cпланировал cвое приближение так, чтобы оно cовпадало c приливом по двум причинам: во-первых, рифы легче будет преодолеть, что позволит ему медленно продвигаться по отмели, находясь частично в воде. И, во-вторых, чем выше прилив, тем меньший участок пляжа ему нужно будет преодолеть, чтобы достичь подножия скалы, cнижая шансы быть обнаруженным.

Подтверждая cвою репутацию, Коллинз умело направил «Хьюcтон» к северу в cердце Вocточно-Китайского моря, минуя 093-и китайские cубмарины и, наконец-то, достиг устья залива Ханчжоу архипелага Чжоушань.

В cтандартной cпецоперации по проникновению, передняя палуба «Хьюcтона» оснащалаcь прикрытием в виде раскладывающегося cухого дока и плавcредcтвом транспортировки, но уcкоренный характер миссии Фишера cделал это невыполнимым, так что он просто выcунул из воды cпасательный отсек и подплыл на полкилометра к острову.

До cих пор погода отчасти cодейcтвовала его плану. Небо было чистым, и редкие, гонимые ветром легкие облака мелькали перед луной. Cоглаcно офицеру метеорологу Коллинза, тропичеcкий шторм продвигается вверх от Южно-Китайского моря и ему предшecтвуют шквалы дождя.

Фишер потянулся рукой назад и cтащил бинокль c прицепного приспособления. Он ocмотрел вершину скалы в поисках движения или cвета прожекторов. Он ничего не увидел. Сэм поместил назад бинокль и поднес левую руку так, чтобы он смог увидеть экран ОПСАТа. Надавил кнопку, и карта Сеци Маджи появилась в зеленом cвечении.

Гримcдоттир, как всегда, проделала кропотливую работу, разделив карту на три вида: обычную топографичеcкую c географичеcкими особенностями, электромагнитную и инфракрасную, на каждой из них, cоглаcно брифингу Смита, были промаркированы: cкальная дорога; внешний тропичеcкий лес; внутренняя зона c вырубленным лесом; и cобcтвенно помеcтье. Различными разноцветными cимволами отмечены известные расположения камер, датчиков, охраняемых зон и заборов.

Глядя на крепость, которой являлся остров Бай Кан Ши, Фишер почувcтвовал кратковременное покалывание от мрачного предчувствия, но он отогнал его прочь.

«Перестань, Сэм, — командовал он себе. — По одному шагу за раз. Одна камера, один датчик, один часовой».

Он опустил маску в воду и начал медленно двигаться вперед.

Десять минут спустя он пересек пляж и скрылся среди камней у подножия скалы. Позади волны шипели по песку и отступали, оставляя крем из пены. Он пробирался вдоль скалы, пока отчетливо не увидел вершину, затем принялся ждать.

Сэм ожидал недолго. Через восемь минут он увидел свет от фар,двигающихся через листву. Они остановились и погасли. Через несколько секунд вспыхнул фонарик. В лунном свете Фишер мог увидеть фигуру, стоящую на краю скалы. Охранник направлял фонарик на утес, затем ниже на песок.

Фонарик потух. Фары оживились и начали удаляться.

Фишер нажал кнопку **«ФИКСИРОВАТЬ»** на экране ОПСАТа, и красный ромбик на скальной дороге начал мигать.

«ЗАФИКСИРОВАНО». Зная прогнозируемое расписание патрулей на джипах, все, что оставалось Фишеру — это зафиксировать появление одного из них, чтобы отследить остальные. Один за другим оставшиеся пять патрулей на джипах появлялись на экране в различных точках вдоль скальной дороги.

Цифровой отсчет, рядом с каждым ромбиком, показывал оставшееся время для достижения позиции Фишера. У него было шесть минут до ближайшего. Он нажал на экран ОПСАТа для сообщений и напечатал — СУХИЕ НОГИ — и отправил. Учитывая чрезвычайно высокий уровень безопасности на острове, Сэм и Ламберт решили отказаться от нормальной процедуры проверки и свести передачи к минимуму.

Он побежал назад к месту, которое он выбрал ранее и начал восхождение.

Скала одновременно воплощала в себе мечту и кошмар альпиниста, смесь гранита со множеством поперечных расколов отлично подходили для зацепок, а вулканический базальт, который был в некоторых местах, обвешал за тысячелетия, и вдобавок был зубчатый, хрупкий и шершавый как стальная вата.

Переключаясь между ночным и обычным видениями, ему удавалось медленно подниматься вверх, зигзагообразно передвигаясь от одного гранита к другому, пока он не оказался на полпути к вершине. ОПСАТ один раз завибрировал на запястье, затем снова. Сэм зафиксировал правую руку в щели и поднес ОПСАТ к лицу.

На экране один из красных ромбиков двигался вниз по скальной дороге, приближаясь к его позиции. Время на экране отсчитывало шестьдесят секунд... пятьдесят пять...

Проворно, он передвинулся влево, к горбу в форме носа. Ударившись плечом об него, Фишер опускался вниз, пока не смог нырнуть под кончик носа. Он просунул руку в щель, пока его пальцы не заклинились в камне, затем высвободил левую руку и оставил ее свисать.

Над собой, он услышал рев двигателя. Тормоза завизжали. Дверь машины хлопнула. Затем донеслись звуки шагов по гравию и шелест листвы. Луч света горизонтально заскользил вдоль отвесной скалы в его направлении, затем вверх, над носом и исчез из вида. Фишер посмотрел вниз и в этот момент увидел, как луч света следовал вдоль пляжа несколько секунд и затем погас.

Он выждал, пока звук двигателя затихнет, затем взглянул на ОПСАТ. Следующий джип находился на восточной стороне острова, красный ромбик медленно двигался в его направлении.

Семь минут.

Он продолжил подъем.

С двумя минутами в запасе он достиг листвы, нависающей с края скалы. Сэм нащупал рукой корень и подтянулся. Он полз через подлесок, пока не достиг края дороги. Быстрый осмотр верхней и нижней части дороги ЭВ/НВ ничего не показал. Он проверил ОПСАТ: одна минута.

Из-за вчерашнего дождя на дороге была грязь — идеальное образование для отпечатков ног, поэтому Фишер ступал вдоль края травы, пока не увидел место, где несколько плоских камней были наполовину зарыты в грязь. Он уже прыгнул на первый камень, когда услышал рев двигателя джипа. Сэм перепрыгнул на следующий камень, затем на край дороги, где нырнул вниз, проскользнул в заросли и прижался к земле.

Свет фар джипа залил дорогу. В пятнадцати сантиметрах, облепленная грязью шина проехала мимо лица Фишера. Джип остановился, и дверь машины открылась. Голос что-то выкрикнул на мандаринском диалекте. Ответ послышался откуда-то поодаль — первый голос был пассажира; второй — охранника, который вылез, чтобы осмотреть отвесную скалу.

Через полминуты джип снова двинулся.

Фишер ловко поднял руку, чтобы он мог видеть ОПСАТ. Он выбрал карту. Внешнее кольцо тропического леса находилось перед ним. Пять километров непроходимых джунглей, два крутых откоса, три ущелья.

У него было шесть часов до рассвета.

ФИШЕР вышел к небольшому ручейку, журчащему сквозь заросли и остановился передохнуть.

В теории, пять километров за шесть часов звучало, как легкая прогулка. Он жил, сражался и убивал в джунглях, иногда месяцы подряд, и он знал, что это сложно, особенно ночью. Каждый шаг, каждый вздох, каждое движение руки было сопряжено с опасностью.

Его НВ было практически бесполезным. Следуя появляющейся время от времени звериной тропе, он вынужден был постоянно пробиваться через очень густую листву, и единственное, что Сэм видел в своих трифокальных очках была стена из листьев и веток, которая расступалась только тогда, когда он пробирался через нее и мгновенно смыкалась за его спиной. Каждый шаг был связан с усилиями: уклоняться, изменять направление либо, пригибаясь, обходить препятствия. Лиственный покров над головой скрывал все, за исключением мимолетных проблесков неба и лунного света. Как бы то ни было, рассеянного света едва бы хватило для обеспечения НВ.

Жара, которая колебалась в пределах тридцати двух градусов по Цельсию, сопровождалась девяносто процентной влажностью. Боковым зрением, он замечал малейшие движения, когда ночные создания джунглей в страхе разбежались. Зубчатые лозы и листья с шипами пересекали ему дорогу, обдирая незащищенные участки кожи. Летающие насекомые, некоторое настолько малы, чтобы их не было видно, другие огромные, как четвертак, кружились вокруг его ушей, глаз и носа.

И хотя каждый аспект преодоления тропы в джунглях был изнурительным, Фишер знал, что физический стресс — лишь вершина айсберга. Нет других условий на земле, которые воздействовали бы на психику человека как джунгли. Столкнувшись с лиственной завесой, которая оставляет вас без опорных точек. Все, куда бы вы ни смотрели — однообразно. Там, где вы были три метра назад выглядит одинаково с тем, где вы сейчас. Без строгой дисциплины разума, безнадежность начинает овладевать вами, за ней следует паника и неспособность мыслить.

За такие опасности Фишер любил джунгли. Они были огромным уравнилителем. Любая угроза, с которой вы столкнулись, ваш враг также сталкивается; одинаковая стена из листвы скрывает его, скрывает и вас. Различие между убийством вашего врага или смертью от его рук зависит от терпения, выносливости и внимания.

ОН присел на берегу ручейка, прислонившись спиной к стволу. Сэм погрузил бандану в воду. Она была удивительно холодной. Он вытер лицо и шею; прохлада придавала сил. Он снял флягу

с пояса и осушил ее. Джунгли с невероятной скоростью вытягивают влагу из тела: каждый вздох и каждая капля пота — шаг к тепловому удару.

Он положил флягу на бок в ручей и наполнил ее, затем бросил внутрь две таблетки диоксида хлора и накрутил колпачок. Чаще всего, вода в джунглях переносит достаточно бактерий, вирусов и цист, чтобы убить вас или отправить в больницу на месяцы с желанием, чтобы вы умерли.

Вся земля в лесу оживленно суежилась вокруг него, в основном разнообразные насекомые: муравьи, пауки и жуки. Что-то затряслось в листьях наверху, от его прохода проснулась обезьяна. Сэм почувствовал, как что-то коснулось верхней части его бедер. Двигаясь очень медленно, он стянул со лба очки и посмотрел вниз. Строй муравьев-листорезов маршировал через его ноги, каждый муравей нес кусок листика размером с полдоллара.

Он проверил свой ОПСАТ. Фишер пробыл в пути около часа и преодолел восемьсот метров. Он проверил свои координаты, чтобы убедиться в том, что его курс верен, затем встал, переступил ручей и продолжил путь.

Часы шли неуклонно, но медленно с тех пор, как Сэм принялся идти вглубь острова. В три часа ночи, он обнаружил звериную тропу шириной почти в двадцать пять сантиметров, тропа извивалась в северном направлении, и Фишер следовал по ней. Через час тропа начала уходить вниз. Фишер почувствовал перемену в воздухе, снижение температуры могло означать только одно: вода.

Он услышал ее прежде, чем увидел, приглушенный шум где-то слева и спереди. Тропа стала каменистой, камни скользили под ногами. Она сворачивала направо и продолжала уходить вниз, и вскоре, шум перешел в безошибочное движение воды. Тропа продолжала вести вниз еще на двести метров, прежде чем деревья поредели и Сэм очутился стоящим на небольшом гранитном уступе. Напротив него был еще один уступ, который разделялся расщелиной шириной в три метра. Он подошел к краю и посмотрел вниз.

Расщелина была шесть метров глубиной. На дне, сквозь гранитные стены, журчала река. Слева расщелина неуклонно поднималась вверх до небольшого водопада.

Фишер сомневался, что разбега будет достаточно, чтобы перепрыгнуть ущелье, и он также знал, что погибнет, если промахнется. Сила течения реки перемелет его о камни в гамбургер. Выше по тропе также нельзя было перепрыгнуть; джунгли росли прямо на краю расщелины, поэтому перепрыгнуть было невозможно. Значит, нужно идти вниз.

Сэм прошел по тропе еще четыреста метров, местность стала ровнее и расщелина расширилась до девяти метров. Здесь течение воды было слабее, река стала неглубокой и усеянной валунами, однако Фишер знал, что не нужно недооценивать реку. Это были пороги

пятой категории. Даже на небольшой глубине, течение реки будет достаточно сильным, чтобы сбить его с ног.

Он изучал валуны. Они были достаточно широкие для него и были разнесены всего на полметра друг от друга, однако валуны были покрыты скользкими водорослями. Сэм проверил часы. Он отставал от графика, и он понятия не имел, что его ждет ниже по течению. Это было то самое место.

Минуту спустя он уже обдумал свой маршрут, подошел к краю, согнул ноги и прыгнул. Он совершил лягушачий прыжок, приземлившись плашмя и ударившись животом о камень. Его тактический костюм, усиленный кевларом и «Пластина Носорога» приняли на себя основной удар, и все же от удара у него сбилось дыхание. Он восстановился, забрался на камень, затем прыгнул на следующий. Фишер повторил процесс еще пять раз, пока не добрался до берега.

Он обнаружил расщелину в гранитной стене с естественно вмурованными ступеньками; глина между камнями была изрезана следами животных. Звериная тропа. Он забрался наверх. На вершине расщелины он обнаружил еще одну звериную тропу.

К пяти утра, за час до рассвета, Фишер приблизился к зоне с вырубленным лесом, окружающей поместье Ши. Он осмотрел гряду деревьев через бинокль. Люди Ши проделали приличную работу, удерживая джунгли в страхе, вырубили подлесок практически до идеальной линии, оставив лишь заросли травы высотой по колено и небольшие деревья.

Здесь начиналось все веселье. Между ним и строением были целых полтора километра вырубленной зоны. Здесь находились патрулирующие охранники, датчики и камеры.

Сэм начал искать безопасное укрытие в котором он смог бы провести день. Он нашел такое в километре к западу: сухое дерево, которое упало на небольшие валуны. Он выкопал под деревом яму, затем сделал искусственную маскировку из листвы неподалеку, осторожно выкорчевав ее и пересадив к дереву. Засохшие листья будут верным знаком, который патруль ни в коем случае не пропустит.

Удовлетворенный укрытием, он залез внутрь и закрыл листвой проход. Постепенно, Фишер снял ремень, снаряжение и сложил все подле руки. Прежде чем уснуть, предстояла еще одна задача.

Он напечатал сообщение в ОПСАТе:

НА МЕСТЕ, ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА. ВСЕ ХОРОШО. КАКИЕ НОВОСТИ?

Через двадцать секунд пришло сообщение.

ИРАНСКАЯ СУБМАРИНА КЛАССА КИЛО ПЫТАЛАСЬ ПРОНИКНУТЬ В ПЕРИМЕТР БОЕВОГО ФОРМИРОВАНИЯ РЕЙГАН, ОМАНСКИЙ ЗАЛИВ.

**СУБМАРИНА ОТПЛЫЛА, СЕЛА НА МЕЛЬ ВБЛИЗИ ПОЛУОСТРОВА ДЖАСК.
ПРОХОДИТ ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН.**

«Обострение конфликта», — подумал Фишер.

День медленно проходил, в то время как Фишер лежал в своем укрытии, и чередовал сон с изучением поместья Ши, которое при свете дня частично виднелось сквозь деревья. Над крышами служебных построек он видел красную черепичную крышу храма и тут, и там мелькали охранники и садовники. Он видел только китайские лица.

Он находился примерно в девяти часовой позиции воображаемого циферблата, который делил зону вырубки. Каждая из двенадцати зон, по оценке Фишера, имела размер четыре тысячи квадратных метров. Вскоре после рассвета, когда вооруженный охранник прошел в девяти метрах от его укрытия, он больше никого не видел с внешней стороны забора, это означало, что патрули были приостановлены в дневное время.

Согласно карте в ОПСАТе, здесь находились четыре замаскированные камеры, спрятанные в деревьях впереди него. На экране их область обнаружения отображалась вращающимся конусом. Пройти мимо них в дневное время будет невозможно. Зона обзора была слишком широкой, лучше не рисковать.

В полдень при температуре 30 градусов по Цельсию и влажностью 90 процентов, три садовника в белых туниках и соломенных шляпах вышли из ворот и бродили по всей зоне вырубки в течение двух часов, скашивая листву косами и мачете, прежде чем вернуться назад.

Фишер провел остаток полудня лежа неподвижно, насколько это было возможно, сохраняя воду и энергию, он высчитывал время движения патрулей, высматривал слепые пятна, наносил примечания на карту и ожидал наступления темноты.

Он думал о Бай Кан Ши.

Его связь с «Трего», и атаками на Слипстоун, казалась неопровержимой, но также не имела смысла. Почему же эксцентричный миллиардер-отшельник, который вернулся на свой собственный остров пятнадцать лет назад, организовал радиоактивную атаку на США? Конечно же, у него были деньги, чтобы проверить ее, но каков мотив? И зачем вмешивать Иран? Чего пытался добиться?

НЕЗАДОЛГО до заката, Фишер смотрел в бинокль, как ночная смена комплекса заступила на дежурство. Поодиночке и парами, охранники стали собираться возле главных ворот, он насчитал десяток охранников. Каждый нес пистолет-пулемет МР-5 «Хеклер и Кох». Руководитель созвал их вместе и произнес им, как понял Фишер инструкции или ободряющую речь. Оружие и рации были проверены, ворота распахнулись и охранники вышли.

«Пришло время поработать», — подумал Фишер.

Он надел ремень, разместил все свое снаряжение по мешочкам и карманам, затем проверил пистолет и SC-20. Затем он спрятал обертки от пайка в предварительно вырытых ямках и закопал их.

Выйдя из ворот, охранники разошлись, каждый человек направлялся к своей зоне циферблата. Охранник Фишера, которого он назвал Толстышом, из-за его коротких ног и бочкообразной грудной клетки, пришел пять минут спустя и приступил к патрулированию. В зоне он двигался спокойно с должной целеустремленностью и аккуратностью, ставя ноги на землю, проверяя вес, прежде чем сделать следующий шаг, глаза постоянно находились в движении, MP-5 наготове. Это отвечало на один из мучивших Фишера вопросов: откуда были набраны силы безопасности Ши. Если этот охранник не был исключением, то Фишер имел дело с бывшими солдатами, возможно спецназовцами. Они вряд ли делали большие ошибки или игнорировали мелкие детали.

Быстро опустилась ночь, за двадцать минут перейдя из сумерек в полнейшую темноту. Также быстро деревья вокруг него перешли из тонкого гула насекомых, которые водились днем в джунглях в симфонию криков, жужжаний и кваканий, когда проснулись ночные обитатели.

С наступлением темноты пришло сильное желание двигаться, приступить к работе, но Фишер сдержал его. Впереди у него было восемь часов ночи и при необходимости, он был готов использовать каждую минуту. Пользуясь ИВ и НВ, Сэм продолжал следить за Толстышом, как тот блуждал вокруг зоны. После сорока минут терпение Фишера окупилось. Он начал замечать повторение маршрута Толстыша: Z-образная модель движения следовала за N-образной и так далее.

Уже зная время движения камер, Фишер выжидал момент, затем выскользнул из укрытия и пригнувшись побежал, чтобы подлесок попадал в слепое пятно камеры. Толстыш был слева от него, двигаясь вдоль периметра. Фишер проверил ОПСАТ. Камеры: одна слева, другая справа, вращались мимо него, их конусы областей обнаружения задевали его укрытие, но не касались его.

Он поднялся, пробежал шесть метров, нырнул за дерево и проверил месторасположение Толстыша. Сейчас он был в девяти метрах от Фишера, на десяти часах

«Ждать, — командовал он себе. — Ждать».

Следующий шаг был сложнее. Пройдя зону вырубки и прежде чем добраться до забора, ему пришлось иметь дело с пятнадцатью метрами газона. Ухоженная живая изгородь гибискуса разделяла зону вырубки и газона. Подстриженная в форме прямоугольника, ею было приятно любоваться, но промах в безопасности только очень обрадовал Сэма.

Он подождал, пока Толстыш пройдет и скроется за деревьями, затем быстро побежал вперед, пропустил пересечение двух конусов камер, затем поднялся и пробежал остальные двадцать пять метров к живой изгороди, и упал на живот, отыскал проход между ветвями и прополз через траву. Он распластался и замер.

Травинки были покрыты слоем конденсата и влаги, прохладно ощущались кожей. Краем глаза, он наблюдал за странствующей ночной пчелой, которая приземлилась на цветок гибискуса, собирая какую-то маслянисто-желтую пыльцу своими лапками, и улетела прочь. За проволочным забором, он видел заднюю стену одного из подсобных помещений. Вдоль карнизов, на расстоянии около трех метров, размещались прожекторы. Они были выключены, посему можно было судить, что они были оснащены датчиками движения. Наверху каждой секции забора были установлены вращающиеся камеры. Все, кроме одной — средней, были направлены наружу. Он переключил очки на ЭВ.

В пульсирующем синем поле, каждая камера была окружена вихрящемся ореолом - уникальная электромагнитная особенность. Так же, как и рентгенолог учится расшифровывать, казалось бы, непонятные рентгеновские лучи, Фишер все время учился читать электромагнитные модели. Он мог сказать, что эти камеры были оснащены ночным видением.

Это будет рискованно. Выбор времени должен быть идеальным.

Сэм смотрел и ждал.

ЧЕТЫРЕ минуты спустя, патрулирующий охранник появился из-за угла подсобных помещений. Он остановился, со щелчком открыл маленькую, сделанную заподлицо, панель и ввел на клавиатуре код. Фишер впервые увидел панель, однако он сразу же понял ее предназначение.

Охранник закрыл крышку и побрел вдоль забора, двигаясь справа-налево. Ни один из фонарей с датчиками движения не включился. Охранник остановился посередине забора перед смотрящей внутрь камерой на три секунды, затем продолжил путь и исчез за противоположным углом здания.

Увиденная процедура многое сказала Фишеру: отказ охранника остановиться перед второй панелью управления означал, что сигнализация имела время задержки; направленная внутрь камера была контрольным пунктом; и то, что у охранника не было НВ, означало, что его прогулки были для проверки целостности забора. Газон, живая изгородь и граница зоны вырубki не были его зоной ответственности.

Легче всего было отключить фонари с датчиками движения. Фишер вытащил из кобуры на спине SC-20, положил ее на локоть и прицелился.

Пальцем он один раз нажал переключатель на прицеле, затем еще раз, центрируя шкалу прицела на фонаре.

Он выстрелил. Со звоном стекла фонарь разбился. Сэм прицелился, снова выстрелил и попал в следующий фонарь. Он засунул SC-20 обратно в кобуру.

Затем он вытащил из пояса объект, напоминающий прицел, прикрепил его к пистолету и включил его. Со слабым гулом заработал глушитель камер. Несмотря на очевидные преимущества глушителя, Фишер старался избегать его применения по двум причинам: первая, он потребляет много энергии и Сэма не радовало таскать еще больше аккумуляторов, чем того требовалось. И вторая, при его использовании необходимо не дрожать и точно целиться. Дрогнув рукой или оступившись, вы рискуете сбить подавление. Он проверил ОПСАТ, наблюдал, как вертятся камеры на заборе, смотрел, как их конусы перекрываются и разделяются... перекрываются и разделяются...

Из-за живой изгороди донесся звук ломающейся веточки, когда проходил Толстыш.

Перекрываются и разделяются... перекрываются и разделяются...

«Сейчас».

Он поднялся, взял на прицел ближайшую камеру, нажал на курок глушителя и начал двигаться вперед. Сэм шел ровно, поддерживая уровень прицела.

Камера быстро зажужжала, когда глушитель воздействовал на схемы.

Когда он был в метре от камеры, Сэм убрал палец с курка и прижался к забору.

«Безопасно. Пока что».

Камеры наблюдения не охватывали зону вблизи, в отличие от горизонтальных поверхностей; механика их движения обычно оставляла слепое пятно вдоль стены или забора.

Он выждал, пока камеры не завершат вращение, затем схватился за забор и начал лезть вверх, где перевернулся на спину и резко качнувшись, оказался распластанным с изогнутой спиной на колючей проволоке. Сэм мысленно поблагодарил кевлар и «Пластины Носорога»: удобные против пуль и колючей проволоки.

Плавным движением он оттолкнулся ногами и взмахнул руками высоко вверх. Резкий толчок в сочетании с пружинной проволокой, перекинули его назад. Сэм совершил сальто назад и приземлился на траву на корточки, затем сделал шаг к забору и замер под обращенной внутрь камерой. Он выждал, пока она отвернется, затем рванул к зданию, завернул за угол и двигался вдоль стены к следующему углу, где он остановился и огляделся.

Он был у края короткой грунтовой дороги. Слева, в пятнадцати метрах, был еще один забор с колючей проволокой; справа, открытый двенадцатиместный гараж; первые шесть мест были пусты, на последних шести местах стояли джипы, похожие на те, которые он встретил на дороге возле пляжа.

Сэм почувствовал, как на запястье завибрировал ОПСАТ. Он проверил экран:

ВХОДЯЩАЯ ГОЛОСОВАЯ ПЕРЕДАЧА... ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ НАЖМИТЕ КНОПКУ ШИФРОВАНИЯ ЧЕТЫРЕ.

Кнопка четыре была зарезервирована для сильно зашифрованных и закодированных голосовых передач. Что может быть такого важного, чтобы нарушить радиомолчание? Он нажал имплант.

— На безопасной кнопке четыре.

Произошла пятисекундная пауза; затем Ламберт произнес:

— Сэм, мы перехватили случайный радиосигнал из комплекса Ши. Он исходит откуда-то из главного здания. Расскажи ему, Грим.

— Это передача сигналов на выделенной несущей частоте для операций ЦРУ. Не спрашивай как или что — я работаю над этим, но похоже на то, что внутри есть хороший парень.

— ЦРУ проводит операцию на Бай Кан Ши? В этом нет смысла.

— Может быть нет, — согласился Ламберт, — но не нам об этом беспокоиться. В итоге, если у нас есть активы внутри, давай посмотрим, сможем ли мы их использовать.

— Лэнгли это может не понравиться.

— Я буду беспокоиться о Лэнгли. А ты беспокойся, чтобы отыскать того агента. Грим обновляет твой ОПСАТ.

Фишер проверил экран. Он ждал, чтобы вращающееся **ОБНОВЛЕНИЕ ДАННЫХ** остановилось, затем прокручивал и увеличивал карту острова до тех пор, пока не заполнил весь экран. В северо-восточном углу здания мигала желтая точка.

— Вижу, — сказал Фишер.

— Так как у нас нет чертежей внутренней части, нельзя назвать точное место — вверху, внизу...

— Я разберусь. Нам ничего не известно, информатор ли это, оперативный сотрудник, агент?

— Нет, — сказал Ламберт. — Действуй осмотрительно. Кем бы он ни был, если у них внутри есть информация на Ши, достань ее. Чего бы это ни стоило.

«Неожиданный поворот», — подумал Фишер.

Он любил сюрпризы не меньше других, но предпочитал их на Рождество и дни рождения, а не в середине миссии. С другой стороны, как говорится, в секретных операциях ожидай неожиданностей.

Сэм нырнул в гараж. Земляной пол пах маслом и топливом. Он пробрался вдоль задней стены и остановился за третьим джипом. Он лег на спину и залез под шасси. Из своего кармана Фишер вытащил пластиковый диск размером с четвертак. Внутри него было шесть граммов белого фосфора, температура горения которого порядка двух тысяч семисот градусов Цельсия. При необходимости это обеспечит впечатляющую диверсию, поскольку белый фосфор воспламенит топливный бак, и остальные джипы взорвутся в результате цепной реакции. Сэм снял этикетку с

клеящегося слоя и прикрепил диск к бензобаку, затем нажал на соответствующий экран ОПСАТа и проверил сигнал диска.

Он вылез и побежал к стене гаража, выглянул из-за угла. Служебные постройки с обеих сторон окружали дорогу, которая заканчивалась кольцевой подъездной дорогой перед храмом. Во всех служебных постройках было темно, за исключением третьей, слева от Фишера, в которой за шторами на окне виднелся свет.

Изнутри Фишер услышал звуки национальной китайской музыки и мужской смех.

«Охранники вне дежурства или персонал комплекса?» — Размышлял он.

Если первое, то было бы неплохо узнать, откуда прибывает подкрепление при чрезвычайной ситуации.

Он полз через дорогу, пока не смог заглянуть через штору. Сэм вытащил бинокль и сфокусировался на чем-то, похожим на игровой стол. В поле зрения двигалась рука и сильно шлепнула игровой костью маджонга. Затем послышался смех и аплодисменты. Владелец руки поднялся. Фишер увидел на бедре кобуру с выступающим из нее прикладом пистолета. Это было ответом на вопрос: охранники.

Фишер прикинул свои варианты и быстро отклонил свой порыв устанавливать настенные мины. Одна на дверь и одна на окно практически наверняка уничтожат всех внутри, но и навлекут на него оставшиеся силы безопасности. Как обычно бывает, чем меньше, тем лучше. Никаких следов.

Он двигался вдоль задней части жилищ охранников, параллельно дороге, пока не достиг еще одной гряды живой изгороди гибискуса, которая окаймляла кольцевую подъездную дорогу. Сэм упал на землю и посмотрел через кусты. Здесь обзору на храм ничто не преграждало.

Фотографии с верху не могли все точно передать. Подобно свадебному торту с последовательно уменьшающимися слоями, шесть этажей храма образовывали усеченную пирамиду высотой восемнадцать метров. Лишь увидев ее вблизи, Фишер смог оценить ее настоящий масштаб. Нижний этаж имел ширину порядка тридцати метров или девятьсот квадратных метров, последующий этаж был в два раза меньше предыдущего, и так до самого верхнего этажа, верхушки пирамиды, которая была не больше, чем средних размеров спальня.

Снаружи храм был выполнен в двух цветах: красном и черном, краска настолько густо была покрыта лаком, что сияла в лунном свете. Наклонные крыши, каждая короче предыдущей на полметра, были покрыты терракотовой черепицей и поддерживались деревянными балками. Бумажные фонарики, усеивавшие нижние карнизы, отбрасывали бледно-желтый свет на передние ступеньки и круглое крыльцо.

Безумен или нет, Бай Кан Ши имел изысканный вкус в архитектуре.

Фишер насчитал четырех охранников, двое на передних ступеньках и двое вдоль ближайшей к нему стене. Так как он не видел другие две стороны здания, Сэм предположил еще четырех охранников, всего восемь.

Изучение фотографий позволило выявить брешь в обороне храма — и как это было с живой изгородью гибискуса по всему комплексу, она заключалась в озеленении. С трех сторон храм был окружен деревьями акации. Толстыми, искривленными стволами и прочными ветками, акация напоминала Фишеру слегка сплюснутый цветок брокколи. Этим деревьям позволили вырасти до высоты крыш третьего этажа.

Двадцать минут спустя, проползя сантиметр за сантиметром через дорогу в рощу, Фишер встал за стволом акации и облегченно выдохнул. Он выглянул из-за дерева, чтобы убедиться, что охранники не сдвинулись с места. Сэм взялся за ветку над головой и подтянулся.

Ветка, которую он обнаружил ранее, тянулась горизонтально от ствола, над головами охранников и заканчивалась в полуметре над крышей. И снова терпение — залог успеха. Если он поспешит или запаникует, то ему конец. Охранники собьют его с дерева.

Фишер начал лезть. Ветка быстро сузилась до диаметра столба забора. С каждым шагом слегка наклоняясь, заставляя его останавливаться и прислушиваться. Поднялся ветер, и деревья начали двигаться, однако он не собирался испытывать удачу.

Шаг... остановка. Шаг... остановка. Шаг... остановка.

Отняло пять минут, чтобы пройти последние три метра, но, в конце концов, он добрался до края. Сэм перенес одну ногу на черепичную крышу, убедился, что удерживает равновесие, затем опустил вторую ногу.

Пригнувшись, он поднимался по наклонной крыше к открытому балкону, затем изогнул гибкую оптоволоконную камеру и перекинул через перила, быстро осмотрел в НВ, ИВ и ЭВ. Ничего.

Сэм схватился за перила и втянул себя внутрь.

Он оказался в пустой комнате. Судя по толстому слою пыли и заветрелому илу на полу из тикового дерева, эта комната пустовала много лет. Сэм подошел к двери и приложил к ней ухо. Ничего не услышав, он просунул под дверь оптоволоконную камеру. В объективе был пустой коридор. Из-за движения камеры образовался комок из пыли, который мелькнул мимо объектива словно перекасти-поле.

Фишер открыл дверь. Здесь тоже пол был покрыт ровным слоем пыли. Никаких следов, никаких отпечатков. Это было похоже на свежесыпавший снег. Ротанговые стены были голы, но виднелись слабые прямоугольные очертания, где однажды висели произведения искусства. Что здесь произошло? Помимо очевидного отсутствия мебели и слоя пыли, было странное предчувствие насчет этого места. Зброшенность. Запущенность.

Сэм огляделся и обнаружил еще три комнаты, пустые, как и первая. Коридор был выполнен в виде знака «плюс», с одной комнатой на каждом из четырех секторов. В конце северной стороны коридора он обнаружил винтовую лестницу. Фишер поднялся на следующий этаж.

Этот этаж имел такую же планировку, хотя его размер был в два раза меньше. Сэм проверил каждую из комнат с тем же результатом: пусто. Он поднялся по лестнице на пятый этаж и вновь обнаружил четыре пустые комнаты. Он двинулся дальше. На вершине лестницы была запертая дверь.

Сэм вскрыл замок и приоткрыл дверь. Движение двери подняло облако пыли, вихрящееся в свете его налобного фонарика. На этой пыли сходство с предыдущими этажами заканчивалось. Пространство, с шириной стен примерно в три метра, было доверху заставлено десятками картонных коробок. Окна были закрыты фанерой, окрашенной в черный цвет.

Фишер открыл ближайшую коробку. Внутри были пустые рамы для картин, ватная одежда, расческа... Личные вещи. Он проверил еще одну коробку: то же самое. Он собирался уходить, как что-то привлекло его внимание. За одной из коробок Сэм увидел угол деревянного ящика.

Любопытствуя, Фишер осторожно передвинул коробки, чтобы дотянуться до ящика. Он сдвинул защелку и поднял крышку. Внутри был толстый прозрачный полиэтиленовый пакет, сморщенным, как будто весь воздух был высосан из него. Через полиэтилен он разглядел искривленное коричневое... что-то. Он наклонился, чтобы лучше рассмотреть.

Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, на что он смотрит.

На него глядело человеческое лицо.

Сэм отшатнулся на несколько сантиметров. Затем снова наклонился. Загерметизированные в безвоздушной среде сумки лицо и тело выглядели так, словно прошли десикацию, кожа была туго натянута на острых краях костей. Тем не менее, Фишер узнал лицо.

Бай Кан Ши.

СЭМ нажал на экран связи ОПСАТа, установил шифрование буфера и нажал на имплант.

— Хорошие новости и плохие, — сообщил он Ламберту.

— Начни с хороших.

— Я нашел Ши.

— Замечательно. А плохие новости?

— Он — сморщенное яблоко. — Фишер все объяснил, потом сказал:

— Мне надо проверить первый и второй этажи, но до сих пор тут ничего не было. Мое предположение: это место заброшено в течение пяти или более лет.

— Ну, кто-то или что-то там есть. Иначе, зачем меры безопасности? Для чего охранники?

— Хорошие вопросы. Мы до сих пор получаем частоты ЦРУ?

— Без изменений. Это похоже на радиомаяк или что-то вроде того. Вероятно сигнал SOS. — ответила Гримсдоттир.

ФИШЕР спустился вниз, минуя предыдущие уровни на второй этаж. Это было зеркальным отражением этажей выше, хотя гораздо большее по размерам. На площади сто десять метров квадратных, каждая из четырех комнат была размером с небольшой дом. Он направился к лестнице и начал спускаться.

Главный этаж отличался от остальных всего двумя особенностями. Вместо четырех комнат, здесь была только одна, поэтому огромное помещение было похоже на склад. И здесь не было пыли. Никаких признаков мебели или предметов обихода. На каждой стене были массивные деревянные двойные двери, ведущие наружу.

Фишер стоял в центре помещения, стараясь понять смысл того, что он увидел.

Он услышал, раздавшийся эхом щелчок.

Сэм вытащил пистолет и развернулся.

За ним на стене появилось квадратное очертание света, и он сразу же подумал — дверь.

Фишер бросился к лестнице и, поднявшись на второй этаж, присел на корточки. Он наклонился вперед, пока не увидел дверь.

Она открылась. Внутри зашел охранник в форме, закрыл за собой дверь и направился к ближайшему выходу. Фишер моментально принял решение. Он вытащил SC-20, переключился на «Ватный Шарик», прицелился и выстрелил. С глухим ударом, снаряд попал охраннику в бедро. Он пошатнулся в сторону, качнулся на ногах и упал.

«Настало время ответов», — подумал Фишер.

Чтобы сделать беседу приватной, он затащил обмякшее тело охранника на верхний этаж и положил его на пол рядом с ящиком/могилой Ши. Затем связал руки и ноги охранника пластиковыми наручниками и сел ждать.

Сэм выстрелил ему в бедро, чтобы снять действие транквилизатора. Через двадцать минут мужчина начал приходить в себя. Фишер включил налобный фонарик и направил его в глаза охранника.

Тот прищурился и попытался отвернуться. Он бормотал по-китайски, Фишер решил, это было что-то вроде:

— Какого черта здесь происходит?

— Ты по-английски говоришь? — спросил Фишер.

Через пару секунд охранник ответил:

— Да, я говорю по-английски.

Он говорил с сильным акцентом, но вполне понятно.

— Издашь звук или солжешь, и я пристрелю тебя. Понял?

Все следы транквилизатора исчезли с лица охранника.

— Что происходит? Кто вы?

Фишер проигнорировал вопрос.

— Как тебя зовут?

— Лок.

— На кого работаешь?

— Не знаю.

«Правда».

— Как устроился сюда?

— Я ушел из армии год назад. Моего друга наняла охранная компания. Они хорошо платили. Я присоединился. Меня отправили сюда.

«Правда».

— Сколько ты здесь?

— Шесть месяцев.

«Правда».

— Не считая охранников, кто еще есть на острове?

— Никого.

«Ложь».

Фишер подвинул пистолет к фонарику так, чтобы Лок смог увидеть его.

— Эта ложь останется безнаказанной. Давай попробуем еще раз: кто здесь с вами?

Лок с трудом сглотнул.

— Шестеро. Они там, в подвале. Я не знаю кто они такие. Они работают в комнате... в которую нас не пускают.

— И ты не знаешь ни одного из них?

— Нет.

Фишер поверил ему. Частных охранных фирм было пруд пруди, а качество их работы и персонала колебалось от нечистоплотных головорезов до профессиональных солдат, защищающих важных персон. Лок принадлежал к числу последних. Все что требовалось знать ему и его соотечественникам — это где патрулировать и что охранять.

— Тебе известно имя Бай Кан Ши? — спросил Фишер.

Лок кивнул.

— Когда я был мальчиком, я слышал истории. Он исчез, я полагаю.

— Исчез здесь.

— Это одна из историй, но здесь я его никогда не видел.

«Ага, хорошо, ты лежишь напротив него, парень», — подумал Фишер.

Фишер смог придумать только одну причину, почему кто-то высушил Ши и захватил его остров: анонимность.

С другой стороны, есть несколько веских причин, чтобы сохранять такой уровень безопасности: во-первых, поддерживать легенду, что затворник Ши жив и здоров на своем острове, во-вторых, потому что на самом деле здесь есть что охранять. Что бы это ни было, Фишер не сомневался, оно в подвале.

Сэм допрашивал Лока еще минут двадцать, затем выстрелил дротиком ему в шею, оставив спящим в погребальной башне Ши, и направился обратно вниз к потайной двери. По указаниям Лока, он обнаружил защелку, встроенную в литой плинтус и мягко толкнул. Дверь открылась. Свет просачивался по краям. Сэм стал сбоку, и распахнул настежь дверь, досчитал до десяти, а затем выглянул из-за угла. Чисто.

Он вошел внутрь, закрыл за собой дверь. Фишер был в коротком коридоре, который заканчивался дверью с небольшим усиленным окошком на уровне подбородка. На двери были нанесены сгруппированные желтые треугольники на черном фоне — классический символ убежища от радиоактивных осадков. Судя по выцветшей краске, ее нанесли еще во времена Ши, возможно, первоначальная часть дизайна храма. Еще одна эксцентричная выходка в уже полный колчан странностей.

Фишер протянул руку и выкрутил лампочку над головой, затем рывком надел трифокальные очки, переключил на НВ и заглянул в окошко. Там никого не было.

Он вошел в дверь и оказался в бетонной комнате. Огромная стрелка на стене по левую руку указывала вниз. На лестничной площадке мерцал свет. Он начал спускаться. Сэм держался дальней стены, чтобы тень не попадала за перила. У первой лестничной площадки он свернул в следующий пролет, и продолжил спускаться еще на шесть этажей. Внизу была еще одна дверь с окошком, через которое он увидел затылок человека.

Охранник был слишком близко к двери, чтобы рисковать использовать оптоволоконную камеру, и, не зная, был ли он один, поэтому захват его сзади отпадал. Тогда план Б.

Со своего пояса Фишер снял пистолет, который он взял у Лока, положил его на третью ступеньку, затем отошел под лестницу. Он вытащил пистолет, переключил на дротики и выстрелил в дверь.

Дротик ударился о сталь и быстро отскочил в сторону. В окошке голова охранника повернулась. Фишер залез под ступеньки, лег на спину и переключил пистолет на одиночную стрельбу.

Дверь со скрипом открылась. После была трехсекундная тишина, затем прозвучал китайский голос - недовольный, раздраженный.

Фишер предположил, что слова означали:

— Ладно, какой идиот бросил пистолет?

Сапоги застучали по бетону. Фишер представил, как идет человек, и считал шаги: четыре... пять... шесть... Нога на первой ступеньке...

Фишер оттолкнулся от стены и выскользнул, показался пистолет. Мужчина почувствовал движение и начал уже разворачиваться, но было слишком поздно. Фишер выстрелил. Пуля проникла под левую мочку уха. Пуля «Глэйсер Сэйфти Слагс»¹⁵ обладала разрушительным эффектом, мгновенно дробя ствол головного мозга. Охранник качнулся в стороны и начал съезжать по стене, когда Фишер поднялся и подбежал. Он поймал падающее тело, затем оттащил его под лестницу. Сэм проверил ступеньки и стену на наличие крови, вытер два пятна, подобрал пистолет Лока.

Быстрый осмотр показал, что коридор был пустой и короткий: две комнаты по бокам и похожая на хранилище дверь в конце, которая вела в «комнату», как назвал ее Лок. Пол был покрыт двумя черными резиновыми плитками, Фишер предположил, что это были гасители колебаний. Ши не жалел денег на бункер для судного дня.

Фишер нажал на экран связи ОПСАТа: загадочный сигнал ЦРУ по-прежнему был здесь, разве что он пропустил его выше или здесь был еще один этаж вниз, сигнал шел из первой комнаты справа.

«Пришло время узнать тайну».

ОН просунул оптическую камеру под дверь. Через объектив типа «Рыбий глаз» он увидел нечто похожее на комнату общежития в колледже. Две односпальные кровати у правой и левой стены, разделенные столом, у каждой кровати стояла тумбочка с одеждой. На кровати с левой стороны лежал человек. Он внезапно сел и поставил ноги на пол. Человек был китайцем. Он потер лицо руками и огляделся.

«Взволнован», — подумал Фишер.

Он вытащил оптическую камеру, вкратце прикинул свои варианты, потом решил, что чем проще, тем лучше. Сэм вытащил пистолет и слегка постучал три раза указательным пальцем в дверь. В комнате скрипнула кровать, послышались приближающиеся шаги. Дверь распахнулась.

Фишер не дал мужчине среагировать. Он влетел в дверь, схватив его за грудки, целясь пистолетом ему в лицо. Ноги мужчины ударились о перила, и он упал спиной на кровать.

— Ни звука, — сказал Фишер.

Разинув рот и подняв руки, мужчина закивал.

¹⁵ «Глэйсер Сэйфти Слагс» - пуля, наполненная дробинами для стрельбы по незащищённым людям в условиях, когда необходимо полностью исключить рикошеты.

— Хорошо, хорошо...

Английский. Отличная тональность, едва заметный акцент.

— Заткнись, — отрезал Фишер. — Скрести руки на груди.

Мужчина выполнил приказ, и Фишер проверил комнату. Только в одной из тумб была одежда. Соседей по комнате нет. Фишер стоял над мужчиной.

— Мы сделаем это быстро. Я буду говорить, ты будешь слушать. За последние несколько часов ты передавал радиосигналы на несущей частоте ЦРУ.

— Нет, я...

— Да, ты передавал. Скажи зачем.

Мужчина заколебался.

Фишер произнес:

— Если бы у меня были проблемы с твоим радиомаяком, ты бы уже был мертв. Тот факт, что ты жив, должен тебе о чем-то говорить. Тот факт, что я не китаец, также должен тебе что-то подсказать. Веришь ты мне или нет, но у меня нет времени, чтобы тратить его на тебя.

Сэм навел пистолет на лоб мужчины.

— Ладно, ладно, погоди. В ящике стола.

— Открой его. Медленно.

Мужчина так и сделал. Он вытащил белый 30 Gb iPod, отключил провод и передал его.

— Там телефон за столом, я подключился к нему.

— Умно, — сказал Фишер. — Твой?

— Нет. Мой начальник дал его мне.

Должно быть, руководитель операций ближневосточного отдела ЦРУ. Модифицированный iPod, скорее всего от специалистов Научно-технического управления из Лэнгли. Фишер вернул iPod.

— Я уберу оружие.

Мужчина кивнул, и Фишер сел на противоположной кровати.

— Как тебя зовут?

— Хенг.

Его лицо было бледным, глаза были покрасневшими и с мешками. Он выглядел измученным, и Фишер знал, что недостаток сна не имел никакого отношения к этому. Кем бы Хенг ни был: агентом, информатором или кем-то совершенно другим, он находится под огромным напряжением в течение длительного времени.

— В чем заключается твоя работа? — спросил Фишер.

— Вы имеете в виду, что я делаю здесь или что я делаю для агентства?

— Второе.

— Последний год я снабжал их информацией о Гуань-Инь Чжао.

Фишер почувствовал, словно проглотил снежный ком.

— Повтори имя.

— Гуань-Инь Чжао.

И внезапно крупная часть пазла, который собирал Фишер, встала на место.

ЕСЛИ же мумифицированный Бай Кан Ши был китайской версией Говарда Хьюза, тогда Гуань-Инь Чжао был версией Крестного отца, только более жестоким.

После десятилетнего головокружительного взлета по кровавой лестнице китайских тонгов и триад, Чжао в течение последних двадцати лет правил как неоспоримый вор в законе китайского преступного мира. Трудовые ресурсы, перевозки, азартные игры, проституция, наркотики — каждый порок или необходимость повседневной китайской жизни в большей или меньшей степени контролировались Чжао. Именно последняя категория, наркотики — это то, что укрепило его положение за последние восемь лет, и всем этим он был обязан «Джэгиду».

Искусственно выведенный препарат, который разработали собственные химики Чжао, «Джэгид» был как кошмаром наркомана, так и фантазией. В десятки раз имеет большую зависимость, чем от метамфетамина, «Джэгид» предоставлял потребителям смешанное наслаждение — плавную иллюзию героина в сочетании с энергетическим наплывом кокаина, со спокойным отходняком, который длился все меньше и меньше с каждой дозой, пока потребитель не мог выдержать больше часа или двух, чтобы не ширнуться. Симптомы ломки могли длиться более месяца и походили на геморрагическую болезнь: лихорадка, мигрень, судороги, рвота, диарея, кровотечение из глаз и кровоподтеки.

С точки зрения производства, «Джэгид» был мечтой. Его химические компоненты были обнаружены во всем: от пищевых добавок и пестицидов до распространенных повсеместно рецептов лекарств от аллергии и продуктов бытовой химии — все дешево, легально и практически невозможно контролировать. Восемь лет наркотик был в обороте, химический состав «Джэгида» не удавалось повторить, что сделало Гуань-Инь Чжао не только единственным производителем, но и одним из богатейших людей на земле.

В первые три года своего существования, «Джэгид» распространялся подобно чуме: из Китая во Вьетнам, Таиланд, Камбоджу, Индию, прежде чем покинуть Азию, перескочил в Россию и бывшие Советские Республики, Восточную и Западную Европу, и, в конце концов, в Америку. Везде, где побывал «Джэгид», возросли уровни наркомании и преступности. Он распространялся через школы, колледжи и пригороды, привлекая к зависимости, как любопытных, так и развлекающихся потребителей, а также заядлых любителей.

Системы правосудия пострадавших стран были ошеломлены. Государственные и федеральные законодатели не могли достаточно быстро выделить средства на то, чтобы найти место, и разместить осужденных в хранении «Джэгида», но также на преступления, которые неминуемо следовали на его пути: проституция, воровство, убийства, нападения, изнасилования.

Фишер читал статистику и видел последствия на городских улицах. Пять лет назад, с тех пор, как он ударил по США, уровень потребления «Джэгида», и, следовательно, зависимость, превзошел всех конкурентов, подчинив своему влиянию до 9,2 процентов населения или почти 27 миллионов людей. На каждого десятого жителя США приходился один заядлый наркоман «Джэгида», который перережет вам горло за лишнюю мелочь в вашем кармане.

ЭТО было ответом на часть пазла Фишера. Гуань-Инь Чжао имел достаточно средств, чтобы купить что угодно и кого угодно, однако вопрос: зачем он запустил «Трего» и атаковал Слипстоун, зачем он пытается организовать войну между Ираном и США, предстояло выяснить. Фишер надеялся, что Хенг ответит на этот вопрос.

— Чем ты занимаешься для Чжао? — спросил Фишер.

— Разведка, — ответил Хенг. — Я работал во «Втором бюро», Министерство государственной безопасности.

— Иностранное управление, — сказал Фишер.

— Да. Меня завербовал один из людей Чжао. Я потерял сестру и кузину из-за «Джэгида». Я подумал, что смогу внедриться в организацию Чжао и ...

Хенг остановился, развел руки.

— Я не знаю, о чем я тогда думал. Я знал, что не могу пойти к своему начальству; влияние Чжао повсюду. У него столько денег...

— Поэтому ты предложил свои услуги ЦРУ.

Хенг кивнул.

— Я знал, что на Тайбэе была неофициальная база, поэтому я договорился пойти в отпуск и заключил контракт.

— Что ты дал им взамен?

— Боюсь, что немного. Не думаю, что я единственный новобранец Чжао. Он проводит тайные операции, но они все разобщены. У меня часть информации, у кого-то другого другая часть... Я уверен, что вы знаете, как это работает.

Фишер решил, что Хенг заслужил знать, что было на кону.

— Ты знаешь о Слипстоуне?

— Да, видел по новостям.

— Мы полагаем, что за этим стоит Чжао. Он наложил свои лапы на токсичные отходы из Чернобыля.

Хенг закрыл глаза и вздохнул.

— Однажды, у меня был шанс убить его. Надо было им воспользоваться.

— Возможно, тебе представится еще одна попытка, — сказал Фишер. — Но в данный момент, мне нужны твои глаза и уши здесь. Когда ты последний раз выходил на контакт со своим нанимателем?

— Месяц, полтора месяца назад. К тому времени Чжао нанял охрану, и мы принялись за работу. Связь была невозможна.

«От четырех до шести недель», — подумал Фишер.

Примерно в это же время Чжао начал операции с «Трего» и Слипстоуном.

Тот факт, что Хенг все еще был здесь под прикрытием, предполагал, что большая часть плана Чжао еще не раскрыта.

— Чем последним ты для него занимался?

— Две недели назад, я вместе с его двумя телохранителями приехал в Ашхабад, Туркменистан, чтобы встретиться с человеком — иранцем.

Двоих мужчин, которые находились под арестом ФБР, в конечном счете, связали с Ашхабадом.

«Все становится на свои места».

— И? Ты знал его? Ты узнал, как его зовут?

Хенг потряс головой.

— Я передал ему посылку и приступил с ним к операции — что-то вроде налета. Все, что у меня было — карта. Никакой легенды. Это где-то на побережье, все казалось незнакомым. Все, что я могу сказать — это был какой-то военный объект, это все. Мне кажется, что кто-то другой уже передал ему остальные детали операции. Как я уже говорил...

— Разобщенность, я знаю. Нарисуй ее мне.

Хенг нарисовал по памяти карту, однако без отличительных особенностей для Фишера она ничего не значила.

Он продолжал допрашивать Хенга, возвращаясь назад и вперед во время его пребывания с Чжао, однако практически ничего не узнал. Хенг в основном играл роль курьера.

— У меня есть нечто полезное, — сказал он. — В Ашхабаде, я встретился с иранцем в частном доме. Я знаю, где он находится, и я помню имя: Марджани. Айлар Марджани.

— Я загляну туда. Что в комнате за дверью от хранилища?

— Нервный центр Чжао. Коммуникации, компьютеры, спутниковая связь — там находится все.

— Сколько там людей?

— Три или четыре.

— Чжао здесь?

— Нет, однако, мне кажется, что он на пути сюда. Я не знаю, когда он приедет.

Фишер прикинул свои варианты. Затаиться, дожидаться Чжао и либо выкрасть его или убить? Или забрать, что у него есть и выбираться? Он выбрал последнее. Что бы ни осталось доиграть по плану Чжао, Фишер знал, что не было никаких гарантий, что его смерть или исчезновение остановят это. К тому же, поймать Чжао может оказаться достаточно просто, а вот покинуть остров живым, с ним или без него, было бы уже совсем другим делом.

— Ты же знаешь, я не могу тебя вытащить, — сказал Фишер Хенгу.

— Я знаю.

— Не высовывайся и будь начеку. Связывайся, если возможно.

Хенг кивнул.

— Последний вопрос: как мне пробраться в нервный центр Чжао?

Ответ Хенга вернул Фишера в коридор к первой двери налево.

Фишер взломал замок и проскользнул внутрь. Это было подсобное помещение с кондиционером, несколькими шкафами снабжения, которые были заполнены разными предметами, и открытой круглой ямой в полу, окруженной по краям стальными пластинами, прикрепленными к полу цепью с навесным замком.

Фишер отправил Хенга назад в комнату, затем взломал замок и вынул одну из пластин, открывая полуметровый полупроходный канал. Прохладный воздух вырвался навстречу к нему; пахло землей. Годы назад, как пояснил Хенг, когда Ши заказал строительство своего храма, фундамент был затоплен сезонными грунтовыми водами, поэтому сваи убежища были подняты, чтобы компенсировать наводнения от сезонных дождей. Двумя месяцами ранее, если бы Фишер вынул пластины колодца, вместо земли он обнаружил бы небольшое озеро. Яма была отстойником для избыточной воды.

Фишер выключил свет, затем прыгнул в проем и задвинул за собой плиту.

С гулом включилось ночное видение, показывая бескрайнюю грязь и бетонные сваи. Справа, сверкнула пара красных глаз; с визгом пронеслись крысы и исчезли.

Он начал лезть, наклоняясь влево и считая метры, пока он не был на полпути под коридором. Сэм скорректировал направление и продолжил ползти. Он достиг горизонтальной стальной пластины, которая растянулась на полу сверху. Это должно быть внешняя дверь хранилища. Он прополз вокруг пластины. Спустил еще три метра, Сэм добрался до второй пластины, внутренняя дверь хранилища. С другой стороны он увидел десятки квадратиков голубого света, разбросанные на грязном полу.

Эти решетчатые плиты на полу были резервными для воздушных кондиционеров, объяснял Хенг. Нервный центр Чжао содержал большое количество электрического оборудования, которое должно содержаться в прохладе.

Фишер замедлил движение, прошел несколько сантиметров, остановился и прислушался, прежде чем снова двигаться. Через три метра он услышал низкое жужжание электроэнергии и приглушенные голоса, говорящие по-китайски. Фишер выключил очки и продолжил ползти, пока не смог увидеть сквозь плиту.

Он смотрел на спинку стула и пару ног, покоящихся на полу. Компьютеризированное рабочее место. Он медленно двигался вправо, пока не смог видеть через следующий проем. Здесь Сэм увидел уголок экрана плазменного телевизора. Он вытянул шею, и увидел логотип канала: CNN. Он двинулся к следующей плите. Что-то вмонтированное в стену над головой было похоже на подсветку из листа плексигласа. Фишер не мог сказать ее ширину, но казалось, что она простиралась от пола до потолка.

Это был ИЛС, или индикатор на лобовом стекле, он понял, что ИЛС похож на его водолазной маске или на экране в кубрике эсминца. На нем отображалась подсвеченная карта, помеченная маркером. Область показалась знакомой, но прошло какое-то время, прежде чем он вспомнил:

«Персидский залив, западное побережье Ирана».

Верхний край солнца только показался из-за горизонта, когда рубка «Хьюстона» поднялась из воды в пятидесяти метрах справа от него.

Матрос стоял на палубе, отдавая честь.

— С возвращением, — сказал парень.

— Приятно вернуться, — сказал Фишер. Он, в самом деле, так считал.

Остальную часть ночи Сэм эвакуировал самого себя, сначала из храма, затем через кордон безопасности, который окружал комплекс, через остров к скальной дороге, и вниз к пляжу, где среди камней он спрятал водолазное снаряжение. Он устал до чертиков, но его переполнял избыток адреналина. Его мысли вертелись, пытаясь сопоставить вместе все, что он обнаружил на острове.

Быстро вытершись полотенцем и сменив одежду, Фишер нашел Коллинза и Марти Смита в центре управления.

— Оправдалась ли ваши надежды? — сказал Смит с усмешкой.

— Более того, — ответил Фишер. — Макс, мне нужно, чтобы ты отправил срочный сигнал эвакуации, затем как можно быстрее покинь район.

— Плохие новости? — спросил Коллинз.

— Похоже на то. Я пока что не знаю, что они означают.

КОЛЛИНЗ направил «Хьюстон» на север, затем на восток, огибая зону патрулирования 093-их, которые пересекали их маршрут, и приказал вахтенному офицеру уйти на глубину и увеличить скорость до двадцати узлов. Через два часа, Коллинз вызвал Фишера в центр управления, пожелал удачи и отправил его на верхнюю палубу. В девяноста метрах от левого траверза, «Оспрей» завис над поверхностью океана. Задняя рампа была опущена, на ней стоял Реддинг, одной рукой зацепившись за грузовые ремни. Он махнул Фишеру.

Две минуты спустя, он сидел за пультом управления «Оспрея», глядя в монитор на лицо Ламберта. Сэм быстро рассказал боссу свежие новости.

— Гуань-Инь Чжао, — пробормотал Ламберта. — Такого поворота я не ожидал.

— И я тоже. Но я знаю, кто может с этим быть связан.

— Том Ричардс. Я вызову его сюда. Если только твой новый друг не лжет, что ЦРУ проводит секретную операцию против Чжао. Теперь: насчет Ашхабада — назови еще раз имя.

— Айлар Марджани.

Экран монитора разделился пополам; справа Ламберт, Гримсдоттир слева.

— Проверяю, — сказала она. — Хорошо, нашла его. Айлар Марджани бывший глава КНБ — аналог ЦРУ. На него большое досье. Плохой парень. Нарушения прав человека, взяточничество, торговле оружием, связи с «Хезболлой»¹⁶.

— Еще одна иранская ниточка, — сказал Фишер.

Несколько секунд Ламберт молча размышлял:

— Хорошо, я надавлю на Ричардса по поводу Чжао.

— И скажи ему, что он должен вытащить Хенга; парень прогорел. Он попадет в просак.

— Скажу. Итак: готов к небольшой экскурсии по Ашхабаду?

— Я всегда хотел побывать в Ашхабаде. Ты доставишь меня туда, а я доставлю тебе Марджани.

ПО правде говоря, Фишер никогда не был в Ашхабаде, и поэтому у него были такие же стереотипы мышления, как у большинства жителей запада о среднеазиатских республиках — они были отсталыми, изолированными, пыльными и суровыми. И тогда, как это было актуальным для большинства сельских местностей, Ашхабад, как понял Фишер, когда самолет накренился над городом, был потрясающим исключением.

Приютившись в чаше между южной границей пустыни Каракум, охватывающей девяносто процентов страны, и горным хребтом Копетдаг, районом с трехкилометровыми вершинами вдоль иранской границы, Ашхабад — современный город с населением в пять миллионов душ, чистыми, вымощенными камнем, тротуарами и площадями, фонтанами и памятниками, сочетанием традиционной исламской архитектуры и современной постройки зданий, и сетью небольших оросительных каналов для пышных садов города и парков.

И памятниками. Много и много памятников, большинство посвященных одному человеку: пожизненному президенту Туркмении Атаевичу Ниязову, или Сердар Сапармурат Туркменбаши — великому вождю туркестанского народа. Бывший советский чиновник, Ниязов правил страной с абсолютной властью. Его лицо было повсюду — на стенах, по бокам автобусов, на кофейных кружках и футболках, в классных комнатах и музеях и на статуях: Ниязов скачет на жеребце; Ниязов держит младенца; Ниязов строго смотрит на обвиняемых преступников; Ниязов принимает участие в музейных торжествах и государственных балах. Он изменил туркменский алфавит, переименовал месяцы и дни в году, и написал «Рухнаму», или «Книгу Души», практический и духовный путеводитель, который должен быть у каждого гражданина Туркмении.

¹⁶ Хезболла - военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, считается террористической в ряде стран.

Наряду со всеми признаками очевидной диктатуры, Фишер знал, что железная рука Ниязова поддерживалась обширной сетью тайной полиции и разведывательными службами. Чем скорее он доберется до Айлара Марджани и покинет Ашхабад, тем лучше.

Это было место, где человек мог исчезнуть и о нем больше никогда не услышат.

Чтобы добраться сюда как можно скорее, потребовалось много времени провести в воздухе и значительное влияние Ламберта.

«Оспрей» покинул архипелаг Чжоушань, и через девяносто минут приземлился на базе BBC «Кадена», где Фишер встретился с техником-сержантом, который отвез его к уже ожидающему F-15D «Игл». Пилот экипировал Сэма, помог усесться на заднее сиденье и дал короткую инструкцию:

— Ни к чему не прикасайся.

Через пять минут «Игл» был уже в воздухе и направлялся на юго-запад.

Обессиленный, Фишер быстро уснул, и проснулся только в воздухе во время заправки «Игла» с KC-135 «Стратотанкером», затем проснулся во время посадки в Кабуле, Афганистане, где его встречал другой сержант, на этот раз из сухопутных войск, он доставил Сэма к ожидавшему «Гольфстриму V», который, как полагал Фишер, был частью небольшого флота служебных самолетов, которые поддерживались ЦРУ.

Перелет из Кабула длился каких-то пару часов, и теперь, спустя восемь часов после того, как он отплыл из Сеци Маджи, шины «Гольфстрима» с визгом коснулись взлетной полосы аэропорта Ашхабада.

ФИШЕР не вышел из самолета и ждал, развалившись в одном из наклонных сидений кабины, пока проверялась имитационная предупредительная лампа двигателя, из-за которой им пришлось приземлиться. Ночь только что опустилась, когда руководитель техобслуживания аэропорта кивнул головой из боковой двери и сказал пилоту, что проблем не обнаружено. Им дали разрешение на взлет.

Взлетев, пилот радировал выше и попросил разрешения немного покружиться и удостовериться, что предупредительная лампа не зажжется снова, и затем пролетел по низкой дуге в юго-восточном направлении от аэропорта.

— Двести сорок метров, — сказал пилот по внутренней связи. — Выброс через три минуты.

Фишер уже затягивал ремни на рюкзаке с парашютом.

Триста метров над и тринадцать километров от Ашхабада, Фишер выпрыгнул из двери «Гольфстрима».

Он досчитал до двух и дернул вытяжное кольцо, услышал свист и глухой удар раскрывающегося парашюта, и его дернуло вверх.

Отставной офицер Айлар Марджани не испытывал финансового недостатка, сообщила Гримсдоттир. Бывший глава туркменской КНБ, построил сказочный особняк в тринадцати километрах от Ашхабада в предгорьях Копетдага.

Фишер следовал за мигающим маркером на ОПСАТе, и приземлился в пологих, травянистых холмах, которые располагались между городом и горами. Даже в темноте, Фишер был поражен пейзажем; если бы он не знал, то мог бы ошибочно принять его за восточную Монтану или западную Дакоту. Ночь была теплой, около двадцати градусов по Цельсию, небо ясное и безоблачное. Легкий ветерок шуршал травой вокруг его коленей.

Сэм надел свое снаряжение, определил направление по ОПСАТу, и побежал.

СПУСТЯ полтора километра, он забрался на холм и остановился. Фишер лег на живот и вытащил бинокль.

Дом Марджани невозможно было пропустить даже за километр: растянувшееся строение белых прямоугольников и арок, сложенных друг на друга у подножия уступа. В каждом окне дома Марджани горел свет. Фишер осмотрел каждое окно, однако никого не увидел. Скопления пальм росли в различных местах территории, каждая группа освещалась снизу прожектором. Фишер насчитал два фонтана там, где он смог увидеть блестящий шлейф от воды.

Он продолжал двигаться, используя впадины холмов, прокладывая себе путь еще метров четыреста. Сэм полз вверх на бугор по траве. С этого расстояния он увидел одинокого охранника, стоящего слева от арочного входа. Через вход Фишер видел внутренний двор с живой изгородью, у центра светящийся бассейн в форме почки. Охранник стоял, прислонившись к арке, в полуметре от него подпирал стену АК-47. Фишер не был уверен, бодрствует ли охранник.

Он сделал маневр влево, подкрадываясь по траве, пока не оказался под углом, в пятидесяти метрах от арки. Сэм вытянул SC-20 из кобуры на спине, прицелился в охранника, затем направил ствол на вход, высматривая других охранников. Никого не было. ИВ также ничего не выявило. Он снова сосредоточился на охраннике и прицелился ему в грудь.

Сэм спустил курок. Охранник один дернулся, затем откинулся на стену и сполз по столбу. Фишер прицелился, выстрелил в наземный прожектор, затем снова прицелился, ожидая другого стражника, который придел расследовать аварию. Прошло пять минут. Никто не пришел.

Он зачехлил SC-20, затем пополз вперед, пока арочный вход не скрыл из виду верхние окна особняка, затем поднялся и пробежал оставшееся расстояние. Сэм схватил АК-47 и бросил его в высокую траву, затем взялся за воротник мужчины и затащил его в арочный проход. Он повернул налево и остановился за кустарником.

Справа он услышал хруст гравия. Сэм обернулся. Человек вышел к дороге и остановился у арки. АК висел на плече. Мужчина посмотрел налево, затем направо, затем позвал:

— Ашик?

«Проклятье».

ФИШЕР снял свои очки, отложил в сторону, затем опустился на корточки, прислонился к стене и прижал подбородок к груди. Сэм выхватил пистолет и незаметно держал его у бедра.

— Ашик? — вновь окликнул охранник.

Фишер издал болезненный стон. Краем глаза он увидел, что мужчина вышел из-за угла. Фишер слабо поднял руку мертвого охранника и позволил ей упасть.

— Ашик?

Мужчина бросился через дорогу. Когда он поравнялся с кустарником, Фишер поднял пистолет и выстрелил ему в лоб.

Охранник издал глухой звук, затем упал ничком в грязь рядом с Фишером.

Сэм схватил его за руку, потащил в тень и положил его рядом с первым охранником.

«Минус два».

Пересечь оставшийся участок Фишер не спешил, он использовал тени и озеленения, чтобы пройти вокруг внутренней стены, держа ухо остро на случай других охранников, и время от времени, высматривая любые признаки движения в окнах.

Ему попался только один охранник, который прогуливался по фигурной дорожке из гравия с восточной стороны дома. Фишер дождался, пока он пройдет, затем вышел, зажал ладонью его рот, и вонзил «Сайкс» в полость рядом с ключицей. Мужчина напрягся, дернулся и обмяк. Фишер оттащил его в сторону.

Он направился в заднюю часть дома к застекленной террасе, выходящей ко второму бассейну. В отличие от этажей выше, на террасе было темно. За исключением булькающих аэраторов бассейна и отдаленного гула кондиционеров, везде было тихо.

Дверь на террасу была сделана из тонкого алюминия, с кнопочным замком, который Сэм взломал за пятнадцать секунд. Он проскользнул внутрь. Волна прохладного воздуха захлестнула его. Он остановился, чтобы вдохнуть ее, позволяя охладить свое лицо.

Очевидно, Марджани любил белый цвет и оттенки белого. Стены, кожаные диваны и ковер были кремового цвета, в комнате были расположены несколько туркменских произведений искусства и скульптуры. На противоположной стороне была лестница, ведущая вверх.

Пригнувшись, он шаг за шагом продвигался вперед, пока не смог видеть сквозь черную кованую балюстраду. Как и ожидалось, отделка комнаты была в основном белой, с грубой

напольной плиткой с мозаичными вставками цвета «яиц дрозда». Под окнами располагалась зона отдыха, через которую была видна дорожная арка.

Фишер поднялся по оставшимся ступеням, затем обыскал этаж, обнаружив изысканную кухню из нержавеющей стали, столовую в строгом стиле и комнату для отдыха, облицованную книжными шкафами. Он проследовал на второй этаж: домашний тренажерный зал, три спальни для гостей и ванная комната с паровым душем, сауной и джакузи.

Он был на полпути вверх по лестнице на третий этаж, когда услышал голоса. Сэм замер. Это был телевизор.

— Добро пожаловать на шоу «Американский идол». Наш следующий участник исполняет... — помехи — Но Рикки... — снова помехи, затем звучит тема из сериала «Остров Гиллигана»¹⁷.

Фишер печально улыбнулся.

Марджани проводил свои золотые деньки с пользой.

Сэм обнаружил бывшего министра Туркмении в маленькой комнате с видом на задний бассейн. Мужчина сидел, развалившись в кресле из белой кожи, с чипсами на коленях, направив пульт на телевизор. Фишер вернулся назад через арку, обследовав оставшуюся часть этажа, затем вернулся. На экране телевизора Гиллиган и шимпанзе играли в мяч кокосом.

Фишер выключил свет, рывком надвинул очки НВ на лоб, и встал за креслом Марджани, когда мужчина вскочил от удивления. Фишер приставил «Сайкс» к шее Марджани и сказал:

— Ни звука. Твои охранники мертвы. Если не хочешь к ним присоединиться, будешь делать, что я скажу.

В брифинге Гримсдоттир указывалось, что Марджани хорошо понимал английский, и его быстрое кивание было тому подтверждением.

— Кто ты, что тебе нужно?

«Два классических вопроса», — подумал Фишер.

По прошествии многих лет он обнаружил, что когда гражданским приставляют нож к горлу, они обычно говорят: «Пожалуйста, не убивайте меня».

В случаях с плохими парнями всегда была вариация того, что спросил Марджани, с небольшой долей возмущения в голосе.

— Отвечаю на твой первый вопрос — не твоего ума дело. Ответ на второй вопрос — я хочу убить тебя, но я дам тебе шанс отговорить меня. — Прошептал Фишер ему в ухо.

¹⁷ «Остров Гиллигана» - американский комедийный телесериал 1964-1967 гг.

ОН тащил Марджани по коридору, выключая по мере продвижения свет, пока они не оказались в хозяйской спальне. Сэм схватил подушку с кровати, затем направил Марджани в ванну и толкнул его в джакузи. Он закрыл дверь и сел на унитаз рядом с ванной. Марджани был толстяком с причесанными назад волосами и неравномерными усами. Он напоминал Фишеру главного злодея из вестерна.

Фишер не включил свет в ванной; была кромешная тьма. В свете своего НВ, Сэм видел мечущиеся глаза Марджани, и его вцепившиеся за края джакузи руки. Его лицо блестело от пота. Фишер позволил ему посидеть в темноте, не нарушая тишины, пока наконец-то Марджани не выпалил:

— Здесь есть кто-нибудь? Эй...

— Я здесь.

— Что тебе нужно?

— Мы уже прошли через это. Я задам тебе несколько вопросов. Если мне не понравятся ответы, ты сдохнешь в этой ванной. Больше никакого «Острова Гиллигана», никакого «Я люблю Люси»¹⁸ понятно?

— Ты знаешь кто я? Ты не можешь сделать этого!

Фишер вытащил «Сайкс» и слегка ткнул Марджани в бедро. Тот заорал и скрючился, сжимаясь в размере.

— Ну, как? Могу я? — сказал Фишер.

— Ты сошел с ума!

— Сядь, выпрями ноги, сними обувь и носки, и положи руки по краям ванны.

— Что?

— У тебя три секунды.

Марджани подчинился.

— Две недели назад у тебя дома были гости, — начал Фишер. — Китаец с двумя телохранителями, а также иранец со своими телохранителями. Что они обсуждали?

— Я не знаю.

Это было правдой. Хенг сказал, что встречался с иранцем наедине.

— Сколько они здесь пробыли?

— Два, может, три часа.

Это также было правдой. Зная то, что ему уже было известно, Фишер исходил из стандартных критериев: оценивая тон Марджани, мимику, интонацию.

— Кто был в комнате во время встречи?

— Только китаец и еще один, — ответил Марджани. Он немного помедлил на «еще один».

¹⁸ «Я люблю Люси» - американский комедийный телесериал 1951-1957 гг.

— Они прибыли вместе или по отдельности?

— По отдельности. Зачем тебе...

— Кто этот иранец?

Фишер протянул руку и ткнул Марджани в ногу. Не так мягко в этот раз. Марджани закричал, потянувшись к ноге.

— Не двигайся, — сказал Фишер, — или я отрежу тебе палец.

Против своей воли Марджани откинулся назад. Его нижняя губа дрожала.

«Почти готов», — подумал Фишер.

Стресс, вызванный слепотой и не знанием того, когда и куда придется следующий удар, быстро сломил Марджани.

Фишер подцепил мизинец ноги Марджани кончиком «Сайкса» и отогнул в сторону. Мужчина вздрогнул, его губы отдернулись, обнажив зубы.

— Не надо... пожалуйста, не надо...

— Скажи мне имя иранца.

Марджани колебался, зажмурил глаза.

— Я не знаю, пожалуйста...

Фишер расположил лезвие между пальцами ног на пять секунд, затем убрал.

— Не желаешь пересмотреть свой ответ?

— Я не знаю, кто он, клянусь. Он появился и...

Фишер поднял подушку и бросил ее на колени Марджани.

— Что... Что это?

— Это подушка, — ответил Фишер. — Прикрой ею лицо.

— Что? Зачем?

— Выстрел здесь будет звучать громко.

Цвет сошел с лица Марджани.

— Пожалуйста, я не могу...

Фишер дал ему порыдать полминуты, затем произнес:

— Не хочешь изменить свой ответ? Не хочешь рассказать мне, кто такой этот иранец?

Марджани кивнул и начал говорить.

КОГДА Марджани закончил рассказ, у Фишера было несколько ответов и куда больше вопросов.

Сэм выстрелил дротиком в Марджани, связал ему руки и ноги пластиковыми наручниками, затем, закинув мужчину за плечи, отнес его в гараж, где Фишер обнаружил ослепительно белый «Хаммер» H1 Альфа. Он запихнул Марджани в багажник, привязав ноги к одному из крепежных устройств, затем забрался на переднее сиденье. Ключи были в замке зажигания.

Тридцать секунд спустя, Сэм ехал вниз по дороге, кондиционер обдувал на полную мощность. Он повернул налево возле арки и направился на северо-запад, фары были выключены, и чтобы ориентироваться, Сэм использовал лунный свет. Он ехал в течение пятнадцати минут, пока холмы не начали выравниваться у границы пустыни Каракум. Фишер остановился и заглушил двигатель. Он нажал на имплант.

— Щука, это Серп, прием.

— Слушаю, Серп, — ответил Берд.

После дозаправки в Кабуле, Реддинг и «Оспрей» в течение часа следовали за «Гольфстримом», пересекли границу Туркменистана и приземлились в пустыне в ста километрах от Ашхабада.

— Запрашиваю эвакуацию; два пассажира; координаты: один-два-два-точка-пять, три-два-точка-три, радиомаяк работает, прием.

— Понял, Серп, в пути.

«Оспрей» показался спустя двенадцать минут, он несся, едва касаясь земли, его лопасти сверкали в лунном свете.

— Вижу вас, Щука, — сказал Фишер. — Подтвердите то же.

Сэм моргнул противотуманными фарами.

— Подтверждаю, Серп, мы вас видим.

«Оспрей» сел в ста метрах от вершины небольшого холма, Реддинг опустил трап, чтобы помочь Фишеру с Марджани.

— Твой друг? — поинтересовался Реддинг.

— Он так не считает, но он нам пригодится.

Пока Реддинг возился с пассажиром, Фишер зашел в кабину.

— Берд, как мы выглядим на радаре?

— Отлично. Черт, да у Туркменистана нет ни одной военной радиолокационной станции на протяжении полутора тысяч километров. Мы могли бы сидеть здесь в течение нескольких дней.

Он взглянул на Фишера.

— Мы же не собираемся сидеть здесь в течение нескольких дней, не так ли?

— Нет. Просто держи ухо востро.

Фишер прошел в хвостовой отсек и сел за пульт связи. На мониторе появился Ламберт и спросил:

— Какова ситуация?

— Мы в безопасности. Чжао заплатил Марджани через Хенга, но тот не знает, кто стоит за деньгами. Он никогда не слышал о Чжао. Я не знаю, верить ли ему, но не было времени, чтобы надавить на него посильнее. Марджани говорит, что Хенг встретился с иранцем по имени Кавад Абелзада. Он из деревни Сарани, прямо через границу. Он родился и вырос там.

Не успел Ламберт попросить Гримсдоттир, как она произнесла:

— Уже ищу...

— У меня здесь Том Ричардс. Я ввел его в курс дел по поводу Чжао. Считаю, у него есть то, что мы упустили, — сказал Ламберт

— Давай слушаем.

Экран разделился, и появилось лицо Ричардса.

— Вы, конечно, уже в курсе, но да, мы проводим операцию против Чжао — мы, англичане и русские.

— Дайте угадать: «Джэгид».

Ричардс кивнул.

— Три года назад президент подписал сверхсекретное распоряжение, указывая, что распространение «Джэгида» было явной и неизбежной угрозой национальной безопасности. Москва и Лондон, уже видели последствия в своих странах, поэтому не пришлось долго убеждать их подписаться на операцию. Мы дали ей кодовое имя «Юпитер».

— В течение последних двадцати восьми месяцев, мы наряду с российской СВР и британской МИ6 вели войну против Чжао. Мы начали с незначительных операций, отрезая приток денег, нападая на перевозки, вылавливая дельцов на самых низах — все в таком духе.

— Пекин в курсе?

— Нет, черт побери. У Чжао в кармане столько политиков и генералов, что мы сбились со счета.

— Продолжай.

— Как только мы подорвали его бизнес, мы начали борьбу уже с ним, — сказал Ричардс. — Начав с важных сотрудников.

— Насколько важных? — спросил Фишер.

— Очень. Большая часть империи Чжао находится в ведении членов семьи: родных и двоюродных братьев, дядь. Мы начали устранять их, одного за другим.

— Повторите-ка.

— Каждая из стран использовала специально обученные бригады на местах. Выбора не было, мы участвуем в войне — это так же ясно, как если бы взорвались бомбы.

Фишер был потрясен не высказыванием Ричардса о том, что ЦРУ направило команды убийц, а тем, что президент предпринял такой смелый шаг. Верный он или нет, но если «Юпитер» станет достоянием общественности, то разразившийся скандал окончит его карьеру и карьеры, ответственных за операцию.

— Сколько уже? — спросил Фишер.

— Шестдесят два. Двадцать три из них — члены семьи, тридцать девять — подчиненные не из семьи.

— А его империя?

— Дышит на ладан. Еще шесть месяцев, и она рухнет. Поток «Джэгида» замедлится до минимума, а затем прекратится.

«А вот и мотив Чжао, — подумал Фишер. — Месть и самосохранение. Двадцать три члена его семьи убиты; на кону десять миллиардов долларов. Чжао ответил США/России/Великобритании своей собственной декларацией войны, но, понимая, что не сможет победить лоб в лоб, он разработал стратегию "Искусство войны" Сунь Цзы».

Запустил самую разрушительную в истории атаку на американской земле и втянул Иран, который уже является новым мировым бабайкой; США отвечает тем же и вступает в войну; затем наносит поражение России, используя ядерные материалы, украденные или проданные с их собственного заднего двора. С этого момента, импульс, мировое негодование и неповиновение Ирана доделывают все остальное. США, Великобритания и любая коалиция, которую им удалось собрать, будут втянуты в затяжную и, возможно, безвыигрышную войну на Ближнем Востоке; Россия станет изгоем на мировой арене из-за гибели более пяти тысяч невинных жителей по небрежности и/или коррупции. Потери будут с обеих сторон, и на многие годы последнее, что будет в мыслях США, России и Великобритании — это Гуань-Инь Чжао.

В худшем случае Чжао отомстит; в лучшем — отомстит и появится шанс отстроить свою империю.

— Полковник, вот оно. Это игра Чжао. — Сказал Фишер.

— Согласен, — сказал Ламберт. — Однако, достаточно ли у нас улик, чтобы доказать это?

— С помощью Кавад Абелзада, возможно, — сказал Ричардс. — Он — недостающее звено. Он, должно быть, снабжал Чжао командой для «Трего» и людьми для Слипстоуна.

Гримсдоттир вернулась в разговор.

— И я, кажется, знаю почему. Последние девять лет Абелзада провел в политической тюрьме в Тегеране, до момента, когда восемнадцать месяцев назад его освободили. Он был судим и осужден за «подстрекательство к радикальным восстаниям» и «вынашивании заговора с целью свержения правительства Исламской Республики Иран». Когда его отправили в тюрьму, у него уже были фанатические последователи, которые исчислялись тысячами. В день приговора по всему Тегерану прокатилась волна взрывов семнадцати террористов-смертников.

— Согласно своему послужному списку, для Тегерана отметить Абелзада как опасного радикала уже о чем-то говорит, — сказал Фишер. — Грим, известна ли его проблема с правительством?

— Я ищу... Ладно, вот: он требовал, чтобы правительство объявило открытую войну США, Израилю, и всем их союзникам. Цитирую:

— Мы должны выжечь цивилизации Запада и усеять костями неверных каждый уголок на глобусе. На каплю меньше — оскорбление в глазах Аллаха.

— Отлично, — сказал Ламберт. — Итак, Чжао каким-то образом становится известно о склонности Абелзада; он выходит на контакт и предлагает ему шанс не только скинуть его собственное правительство, но также окунуть США в кровавую баню — все, ради нескольких преданных фанатиков.

— Одурманенные спецвойска, — сказал Фишер. — Я понимаю, почему он согласился на сделку.

— Итак, как нам схватить его? — спросил Ричардс. — Я могу собрать команду, но это займет...

Фишер перебил его.

— Я скажу тебе, как мы его схватим. Мы в тридцати километрах от границы. Еще через восемь километров — Сарани. Мы прилетаем, садимся на его треклятый дом, и похищаем его.

— Так просто, ха? — спросил Ричардс.

— Вообще не просто, — ответил Фишер. — Но это лучшая возможность, которая у нас есть. Полковник?

На экране, Фишер видел, как его босс сжал переносицу и закрыл на мгновение глаза. Посмотрел вверх.

— Достань его, Сэм.

БЕРД выключил двигатели и они приземлились бесшумно и скрытно, поскольку Ламберт расчистил путь для их миссии. Там, где воздушное пространство Туркменистана было как решето, пространство Ирана было стеной с группой перекрывающих радиолокационных станций раннего оповещения и зенитных ракетных батарей вдоль границы, которые взаимодействовали с командой иранских воздушных перехватчиков. Быть замеченным в Туркменистане означает привлечь внимание. В Иране же, это привело бы к огненному дождю из ракет и к истребителям, летящим со скоростью два Маха.

Сейчас Ламберт был на телефоне с Национальным разведывательным офисом, запрашивая экстренную смену орбитальной плоскости спутника, в этом случае один или два радиолокационных спутника, которые поддерживают Ирак под постоянным наблюдением. С такими названиями как Лакросс, Оникс, Индиго эти радиолокационные спутники расположены на орбите на высоте шестисот сорока километров над землей, весят пятнадцать тонн и огромны, как школьный автобус — они могут различить книгу в твердом переплете под дождем, в тумане и под покровом ночи.

— Мы загружаем обновленную карту, — крикнул Берд из кабины. — На твоём экране.

Сидя у пульта управления, Реддинг включил навигационную сеть «Оспрея». Фишер наклонился ближе, чтобы лучше рассмотреть. Новое изображение выглядело как стандартная топографическая карта, отображающая местность между местом приземления и селом Сарани, но она была расширена данными с радиолокационного спутника, добавляя трехмерную глубину, согласно географическим особенностям.

На карту был наложен слой пунктирной желтой линии, которая начиналась у текущей позиции «Оспрея», изгибалась вокруг Ашхабада, затем вилась через горы Копетдаг, и оканчивалась у скопления сооружений и пересекающихся дорог, которые образовывали деревню Сарани.

Реддинг использовал трекбол консоли, чтобы развернуть и увеличить изображение, изменяя его от вида сверху до вида от первого лица. Он покрутил колесико, и картинка скользнула вперед, как будто ястреб пролетает между крутыми стенами каньона. Реддинг снова коснулся колесика, и изображение вернулось к виду сверху.

— Заденем крылом одну из этих стен, и мы — облако пламени.

— По этому поводу я не беспокоюсь, — сказал Фишер. — Берд может пролететь на этой шутке сквозь ряд футбольных ворот на скорости четыреста узлов. Я беспокоюсь из-за них.

Он нажал на экран.

Рассеянные вдоль их курса через горы, находились пульсирующие красные квадраты — радиолокационные станции, связанные с ближайшим нахождением ракет.

ФИШЕР пошел вперед в кабину. Берд и Сэнди склонились над экраном пульта управления, изучая изображение радиолокационного спутника.

— О чем думаешь? — спросил Фишер.

— Я думаю, нужно повышение зарплаты, — пробормотал Берд, уставившись на экран.

— Доставишь нас внутрь и вытащишь невредимыми — я заплачу тебе из своего собственного кармана.

— От тебя, Сэм, я возьму стейк на обед.

— Заметано. Сможешь сделать?

— Ага, я смогу, но не гарантирую, что не побью слегка посуду.

— Тебя Ламберт, — позвал Реддинг.

Он освободил свое место Фишеру.

— Говори, полковник.

— Новая информация, Сэм. Президент разрешил бомбардировку для авиагруппы «Рейган».

Они начнут с зенитно-ракетных участков вдоль побережья от Джаска до острова Харк.

В этом был смысл, Иранские ВМС поддерживали сотни береговых ракетных батарей, многие из которых были направлены на Ормузский пролив, естественный геостратегический регион между Оманским и Персидским заливами. Различные ракеты от «Шелкопрядов» до С-801ых, покрывали каждый сантиметр воды.

Тот факт, что ударная авиагруппа «Рейган» собирается сперва атаковать месторасположение ракет, означало только одно: 5й флот готовился войти в пролив и занять позицию вдоль внутреннего побережья Ирана.

Если иранцы решатся атаковать первыми, будет выглядеть так, как будто боевая группа направилась в пролив.

— Когда? — спросил Фишер.

— Завтра утром, перед рассветом. 9й эскадрон эсминцев пойдет первым. Как только они займут позицию, можно будет ожидать множественные удары «Томагавками» в связке с авиагруппой «Рейган».

9й эскадрон эсминцев входил в состав корабельной ударной группы. «Томагавки», запущенные с кораблей, будут предназначены иранским командным, контрольным центрам и позициям радаров, находящимся глубже в острове. Фишер проверил часы: девять. У них было время предоставить доказательства, что роль Ирана во всем этом была сфабрикована Гуань-Инь Чжао.

— Влетаем через десять минут, — сказал Фишер. — Если повезет, пересечем границу вместе с Абелзадом через несколько часов. Полковник, я тут размышлял о встрече Хенга в доме Марджани. Он инструктировал Абелзада по поводу налета на военное сооружение — где-то вдоль побережья.

— Я передам твои слова. Каждая база на западном и восточном побережьях будет находиться в состоянии боевой готовности.

— Хорошо — сказал Фишер. — Если у Чжао есть туз в рукаве, то это оно. Вопрос в том, что именно это такое и когда он им сыграет?

«Оспрей» взлетел и накренился в северо-западном направлении, набирая скорость, когда они проносились на высоте девяти метров над холмами и лугами. Они летели в темноте, без навигационных огней и все источники излучения были выключены: система радиолокационного опознавания, радио, ИСПО.

Через несколько минут «Оспрей» обогнул Ашхабад, который находился в двадцати пяти километрах от бокового окна. Фишер видел свет фар, движущихся вдоль дорог и улиц.

Они миновали черный овал озера и железнодорожный путь, и затем местность стала меняться: холмы превратились в предгорья Копетдага. Реддинг сидел за пультом, смотря на ту самую карту, которую использовали Берд и Сэнди. Деревни одна за другой исчезали за ними. Фишер читал их названия на экране: Багир, Чули, Фирюза; пока они все не исчезли, и не осталось ничего, кроме пустой земли.

— Восемь километров от границы, — обратился Берд.

Фишер зашел в кабину и опустился на колени между сиденьями. Через лобовое стекло он видел гряду Копетдаг, простор зубчатых гор и линий хребта, упирающихся в темное ночное небо.

На панели управления Берда начал мигать красный свет, затем последовал звуковой сигнал. Электронный женский голос сказал:

— Внимание, радиолокационная установка...

Берд нажал кнопку, отключив голос.

— Реддинг? — позвал он.

— Я вижу. Мы на границе его действия. Оборот произойдет через тридцать секунд.

Берд обратился к Фишеру.

— Лучше пристегнись. Поездка сейчас станет бурной.

— ПРИГОТОВИТЬСЯ! — выкрикнул Реддинг. — Граница через пять... четыре... три... два... один!

Фишер вцепился в подлокотники, когда Берд совершил на «Оспрее» резкий наклон.

В кабине пикал сигнал оповещения радара. Через проход Фишер наблюдал из-за плеча Реддинга за монитором. Реддинг сменил вид на сплит-скрин: вид сверху — слева, вид от первого лица — справа. На изображении сверху: пара горных вершин впереди слева и справа были увенчаны пульсирующими красными квадратами. На изображении от первого лица: «Оспрей» капотировал линию хребта прямо в ущелье. Мелькали гранитные стены, зубчатые выступы тянулись к законцовкам крыльев.

— Смена курса через двадцать секунд, — сказал Реддинг. — Новый курс, два-два-один, резкое снижение до девяти метров.

Теперь сигналы оповещения радара накладывались друг на друга, когда рядом выросла двойная радарная станция. Фишер перегнулся в кресле и посмотрел вперед. Обзор через ветровое стекло кабины был головокружительным. Черная линия горизонта изгибалась и вращалась, пока Берд преодолевал препятствия местности.

— Зенитка в трех километрах справа по носу, — выкрикнул Реддинг.

— Избавь меня от этой морской хрени, — заорал в ответ Берд. — Просто скажи мне где!

— Три километра, справа по курсу! Меняем маршрут через три... два... один... сейчас!

Фишера отбросило на спинку сиденья, затем кинуло в стороны, когда «Оспрей» накренился. НА своем мониторе Реддинг переключился на полный экран вида от первого лица. Они летели через расщелину между скалами. Крылья «Оспрея» были перпендикулярны земле.

— Раскрывайте блевательные пакеты, — закричала от восторга Сэнди.

Сигнал оповещения радара внезапно затих.

— Что дальше? — окликнул Берд.

— Пять километров до Сарани, — ответил Реддинг. — Линия хребта быстро приближается. Нужно подняться на сто пятьдесят метров, затем резко развернуться и спикировать вниз.

Двадцать секунд они летели в тишине, и затем сигнал оповещения начал снова пикать.

— Резко влево! — выкрикнул Реддинг.

«Оспрей» крутанулся. Марджани пришел в сознание, его руки, ноги были привязаны к перегородке грузовыми ремнями, рот был заклеен скотчем. Он выдал приглушенный крик. Его глаза выкатились. Фишер подмигнул ему и помахал рукой.

— Помедленней! — заорал Реддинг. — Поворот вправо! Давай!

Фишера отбросило в другую сторону. Его ребра врезались в подлокотник. Вещмешок упал с полки на пол, отскочил от Марджани и врезался в рампу.

— Что, черт подери, произошло? — выкрикнул Берд.

— Радарная станция управления стрельбой, — сказал Реддинг. — Зенитка. Не обозначена на карте!

— Они засекли нас?

— Сомневаюсь. Мало времени, чтобы зафиксировать.

— Вот, что мне нравится слышать: оптимизм. — Выкрикнул Фишер.

— Вижу линию хребта... Эй, Реддинг, она выглядит намного выше, чем сто пятьдесят метров, — сказала Сэнди из кабины.

— Неа, сто сорок девять метров. Доверься мне, у тебя еще будет метр в запасе.

— Ох, черт... один метр. Отлично.

— Начинай взлетать через три... два... один...

Фишер не сводил глаз с монитора Реддинга. Хребет — зазубренная линия из камня и кустарников, казалось, поднялся к ним навстречу. Затем пропал. Под ногами он почувствовал, как что-то начало скрести брюхо фюзеляжа, словно гигантскими барабанными щетками проводили по барабану.

— Сними немного листьев с того дерева! — крикнул Берд.

— Ныряй, ныряй, ныряй!

Берд потянул ручку вперед. «Оспрей» капотировал. В кабине, электронный голос сказал:

— Внимание, внимание. Столкновение неизбежно. Наберите высоту, наберите высоту, наберите высоту...

— Заткни ее, Сэнди.

Голос стих и мгновенно сменился другим сигналом оповещения.

— Мы на внешнем диапазоне его действия, — сказал Реддинг. — Десять секунд до оборота. Быстрая увертка вправо, затем набираем высоту и крен влево.

«Увертка? — Подумал Фишер. — Не похоже на технический термин в авиации».

— Сколько радаров слева? — выкрикнул Берд.

— Этот и еще один, затем мы окажемся возле зоны приземления. Поворот сейчас!

На этот раз Фишер был готов. Он уперся ногами в пол, прижавшись спиной к сиденью. Сэм сжал подлокотники, пока его кулаки не побледнели. «Оспрей» казалось, практически перевернулся вверх дном. Фишер почувствовал, как желудок прильнул к горлу. Пластиковая чашка с кофе проплыла мимо его лица, затем упала на пол и укатилась прочь.

— Так вот, Берд, что ты называешь уверткой? — выкрикнул Фишер.

— Нет, сынок, это — супер увертка. Как два пальца.

— Последний радар по курсу, полтора километра, — крикнул Реддинг.

Фишер глянул на монитор. «Оспрей» летел низко, горизонтально усыпанной валунами долине. Высотомер показывал два с половиной метра. Защебетал сигнал тревоги, затем на несколько секунд утих, затем чирикнул снова.

— Мы летим ниже угла обнаружения от надира, — провозгласил Реддинг. — Волны проходят вдоль фюзеляжа.

— Надир? — повторила Сэнди. — Уилл, ты что, снова читал словарь?

— Это значит...

— Я знаю, что это значит, дурачок.

— Передай управление, — выкрикнул Берд. — Ландшафт поднимается вверх. Они нас засекут.

— Резкий поворот вправо через семь секунд, — ответил Реддинг. — Курс ноль-девять-восемь.

— Я ничего не вижу! — крикнула Сэнди.

— Это ущелье. Доверься мне, оно там.

— Насколько широкое?

— Достаточно. Приготовиться... Три... два... один, пошел!

РЕДДИНГ был прав: ущелье было достаточно широкое, но не слишком, и Фишер слышал, как Берд, сделав корректировку курса, уворачиваясь от горных пород и бормоча в кабине:

— Не попал... не попал... не попал...

Тридцать секунд этого бормотания, стены начали расширяться, когда ущелье переходило в еще одну долину.

— Приближаемся к зоне высадки, — выкрикнул Реддинг. — Плавный поворот налево, затем вы увидите узкую речушку. На правом берегу зона высадки.

— Вижу, вижу... Жарковато, проклятье! Если это не самый сладкий кусок земли на планете... — выкрикнул Берд через тридцать секунд.

ОН приземлил «Оспрей» и Фишер, отстегнувшись, принялся надевать снаряжение. Реддинг притянул ему ОПСАТ.

— Он обновлен новой картой. Там военный блокпост, примерно в шести с половиной километрах от Коппоза. Они отправляют регулярные патрули, однако в такой местности ты их за два километра услышишь.

Фишер кивнул и пошел в кабину. Берд откинулся на спинку сиденья, бутылка «Гаторейда» была на полпути к его рту. Волосы были мокрые от пота.

— Вы оба, отлично полетали, — сказал Фишер.

— Рады стараться, — ответила Сэнди.

— Держите двигатели теплыми. Если вы мне понадобится...

— Девяноста секунд после твоего вызова, и веревка будет болтаться над твоей головой.

ФИШЕР быстро спустился по рампе, затем повернулся и побежал. Ему предстояло покрыть расстояние в полтора километра, прежде чем долина раскрывалась в чашу, в которой располагалась Сарани, и в этот час ночи он сомневался, что кто-то попадется ему на пути. Однако, Сэм менял свое направление, виляя между валунами и останавливаясь каждые сто метров, высматривая признаки движения или тепла.

В лунном свете местность выглядела загадочно: острые шпили скал, возвышающиеся на темном небе, отвесные стены, скопления валунов, некоторые из них были размером с дом. Земля была настолько мелкая, что напоминала муку; каждый его шаг вздымал облачко пыли, которое висело в воздухе.

После двенадцати минутной пробежки, ОПСАТ оповестил, что Сэм приближается к цели, поэтому он замедлился и начал пробираться вперед, передвигаясь от камня к камню, пока земля не стала возвышаться к линии хребта. Он упал ниц и пополз к краю.

Внизу на противоположном склоне, в километре отсюда, располагалась Сарани. Везде было тихо и темно, за исключением нескольких огней в окнах. Вдалеке дважды гавкнула собака, затем наступила тишина. Звук эхом отразился от скал и затих.

Сарани была скоплением построек из сырцового кирпича бледно-желтого и кремового оттенков. В центре деревни располагалась центральная площадь и небольшая мечеть. На дальней стороне склона некоторые дома возвышались на несколько ярусов, задняя часть верхнего яруса упиралась в утес. Фасад каждого дома имел арочный проход.

Фишер проверил карту ОПСАТа, вращая и приближая, пока не нашел дом Кавада Абелзада. Это был один из тех домов, которые упирались к утесу. Он приблизил и осмотрел в НВ, все было чисто, затем в режиме ИВ. И снова ничего. Сэм уже хотел отвернуться, когда заметил красный проблеск. Вниз по дороге, рядом с домом Абелзада, он увидел чью-то руку. Кто-то был там, сидел в темноте. К нему был прислонен объект. Фишер сразу же узнал форму АК-47.

Где был один телохранитель, должны быть и другие — особенно учитывая, кем являлся Абелзада. Тысячи фанатичных последователей, было неизвестно, сколько людей в этой деревне (здесь он родился), отдадут свои жизни, чтобы защитить его. Практически все, подозревал Фишер, и, вероятно, поэтому Абелзада бежал сюда после освобождения из тюрьмы. Если бы Тегеран снова захотел его поймать, им пришлось бы пробивать себе дорогу.

Фишер осмотрел склон, высматривая уязвимые места, и остался недоволен. Дорога к дому Абелзада проходила через деревню и вверх по узкой тропинке. Если кто-нибудь выглянет в окно и увидит его, то Сэм окажется в неминуемой ловушке.

Поэтому оставался единственный вариант.

ЕГО вариант прибавит еще час ко времени пребывания на задании, но не облегчит его. Идти через деревню — самоубийство.

Сэм отполз назад, повернулся и скользнул вниз на заднице по рыхлой породе, пока не добрался до дна. Он выбрал карту на экране ОПСАТа и потратил пять минут прокручивая и приближая, пока не нашел то, что искал.

Сэм побежал.

Путь, в котором Сэм видел способ пробраться внутрь, уводил его по широкой дуге вокруг Сарани и начинался от расщелины в стене каньона. Расщелина была не меньше трех метров шириной и в пять раз выше. Спустя несколько сотен метров расщелина разветвлялась, одна ветвь уходила на восток, а вторая — на запад. Фишер выбрал восточную ветвь, и шел, пока высохшее русло ручья не разделило расщелину пополам, вдоль ручья он прошел в северном направлении еще полтора километра, пока стены не перешли в сухой овраг. Каменные стены здесь были более гладкими, тысячелетиями омываемые водами сезонных рек. Фишер остановился перевести дыхание и проверить ОПСАТ. Он находился точно на западе от Сарани.

Сейчас будет видно, уделял ли он внимание школьным урокам географии.

Во время сезонных дождей, этот овраг будет направлять стоки с возвышенностей Копетдага, и снимки местности с радиолокационных спутников показали, что края над плоскогорьем были зазубрены за тысячелетия наводнений. В сезон муссонов, наводнения означали водопады; в сезон засухи, естественные ступеньки.

Отняло пятнадцать минут, чтобы найти то, что он искал: глубокий, вертикальный излом в скале с плавным подъемом и множеством зацепок. Сэм принялся взбираться.

В полутора метрах от вершины он замер. Закрыв глаза и прислушался. Ветер изменил направление, со свистом неся вниз и приносил с собой запас горящего табака. Сэм сделал распорку ногами в изломе, затем вытащил SC-20 и переключил селектор на режим «Всевидающее око». Он сделал поправку на ветер и выстрелил.

Сэм зачехлил SC-20, затем пролистал экран на ОПСАТе и установил инфракрасный режим на «Всевидающем око». Плоскогорье отображалось как холодный синий овал. Слева от Фишера, за границей плоскогорья, он видел слабые тускло-оранжевые цвета; это были остывающие огни печей в домах Сарани.

В пятидесяти метрах прямо от него, две распростертые фигуры отбрасывали желтый, красный и зеленый цвета. Они были скрыты за камнями вдоль северного и западного края. Снайперы, по одному на каждый каньон, ведущий в Сарани.

«Коварные, господа, — подумал Фишер. — Но недостаточно».

«Всевидящее око» улетело прочь, скользя над Сарани, вниз в каньон. Он оставил его в километре от деревни, а затем передал сигнал самоуничтожения.

Фишер преодолел последние метры к вершине, затем осторожно перелез через край и прополз несколько метров к валуну. Он подпер о валун SC-20 и посмотрел в прицел. Так как Сэм знал куда смотреть и что искать, каждый снайпер четко отображался в зеленом цвете НВ. Фишер не беспокоился о расстоянии, однако ветер над плоскогорьем сильно надувал.

Он приближал масштаб, пока не выставил центр перекрестия на голове первого мужчины, затем отрегулировал прицел на сорок пять сантиметров вправо. Выстрелил. В цвете ночного тумана, пуля попала за правое ухо. Фишер уменьшил масштаб, сфокусировался на следующем снайпере, приблизил, сделал поправку на ветер, а затем выстрелил.

Поскольку ветер дул в спину, следовательно, именно так распространялся и звук, Фишер не спешил переходить плоскогорье, используя ОПСАТ, он вышел на позицию, которая располагалась прямо над целью. Сэм остановился в метре от края, затем прополз остальной путь и посмотрел вниз.

«Придется полюбить GPS», — подумал он.

ОН посмотрел вниз на задний двор дома Абелзада.

Задний двор был отделан неотесанным кирпичом и обнесен двухметровой глиняной стеной. У подножия утеса, в углу двора, росло гранатовое дерево. Справа от Фишера, на скамейке, в стороне от прохода, сидел вооруженный АК-47 человек, которого он видел ранее. Человек держал винтовку на коленях, и, казалось, натирал ее.

Фишер попятился назад и пополз вправо, оказавшись над гранатовым деревом, затем быстро передвинулся к краю. Он вытащил световую палочку из кармана на поясе и кинул ее. Она упала за деревом. Удар активировал свечение. Свет сразу же привлек внимание человека, он поднялся и пошел к ней. Он обошел дерево и наклонился, чтобы поднять палочку. Фишер выстрелил ему в затылок.

ФИШЕР вставил скальный крюк в трещину, зафиксировал веревку в карабине, затем начал спускаться лицом вниз. В трех метрах от земли, Сэм поравнялся с крышей дома, затем медленно начал клониться назад, пока не оказался вверх ногами.

Задние двустворчатые двери были открыты. Через них Фишер увидел что-то похожее на обеденный уголок и рядом с ним кухню. Вниз по коридору он увидел тень от мерцающего огня, танцующую на стене.

Сэм выпрямился, спрыгнул последний метр, затем отстегнулся и зашел за гранатовое дерево. Выждал минуту, осматриваясь и прислушиваясь. Ничего.

Он двигался к задним дверям.

Со стороны дорожки закрипели ворота и, захлопываясь, лязгнули. По гравию захрустели шаги. Фишер вытащил свой пистолет, подошел и прижался к стене. Несколько секунд спустя на дорожке появилось дуло АК-47, за ним следовал мужчина.

— Самад? — прошептал мужчина. — Самад...

Фишер выстрелил ему в висок, затем подскочил, чтобы поймать падающее тело. Когда он поймал его, левая нога мужчины скользнула под ним, осыпая гравием стену. Фишер положил его на землю, зачехлил пистолет и вытащил SC-20. Он отступил назад к дверям, заглянул в них.

Фигура пронеслась через уголок и вниз по коридору.

Фишер вошел в двери, проверил уголок и кухню, пошел вниз по коридору. Там находились дверные проходы налево и направо, в обоих темно. Он проверил их: пустые спальни. Из конца коридора донесся звук стали, бьющейся по камню, и в голове Фишера промелькнуло изображение: открытая стальная крышка бьется о каменный пол.

Он услышал шелест бумаги и свист пламени.

Фишер бросился по коридору. У края он выглянул направо, ничего не увидел. Налево, небольшая гостиная с оборванным восточным ковром, подушками на полу и открытым камином. Перед ним сидел человек, бросая бумаги в огонь.

— Ни с места! — выкрикнул Фишер.

Человек замер. Повернулся. Его профиль освещался пламенем. Это был Абелзада.

Какое-то время он изучал глаза Фишера, затем сузил свои.

— Не делай этого! — предупредил Фишер.

Даже произнеся эти слова, рука Абелзада продолжала двигаться. Из-за голенища, он схватил предмет, выворачивая его. Пистолет блеснул в свете огня. Абелзада заорал что-то — крик о помощи.

Абелзада нужен был ему живым, он должен был оставить его в живых. Поскольку тот сидел на корточках, не было гарантии, что Сэм сможет ранить его, и не было времени переключить режим SC-20. Фишер выстрелил в камин рядом с головой Абелзада. Мужчина не дрогнул, продолжал двигаться, водя пистолетом по сторонам...

Фишер прицелился и выстрелил.

АБЕЛЗАДА качнулся на пятках, затем свернулся в позу эмбриона. Его пистолет с грохотом упал на каменный пол. Фишер подбежал и проверил его. Мертв. Пуля на сантиметр не попала в бицепс Абелзада и угодила ему в подмышку. Это был выстрел в сердце.

Фишер осмотрелся, размышляя... Коробка у ног Абелзада почти полностью была заполнена бумагами. Он заметил кожаную сумку, лежащую рядом на стуле. Он схватил ее и набил документами.

Вдалеке, он услышал, как встревоженные голоса кричали на фарси.

Сэм нажал имплант.

— Щука, это Серп, прием.

— Слушаю, Серп.

— Щука, я — «Падение»; повторяю, «Падение».

Перевод: сейчас работаем в режиме бегство и уклонение.

— Отслеживайте мой маяк, в зоне высадки жарко.

— Понял, крепись, Серп. Мы в пути.

ШАНХАЙ

— СООБЩЕНИЕ из Сарани, дядя.

Чжао поднял глаза.

— Да.

— Была совершена атака. Перестрелка в деревне.

— Какова численность войск?

— Небольшая. Они предполагают менее десятка солдат.

— Тогда не иранцы. Абелзада?

— Мертв. Он сжигал материалы, когда его застрелили. Но если он заговорил...

— Не заговорил, — сказал Чжао и замолчал.

Он сложил руки на столе и на несколько мгновений закрыл глаза. Положение на доске изменилось; фигура пала. Чжао представил, как в его рядах образовалась брешь, увидел своего противника, теперь уже наверняка, движущегося вперед.

«Было ли участие Абелзада достаточным, чтобы разоблачить его стратегию? — Подумал он. — Нет, иранскому правительству нет доверия со стороны остального мира. Любое отрицание будет лишь пустым звуком».

— Как насчет команды Абелзада? — спросил Чжао.

— На позиции и готова.

— Тогда это не имеет значения. Он выполнил свое предназначение. На самом деле, это удачное совпадение. Знаешь почему?

Сюнь на миг задумался.

— Абелзада — фанатик. Возможно, он был искушен, чтобы проговориться — присвоить себе заслугу.

Чжао улыбнулся племяннику.

— Очень хорошо. Я впечатлен.

Сюнь тоже улыбнулся.

— Синхронность, да?

— Идеальная синхронность.

Остался еще один ход.

ДВА часа спустя, они покинули иранское воздушное пространство и находились в ста восьмидесяти километрах от Ашхабада, пересекая пустыню Каракум и направляясь в Афганистан.

Берд придерживался своего обещания. Восемьдесят секунд после вызова Фишера, «Оспрей», ревя, пролетел каньон и промчался над крышами Сарани, затем внезапно появился, сделал в воздухе аккуратный разворот над плоскогорьем, и опустил рампу в шести метрах от Фишера.

Запихнув документы в сумку, Сэм запер переднюю дверь, установил напротив нее настенную мину, затем вышел через задний вход и установил еще мины вдоль дорожки перед тем, как взобраться на утес и ожидать «Оспрей». Когда он забрался на рампу, Сэм услышал взрыв внутри дома Абелзада, послышались крики, затем еще два взрыва на дорожке.

«Оспрей» взлетел и Берд перешел на полную мощность, улетаая тем же путем, что и прилетел. Полдюжины бесцельных автоматных выстрелов последовали им вслед, однако «Оспрей» накренился в сторону каньона и исчез в темноте.

Вылет из Ирана прошел гладко. Имея в наличии несколько часов, чтобы изучить и улучшить план полета, Берд провел их мимо радарных станций вдоль границы без происшествий и с минимальными сигналами системы оповещения.

Теперь Реддинг и Фишер сидели в кабине, сортируя документы Абелзада.

— Ага, они все на фарси, — сказал Реддинг.

— Есть несколько на мандаринском, — сказал Фишер.

Он проверил часы: шесть часов до того, пока эсминцы «Рейган» не вошли в Ормузский пролив.

«Там, наверное, что-то происходит, — подумал Фишер. — Чжао тщательно спланировал свою игру — вероятно, потратил пару лет или больше, подготавливая почву. Он не был бы удовлетворен, если бы дал случаю окончить игру за него. Итак, каков же последний шаг? Каждая база на восточном и западном побережьях США были в полной боевой готовности.

Какое было последнее задание Абелзада, куда он должен был послать своих последователей?»

ДВА часа спустя они вошли в воздушное пространство Афганистана. Фишер сидел за пультом управления и ждал звонка, который соединил бы его с ситуационной комнатой Третьего

Эшелона. Лицо Ламберта появилось на экране. Фишер сказал без всяких вступлений: «Абелзада мертв», и затем пояснил.

— Когда я его обнаружил, он разводил сигнальный костер. Я заполучил почти все — несколько дюжин документов на фарси; несколько на мандаринском. И мы поймали Марджани. Я подозреваю, что при правильном стимуле, он расскажет куда больше.

— Будь на связи.

Ламберт вернулся через десять секунд.

— ШТАБ — вот наша лучшая ставка на переводчиков и дознавателей.

Это означало Штаб-квартиру центрального командования ВВС США на авиабазе «Аль Удеид» в Дохе, Катар.

— Дай мне свое расчетное время прибытия; я проведу тебя через воздушное пространство Рейгана.

Фишер сменил каналы, получил ответ от Берда, затем снова переключился на прежний канал.

— Мы должны заправиться на военно-морской базе в Герате. Оттуда пять часов полета.

— Я прослежу, чтобы все произошло, — сказал Ламберт. — Скажи Берду, чтобы нашел попутный ветер.

ОНИ поймали не попутный ветер, а встречный, и пять часов спустя только пересекали Мекранское побережье Пакистана в Аравийском море. Их эскорт, пара пакистанских ВВС «Мираж III», помахали крыльями и улетели, навигационные огни исчезли в ночи. До восхода оставался час, однако Фишер уже видел оранжевую грань горизонта, со стороны Индии и Гималаев.

Берд накренил «Оспрей» на запад и направился в Оманский залив. Как только они сели на новый курс, Фишер подошел к противоположному окну и выглянул наружу. Через мгновение он нашел то, что искал на поверхности океана: концентрические окружности из освещенных точек — боевое формирование «Рейган», направляющееся к устью Ормузского пролива.

Далее, вне поля зрения отсюда, военные корабли 9го эскадрона эсминцев, наверное, уже пересекают пролив, готовясь встретиться с иранскими ВМФ, должно быть Тегеран решил оспорить морские пути. Это было бы несоответствием, Фишер знал, но любой обмен выстрелами будет означать конец парирования и маневрирования и начнется война.

Из кабины по внутренней связи прозвучал американский голос:

— Щука, это Угольная пыль ноль-шесть, ответьте, прием.

— Понял, Угольная пыль, мы слышим вас.

Мы сопроводим вас к Дохе. Оставайтесь на прежнем курсе, включите пятую кнопку системы отслеживания и контроля из крейсера «Порт-Роял».

— Понял, — ответил Берд.

Фишер увидел, как за окном промелькнули стробы на крыле F-14 «Томкэт».

За ним застонал Реддинг. Он по-прежнему сидел на полу кабины с разбросанными вокруг документами Абелзада.

— Проблема? — спросил Фишер.

— Я знаю немного фарси и немного мандаринский, но я не достаточно ими владею, чтобы понять смысл.

— Еще час и мы будем в «Аль Удейде». Пусть они беспокоятся об этом.

— Да, да... Я хотел сказать, взгляни-ка на это, — проворчал Реддинг и протянул стопку бумаги.

— Очевидно, что Абелзада или кто-то другой переводил это, однако у нас только остатки. Например, этот символ здесь...

Фишер подошел. Когда он проходил мимо Марджани, который был все еще привязан к переборке, тот взглянул на Фишера и попытался заорать через кляп. Фишер указал на него пальцем.

— Ведите себя прилично.

Он присел на корточки рядом с Реддингом:

— Покажи мне.

Реддинг указал на один из мандаринских символов.

— Это означает змею или червя, вроде бы. И этот вот здесь ... мне кажется, этот обозначает одежду. Теперь, какой же смысл во всем этом?

— Передохни. Ты сведешь себя с ума.

Он поднялся и отошел назад к окну.

— Похоже на то ... И этот ... кот. Итак, это означает: ранний кот ловит червя в одежде?

Фишер обернулся.

— Что это было? Что ты сказал?

— Ранний кот ловит червя в ...

Фишер поднял руку, и Реддинг замолчал.

Кот. Змея. Одежда.

— Что это, Сэм?

— Ты сказал, что этот символ может означать червя или змею.

— Правильно. И кота, и одежду.

— А может означать шелк?

Реддинг подумал и пожал плечами.

— Да, полагаю, что может. Что...

— «Шелкопряд», — пробормотал Фишер.

ФИШЕР поспешил к пульта и вызвал Ламберта и Гримсдоттир на экране.

— Это не база США, полковник. Это именно здесь — где-то снаружи.

Он пояснил исследование Реддинга мандаринских документов.

— Один символ означает червя; одежда может быть шелком; другой символ — кот.

— Ракеты «Шелкопряд», — завершил Ламберт.

— Точно. А кот может означать «Кот-14».

Десятилетиями китайское правительство экспортировало ракеты класса «земля-земля»/противокорабельные ракеты НУ-2/3/4 «Шелкопряд» Ирану, и последние пять лет продавало быстроходные патрульные катера «Кот-14», в основном для подразделений пасдарана. Каждый «Кот» мог плавать со скоростью выше пятидесяти узлов (почти девяносто семь километров в час) и перевозить двенадцать ракет «Шелкопряд», каждая из которых имеет сто километровую дальность действия и снабжена пятьсот сорока килограммовой, уничтожающей корабли, боеголовкой.

— Боже мой, — пробормотал Ламберт.

— Хорошо, давайте все обдумаем: береговые батареи «Шелкопряд» сильно защищены, особенно сейчас. Людям Абелзада не улыбнется удача проникнуть в иранскую военно-морскую базу, выкрасть «Кот-14», и уйти сухими из воды. О чем это говорит?

— Учитывая влияние Чжао, мы полагаем, что за правильную цену он смог прибрать к рукам несколько «Шелкопрядов». Предположительно, люди Абелзада имеют собственного поставщика. Но каким образом они доставят их? Каким способом будет лучше всего атаковать формирование «Рейган»?

Фишер немного подумал, а затем сказал:

— Верфи.

— Объясни, — сказал Ламберт.

— Воздушное разведывательное подразделение «Рейган» произвело фотосъемку каждого военного сооружения на побережье. Мы ищем верфь, которая ремонтирует катера «Кот-14». Найдем один, который был на ремонте ... незначительном ... Охрана верфи не такая сильная, как на базах ВМФ.

Ламберт понял, к чему он вел.

— «Кот», который на ходу, но без ракет.

— Точно.

ГРИМСДОТТИР приступила к работе и вернулась спустя десять минут.

— У иранских ВМС в эксплуатации двадцать шесть катеров «Кот-14». Двадцать два из них находятся в рабочем состоянии, и ВМС следят за каждым из них. Ни один из катеров не расположен ближе, чем в ста двадцати километрах от формирования. Четыре стоят в доках — один для смены экипажа и три для ремонта или переоборудования.

— Выведи верфь на мой экран.

На мониторе отобразился вид сверху иранского побережья. Два пятна были отмечены красными кругами: один в Халилех, к югу от бушерской военно-морской базы в глубине Персидского залива, и один возле Кордапа, недалеко от устья Ормузского пролива.

— Мы только что пролетели над Кордапом, — сообщил Фишер Ламберту. — Свяжитесь с крейсером «Порт-Ройал» и скажите им, чтобы отстали от нас. Мы будем кружить и проверять.

— «Томкэты», — произнес Реддинг.

— Они с «БАРКАПА», — объявил Фишер. — У них нет ракет «воздух-земля». Им придется выделить несколько «Хорнетов».

— Насколько ты в этом уверен, Сэм? — спросил Ламберт.

— Пятьдесят на пятьдесят. Если мы ошибемся — хорошо. Если мы окажемся правы...

— Ладно, оставайтесь на связи, я сейчас к вам вернусь.

Фишер поднялся и побежал в кабину.

— Берд, сбрось скорость и приготовься к развороту.

Ламберт вернулся. Фишер принял звонок в кабине.

— За вами больше не следят, — сказал Ламберт. — Только не делай резких поворотов в сторону формирования.

Фишер кивнул Берду и тот осторожно сделал «Оспреем» плавный разворот.

— Они направили самолеты в Кордап? — спросил Фишер.

— Нет. Мне вежливо отказал руководитель Штаба. Он сказал, что у них нет времени на сумасбродные идеи. Им известно месторасположения всех катеров «Кот-14».

— И давно?

— Не знаю. Каково расчетное время прибытия в Кордап?

— Тридцать, — пробормотала Сэнди.

— Полчаса, полковник.

— Не сбрасывайте скорость. Иранские F-16тые в воздухе; у них перепалка с БАРКАПАми «Рейгана».

Они стали довольно агрессивными.

Тут вмешался Берд:

— Полковник, мне нужно разрешение для посадки в Дубае.

— Что? Зачем?

— Доверьтесь мне. Объясню позже.

— Ладно...

Выйдя из эфира, Фишер спросил Берда:

— Что ты задумал?

— Небольшую хитрость. Иранцы отслеживали нас с тех пор, как мы покинули Пакистан. Я захожу на посадочную полосу в Дубае. Сброшу немного высоту, чтобы имитировать посадку, затем, когда будем находиться ниже радара, мы повернем назад. Так мы потеряем немного времени, но это спасет наши задницы от ракеты.

Фишер улыбнулся.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Берд постепенно снижался, сначала вошел в воздушное пространство ОАЭ, а затем пересек береговую линию. Когда их высота достигла тридцати метров, он резко накренил конвертоплан и развернулся на обратный курс, направляясь в Оманский залив. Двадцать минут спустя Берд окликнул:

— Впереди иранское побережье. Верфь Кордапа в пяти километрах точно по носу. Включаю ИСПО.

— Выведи мне изображение, — крикнул Фишер и уселся за консоль.

Изображение с ИСПО появилось на мониторе; оно походило на рентгеновский снимок. Когда Фишер просматривал изображение, оно медленно скользило над поверхностью океана.

— Верфь в полутора километрах, — сообщил Берд.

В кабине раздался звуковой сигнал оповещения о радаре.

— Они пока просто прощупывают нас, — сказал Берд. — Они еще не засекли нас.

Десять секунд спустя: — На краю ИСПО что-то должно быть заметно.

И Фишер заметил. Верфь Кордапа, заключенная сушей в клещи, появилась в поле зрения. Фишер отчетливо разглядел четыре пирса, несколько кранов, выступающих в небо, и группу зданий по производству и ремонту судов. Он насчитал четыре корабля в доке.

— Поворачивай вправо, — произнес Фишер. — Надо получше разглядеть пирсы.

Берд немного накренил «Оспрей» и направил нос на пирсы.

Фишер изучал каждое судно. «Кот-14» имел уникальные очертания, в основном из-за сдвоенной пусковой установки «Шелкопряд», выступающей под углом с левого и правого бортов палубы.

— Здесь нет, — сказал Фишер.

— Ты уверен? — спросил Реддинг.

— Уверен. Берд, поворачивай обратно. Убираемся отсюда.

«Оспрей» накренился, пролетая над верфью, и помчался обратно над водой. Полторы минуты спустя они находились вне иранских территориальных вод.

Берд начал подъем.

«Проблемы», — решил Фишер.

В обычных обстоятельствах он бы не стал беспокоиться об одиноком сторожевом катере, расположенном вблизи «Рейган».

Заградительные корабли, в основном крейсера, оснащенные системой «Иджис», отследили бы и уничтожили «Кота» задолго до того, как он оказался бы на расстоянии дальности действия «Шелкопряда».

Но обстоятельства не были обычными.

Формирование «Рейган» было разделено: 9й эскадрон эсминцев направлялся через Ормузский пролив, остальные заградительные корабли размещались так, чтобы предоставить пространство для маневра. Устье пролива было не более десяти километров шириной — плотный строй для всего боевого формирования. В таких условиях катер смог бы подобраться достаточно близко для удара. И, по крайней мере, один «Шелкопряд» из двенадцати может во что-нибудь попасть.

— Вызови Ламберта, — крикнул Фишер. — Нужно, чтобы он связался со Штабом...

— Придержи коней! — крикнул Берд. — Проверь монитор, Сэм.

Фишер взглянул на монитор. Впереди, в инверсном изображении ИСПО, был «Кот-14». Он неподвижно стоял в воде рядом с грузовым судном. Подлетев ближе, Фишер смог различить на палубах обоих судов фигуры, дерущиеся за укрытие.

Из кабины донеслась тревога оповещения радара.

— Нас засекли! — заорал Берд.

Тревога перешла в равномерный гудок.

— Ракета захватила цель!

На мониторе, Фишер увидел ореол белого цвета, появившийся на корме катера.

— Произведен запуск! — заорал он. — Переносной зенитно-ракетный комплекс. С левой стороны!

«Оспрей» сильно накренился. Фишер слетел с кресла. Он и Реддинг столкнулись, и их швырнуло на стол. Сэм схватился за грузовой ремень и подтащил Реддинга к нему.

— Активное самонаведение! — выкрикнул Берд. — Она вышла на нас.

«Оспрей» вновь накренился.

— Отстрелить тепловые ловушки! — крикнул Берд.

Раздалась серия частых хлопков снаружи «Оспрея».

— Тепловые ловушки выпущены! — ответила Сэнди.

Проследовали три долгие секунды.

До Фишера донесся глухой звук справа от конвертоплана.

Множество рваных отверстий размером с четвертак появилось в фюзеляже.

— Сбили! — выкрикнула Сэнди.

Через дверь кабины Фишер видел, как руки Берда и Сэнди перемещались от одного блока управления к другому, их голоса сменяли друг друга при проверке важных показаний воздушного судна: давления масла, гидравлики, температуры, топлива...

— Мы в порядке, мы в порядке, — отозвался Берд.

— Где «Кот»? — спросил Фишер.

— Справа, в трех километрах. Они в пятидесяти километрах от внешнего кольца боевого формирования.

«Уже в пределах дальности действия ракеты», — подумал Фишер.

Он вбежал в кабину пилотов.

— Можете подлететь спереди от них и выровняться справа от их носа.

— Да... Что у тебя на уме?

Фишер рассказал им.

Берд поглядел искоса на него.

— Господи, Сэм... Так мы получим еще одну ракету. В этот раз нам явно повезло. В следующий раз удача может отвернуться.

Фишер понимал это, но если люди Абелзада сумеют выпустить хотя бы одну ракету «Шелкопряд» в корабль ВМС США, то избежать войны будет невозможно. Иранский вооруженный сторожевой катер, подстерегающий на иранской верфи...

Уже через несколько часов американские военные самолеты и крылатые ракеты начнут бомбить Иран.

— Выполняй, — приказал Фишер.

ПОКА Берд поворачивал и выравнивал хвост «Оспрея» относительно уже отстававшего на полтора километра «Кота», Сэнди пыталась вслепую связаться по радио с боевой группой по каналам экстренной связи.

— Боевая группа «Рейган», это Щука.

Внимание, к вашему внешнему кольцу быстро приближается иранский сторожевой катер в направлении один-ноль-девять.

Боевая группа «Рейган», это Щука...

Реддинг, сидящий перед панелью управления, сообщил Сэму:

— Скорость «Кота» — сорок пять узлов и продолжает расти. Расстояние до боевой группы — сорок километров.

С такой дистанции «Шелкопряд»,двигающийся со скоростью 0.9 Маха, достигнет наружных заградительных кораблей менее чем за две минуты.

— А мы где?

— В восьмистах метрах перед ними, прямо перед их носом.

— Берд, мне нужна рампа, — сказал Фишер.

— Спускаю рампу.

Сэнди выкрикнула:

— Хорошо, мы привлекли внимание боевой группы «Рейган». Крейсер и фрегат отделились от строя. Они поворачивают, направляясь к нам.

Рампа с визгом опустилась и установилась в одном положении. В предрассветном мраке Фишер видел как потоки воздуха от двух пропеллеров «Оспрея» высекают двойной след на поверхности океана. Позади, он видел как нос «Кота» рассекает волны.

— Начиная сбавлять скорость, Берд, — приказал Фишер. — Как далеко, Уилл?

— Четыреста метров.

Фишер опустился на колено. Он открыл правую переднюю защелку, удерживающую «Попрыгунчик» на полу. Перешел к следующей и повторил процесс.

В кабине начал выть сигнал наведения ракеты.

— Они снова нас поймали! — заорал Берд.

Фишер пробрался к задним крепежам, отстегнул один, затем перешел к следующему. Он выглянул из-за рампы и разглядел силуэт мужчины, вырисовывающийся на восходящем солнце, который стоял на левом крыле мостика.

Большой длинный предмет располагался на его плече.

Фишер понял, что это ракетница, и в этот момент струя пламени вырвалась сзади пусковой установки.

— Пуск ракеты, — выкрикнул он и отстегнул последний крепеж.

Сэм оперся плечом на «Попрыгунчика» и толкнул.

Время для него замедлилось. Вой сигнальной сирены приглушился, как и голоса Берда и Сэнди, звучащие из кабины.

«Попрыгунчик» соскользнул с рампы, отскочил от водной поверхности, затем у него задрался нос, и он начал кувыркаться. В последнюю секунду кормчий, должно быть, заметил надвигающуюся опасность. Он попытался повернуть, но было слишком поздно. «Попрыгунчик» обрушился своим бортом на мостик «Кота». Фишер мельком увидел, как разрушился мостик, извергнув обломки, прежде чем Берд заложил резкий вираж вправо.

— ... держитесь... активное самонаведение! — выкрикнул Берд. — Поднимайте рампу, поднимайте. Отстрелить тепловые ловушки!

— Тепловые ловушки выпущены!

Фишер почувствовал на своем плече руку, которая оттаскивала его от поднимающейся рампы.

— Готовься к удару. — Прокричал Берд. — Она нас достала...

«Оспрей» шатнуло вправо, словно ударили гигантским молотом. Рваное отверстие размером с баскетбольный мяч образовалось в фюзеляже.

Послышался голос Берда:

— Двигатель подбит, двигатель подбит!

— ... выключай!

— ... ликвидация пожара!

ЭТО заняло две минуты, но благодаря совместной работе, Берду и Сэнди удалось выключить поврежденный двигатель и потушить огонь. Только с одним двигателем «Оспрей» отклоняло вправо.

Фишер повернулся к Реддингу.

— Готовь канат для спуска.

Затем он подошел к кабине пилота.

Сэнди отправляла сигнал бедствия:

— Боевая группа «Рейган», это Щука. Помогите, помогите, помогите. Нас подбили ракетой.

— Где он? — спросил Фишер. — Где «Кот»?

— К черту, я не знаю...

— Найди его. Доставьте меня на палубу.

— Что?

— Нам надо знать наверняка, Берд. Доставь меня туда.

Берд повернул неповрежденный мотор на три четверти от горизонтали и начал разворачивать «Оспрей» вокруг своей оси, пока они не увидели из бокового окна катер. Он неподвижно стоял на воде. Берд завис над кормой. Фишер пристегнулся к канату, выпрыгнул из двери и со свистом приземлился на палубу. Он отсоединил канат, вытащил SC-20 и щелкнул переключателем на «Липкий шокер».

Лодка была разгромлена. «Попрыгунчик» взорвался при ударе, уничтожив верхнюю часть легковесной конструкции «Кота». Куски стекловолокна и алюминия усеивали палубу. Стекло хрустело под ногами Фишера.

Справа он увидел движение. Сэм повернулся. С нижней палубы по лестнице, спотыкаясь, поднимался член экипажа. Его лицо было в крови. В одной руке он держал пистолет. Фишер выстрелил. Шокер угодил тому в грудь. Он напрягся, дрожа несколько секунд, затем скатился по лестнице обратно вниз.

Фишер услышал стон. Он склонил голову, стараясь определить, откуда он доносится. Стон повторился. Фишер обернулся и увидел человека, лежащего на крыле мостика. Беспомощно тянувшийся к перилам, он пытался подняться. Фишер оставил его на прежнем месте и продолжил двигаться, направляясь к корме. Когда он нырнул у правого борта под пусковую установку «Шелкопряда», Сэм услышал ровный пикающий звук, идущий слева. Он присел на корточки и оглядел основание пусковой установкой.

С левого борта перед люком доступа пусковой установки на коленях стоял человек. Красная лампочка мигала внутри панели. Мужчина нажимал на кнопки. Фишер поднялся и подкрался сзади.

— Эй, — позвал он.

Мужчина на мгновение замер, затем взглянул через плечо.

— Что я говорил тебе, насчет игры с ракетами? — сказал Фишер.

Мужчина развернулся к панели, поднося пальцы к кнопкам. Фишер выстрелил ему в спину.

ОН нашел внутреннюю лестницу и последовал к нижним палубам. Там Сэм нашел еще троих матросов: одного мертвого и двух живых в различных состояниях сознания. Он вошел в машинное отделение и обнаружил последнего человека, прячущегося в углу за паропроводом.

Фишер направил SC-20 на него.

— Убей меня, — побормотал мужчина. — Убей меня ...

Фишер потряс головой.

— Прости, приятель, не могу помочь тебе. Тебе назначено свидание с допрашивающим.

АВИАБАЗА АЛЬ УДЕЙД, ДОХА, КАТАР

Капитан ВВС открыл дверь конференц-зала и махнул Фишеру. Фишер сменил свой тактический костюм на запасной комбинезон пилота, который ему выдали. Комбинезон был слишком узким в паху. И когда Сэм шел он чувствовал себя смешным.

Конференц-зал был пуст за исключением дюжины стульев и несколько картин на стене, изображающих различные события в истории ВВС. Вверху на дальней стороне находился плазменный экран. Там был Ламберт.

— Привет, Сэм.

— Полковник.

— Классные шмотки.

— Когда мы уедем отсюда?

Сорванная атака «Кота» на военное формирование вызвала резкую реакцию.

Группа «Рейган», сопровождаемая крейсерами «Иджис», изменила курс и направилась к выходу из Оманского залива вместе с 9ым эскадром эсминцев, следующих в арьергарде.

Крейсер и фрегат, которые отделились от формирования, чтобы перехватить катер, прибыли через сорок минут после того, как Фишер опустился на катер. Абордажная команда фрегата нашла Фишера сидящим на корме, в окружении пяти людей Абелзада, все они были связаны и с кляпом во рту.

Теперь, двенадцать часов спустя, его, Реддинга, Берда и Сэнди все еще держали здесь тайно. Очевидно, что за них кто-то поручился и ограничили доступ, и это устраивало Фишера — за исключением того, что никто не мог или не хотел рассказать о том, что же творилось в мире. Конечно же, учитывая, как они добрались до места происшествия и что они с собой привезли — украденный иранский быстроходный катер с двумя ракетами «Шелкопряд» на борту; горстку иранских радикалов; и возмущенного бывшего туркменского министра обороны — Фишер их не винил.

— Ты, бесспорно, знаешь, как эффектно появиться, — сказал Ламберт.

— Совсем не так, как я предпочел бы, полковник.

— Я знаю. Тем не менее, ты выполнил работу. И это главное.

Фишер кивнул.

— Какие новости в мире? Что с биржей? Какие хорошие книги прочел в последнее время? У нас с Ираном война?

Ламберт усмехнулся.

— Нет, мы не в войне. Документы из дома Абелзада вместе с его людьми с катера сделали свое дело. На самом деле, ирония — это то, что нужно узреть: они были настолько обеспокоены тем, чтобы отплатить «славной атакой Великому Сатане», что не переставали болтать с тех пор, как приземлились. Их фанатизм — самый худший враг.

Связей, обнаруженных нами между Чжао, «Трего», Слипстоуном и Абелзадом, оказалось достаточно для президента.

Пока мы сейчас говорим, Саудовская Аравия через неофициальный канал доставляет сообщение от президента США в Тегеран.

Как там отреагируют, никто не знает, но поскольку проблему с Абелзадом они не сумели решить, то полагаю, что они ухватятся за эту возможность обоюдной отмены боевой готовности.

В течение следующих нескольких дней формирование «Рейган» будет медленно отходить в Аравийское море, и Иран отзовет основную часть своих военно-морских сил на базы.

— И как все это объяснят миру? — спросил Фишер.

— Хороший вопрос.

— И это не наша забота.

— Верно.

— Что насчет Чжао? — поинтересовался Фишер.

— Где-то в этом часу китайский посол будет в Овальном кабинете. Ему сообщат то же, что и Тегерану: Чжао был вашей проблемой, вы позволили ему уйти и ничего не предприняли. Отдайте его нам по-тихому или мир узнает, как главарь китайской мафии, в чьем кармане половина Пекина, убил пять тысяч американцев, превратив город в Нью-Мексико в свалку радиоактивных отходов, и почти начал Третью мировую войну.

— И если они откажутся сотрудничать, Чжао ляжет на дно?

— Он не сможет прятаться вечно, — ответил Ламберт.

СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ СПУСТЯ, НА БОРТУ «КРАСНОГО ЛЬВА НОЛЬ-ШЕСТЬ»

ГОЛОС пилота прозвучал в импланте Фишера:

- Сэр, мы пересекаем границу.

- Как наши дела?

Офицер по радиоэлектронной борьбе ответил:

- Пусто. На земле никому нет дела, мы же на маршруте Корейских авиалиний в Москву.

В действительности они летели на МС-130Е «Комбат Тейлон». Благодаря ЦРУ, код ретранслятора, которым они пользовались, был подлинным, совпадал с коммерческим рейсом из Сеула Корейских авиалиний, и с подобным официальному плану полета.

- Расстояние до сброса? - спросил Фишер.

- Мы будем над сушей через двадцать минут. Предполагая, что Северная Корея не изменит своего мнения или не поднимет истребители, чтобы присмотреть за нами, то мы будем в зоне сброса через семьдесят минут.

- Разбудите меня через полчаса, - сказал Фишер.

ДВУМЯ днями ранее Иран и США начали оттягивать силы, и регион отошел от грани войны, ультиматум президента США китайскому послу вызвал в Пекине экономический спад.

Спустя восемь часов после того, как было доставлено сообщение, были проведены одновременные облавы на дома Чжао в Шанхае, Нанкине и Чанши, а также на его убежище в Сеци Маджи. Чжао нигде не оказалось, он пропал. Все пересечения границ, порты и аэропорты были в боевой готовности, но до сих пор не было ни намека на него.

Тридцать часов спустя, когда Фишер, Реддинг, Берд и Сэнди приземлились в штатах, знакомый сигнал на частотах ЦРУ был перехвачен станцией мониторинга АНБ в Японии и отправлен в Ситуационную комнату Третьего Эшелона.

- Это радиомаяк Хенга, - сказал Фишер. - Его модифицированный iPod.

- Подтверждаю, - произнесла Гримсдоттир. - Та же частота, та же модель.

- Ты можешь произвести триангуляцию сигнала? - спросил Ламберт.

- Работаю над этим...

Через две минуты у нее был ответ. Она вывела снимок со спутника на плазменную панель.

- Провинция Ляонин, северо-восток Китая. Если полагать, что Хенг до сих пор с Чжао, и они в движении, то, похоже, что он направляется только в одно место на земле, которое примет его.

- Северная Корея, - произнес Фишер.

СТАРШИЙ по погрузочно-разгрузочным работам проверил снаряжение Фишера и стропы, затем хлопнул его по плечу и проводил до открытой двери. На одиннадцати тысячах метрах проносившийся воздух был пронизывающе холоден. Находящиеся рядом с ним специалисты по погрузочным работам носили парки и лицевые маски. Фишер мог почувствовать холод у манжет своего тактического костюма и у краев резиновых прокладок кислородной маски и очков.

Он широко расставил ноги и уперся руками в дверной проход. Снаружи он не видел ничего кроме тьмы и слабой тени крыла самолета и ритмичной пульсации навигационных огней.

Он сделал вдох, закрыл глаза, представил лицо Сары.

Он почувствовал похлопывание по плечу.

Красный цвет лампочки над головой сменился желтым.

Зеленый.

Он прыгнул.

Как и при прыжке на «Трего» «Тетеревятник» с глухим звуком раскрылся в компактный клин и поднял Фишера вверх.

Он, взглянув направо, увидел, как исчезает во тьме сигнальный огонь. Звук двигателя затихал, и Фишер парил в пустоте, лишь порыв ветра подсказывал ему, что он движется.

Выпрыгнув из «Тейлона» на десяти с половиной километрах над землей и в ста восьмидесяти километрах от цели, Сэм использовал метод проникновения - выброска с большой высоты и раскрытие парашюта на большой высоте, благодаря которому, появилась возможность проскользнуть мимо радарных станций вдоль границы между Китаем и Северной Кореей.

Он проверил клеванты, сделав поворот вправо, затем влево и зафиксировал их. Сэм поднес ОПСАТ к лицевой маске и нажал на экран навигации. Гримсдоттир наложила спутниковую карту местности с семью точками маршрута. Он прорвется через слой облаков примерно на трех с половиной километрах, к тому моменту, если он останется на прежнем курсе, то поравняется с рекой Ялу, которая образовала природную границу между Китаем и Северной Кореей. Река приведет его напрямиком к месту назначения.

Исходя из фотографий высокого разрешения со спутника КН-12 «Кристалл», Чжао решил отсиживаться в заброшенном буддийском монастыре, расположенный на берегах Ялу, в пятидесяти километрах к северо-востоку от Данлонга. Как долго Чжао будет там находиться, Фишер не знал. Он подозревал, что это зависит от того, когда власть имущие в Пхеньяне договорятся прислать команду, чтобы забрать его. Фишер молился, чтобы он прибыл первым. Если Чжао удастся добраться до Северной Кореи, он будет вне досягаемости США.

На трех с половиной километрах Фишер прорвался через покров облаков. Под ним далеко внизу, виляя по местности, Ялу походила на ленточку из тусклого серебра. На другом берегу реки, вдалеке, горели группы огней из приграничной деревни или города.

Он еще раз сверился с ОПСАТОм и потянул клеванту вправо, направляя «Тетеревятник» по плавной спирали, выровнявшись со следующей точкой на маршруте, в тринадцати километрах Фишер потянул клеванты и начал снижаться.

НА высоте в девятьсот метров ленточка, которая была рекой Ялу, превратилась в водное пространство шириной в полтора километра. Вдали в шести километрах Сэм мог различить зубчатые стены монастыря и остроконечные башни, возвышающиеся над лесом вдоль северного берега. Он наклонился в этом направлении.

ФИШЕР совершил идеальное приземление на свободном от деревьев участке земли в полутора километрах от монастыря. Он собрал «Тетеревятника», ушло пять минут на то, чтобы упаковать его в рюкзак, затем он проверил свое местоположение и проскользнул в лес, держа курс на юго-восток.

Когда Сэм преодолел половину пути, он вновь повернул к Ялу и сел среди деревьев, высматривая и прислушиваясь, пока не убедился, что он здесь один, затем подполз к берегу и зашел в воду. Течение моментально подхватило его и понесло за собой. Поочередно высматривая лодки на реке и проверяя позицию по ОПСАТу, Сэм плыл в течение десяти минут, затем брассом доплыл до берега и выполз. Хотя он пока и не видел этого, он был южнее монастыря, поросший лесом трехсотметровый утес располагался перед ним.

Фишер начал свой подъем по склону, шагая от дерева к дереву, пока не обнаружил над ними просвет. Он навел свой SC-20 в небо, запустил «Всевидящее око», зачехлил автомат. По ОПСАТу Сэм изучал монастырь по зелено-черному изображению с камеры «Всевидящего ока».

Покинутый на рубеже девятнадцатого века, монастырь скорее планировался как средневековая крепость, чем как религиозное пристанище. Исходя из этого, Фишер понял, почему монастырь был покинут. Может местные жители или органы власти были враждебными? Об этом говорили каменные стены монастыря высотой в два с половиной метра и сторожевые башни, возвышающиеся по углам. Во внутреннем дворе размещались развалины трех пагод - наиболее крупная находилась в центре, а две небольшие по сторонам.

Ряд мощеных дорожек соединял каждое здание. Несколько арочных мостов возвышались над ландшафтом, перекрывая, как подозревал Фишер, когда-то бывшие ручьи и пруды. На внешней стене в нескольких местах виднелись огромные трещины, как на дорожках и пагодах. Крыша самого большого строения, казалось, была сдвинута в сторону гигантской рукой; она, практически целая, уперлась в стену пагоды. Другие два сооружения практически обрушились в нагромождение каменных блоков; на каждом блоке было то, что осталось от их крыш, в некоторых местах стены упали, обнажая внутреннюю часть помещения.

Он включил ИВ. Ничего не увидел. Если Чжао и его телохранители были внутри, то они залегли на дно, в ожидании своих корейских благодетелей, которые придут за ним. Там будут дозорные, Фишер знал это, и у него была мысль, где он найдет их.

Он отключился от «Ока» и послал сигнал самоуничтожения.

Сэм проверил карту ОПСАТа. То, что он искал, должно было находиться левее ...

ОН нашел его в десяти метрах с левой стороны - старый дренажный канал, метр шириной и полтора метра глубиной. И хотя сейчас забитый неделями и частично заполненный илом, канал продолжал действовать на протяжении многих лет, отводя воду из внутреннего двора в реку.

Фишер перекинул ноги через край и прыгнул вниз. Он переключил очки на ЭВ, проверил наличие излучения, что могло означать датчики, но ничего не обнаружил. Чжао, скорее всего, затаился, когда осознал, что его план разваливается на части, и с тех пор находился в бегах. Для него монастырь должен был стать последней остановкой перед тем, как он достигнет безопасного места.

Фишер был твердо настроен, чтобы этого не случилось.

Он начал двигаться вверх по каналу.

ПОЧТИ в пятидесяти метрах от монастыря деревья начали редеть, и он увидел внешнюю стену. Справа и слева находились сторожевые башни. Сэм вытащил бинокль и сфокусировался на башне справа.

В квадратном окне башни стоял человек, на подоконнике перед ним лежал пистолет. Фишер проверил другую башню: еще один дозорный. Они высматривали северокорейский эскорт, это, вероятно, означало, что они связались с Чжао по радиосвязи.

Он вытащил SC-20, мысленно подбросил монету, затем прицелился на проигравшего (дозорного в левой башне) и выстрелил ему в лоб.

ОН пробирался вверх по каналу к стене, и уже хотел проскочить под нее, когда в голове раздался тоненький голос — инстинкт что-то прошептал ему. Сэм остановился. Переключил трифокальные очки на ЭВ.

В полуметре, установленные на высоте бедра по обеим сторонам стены, находились источники излучения размером с книгу. Настенные мины.

Фишер лег на живот и прополз под минами. Миновав мины, он поднял голову и осмотрел местность. Сэм не заметил никакого движения, источника тепла или электромагнитных очертаний. Луна пробивалась сквозь тучи, заливая двор светло-серым светом. Справа в углу находилась дверь, ведущая в основание башни. Он вылез из канала и побежал к ней.

Внутри Фишер обнаружил спиральную лестницу. Он медленно поднимался по скрипучим ступенькам, останавливаясь и прислушиваясь каждый раз, когда делал шаг. На полпути он услышал шарканье обуви по камню. Сэм присел на корточки, вытащил пистолет и продолжил подъем.

В трех ступеньках от верха лестницы он снова опустился на корточки. Впереди был дверной проход, через который Фишер видел дозорного, стоящего у окна, его силуэт выделялся в лунном свете. Фишер зачехлил пистолет и вытащил «Сайкс». Он прокрался через дверь, затем одной рукой зажал рот охраннику, а второй — приставил острие «Сайкса» к его горлу.

— Добрый вечер, — сказал Фишер на сносном мандаринском. — Говоришь по-английски?

Фишер убрал руку и человек прошептал:

— Да, я говорю по-английски.

— Где Чжао?

— Я не знаю.

Фишер придавил «Сайкс» под подбородок.

— Я тебе не верю. Скажи мне, где Чжао и ты останешься в живых, чтобы увидеть еще один рассвет.

— Пожалуйста ... Я не знаю. Кто-то приехал ранее сегодня вечером, но я не знаю, кто это был и куда они ушли.

— Ты работаешь на Чжао, так?

— Да.

— Но ты понятия не имеешь, где он находится?

— Да, пожалуйста ...

Фишер нутром чуял, что парень не врет. Он убрал «Сайкс», и ударил парня рукоятью за ухом, позволяя телу упасть.

Маяк Хенга в iPod по-прежнему передавал сигнал. Он, казалось, шел из развалин одной из небольших пагод, возле северной стены. Фишер проделал путь через внутренний двор, затем обошел развалины каждой пагоды. Он хотел поспешить найти Хенга, но заставил себя притормозить. Если Чжао расставил ловушку, тогда эти руины изобиловали засадами.

Фишер вернулся к маленькой пагоде и проскользнул через дыру в стене. Интерьер был частично завален каменными глыбами с верхних этажей, которые открыто лежали над ним. Лестница, аккуратно расколота на две части, висела вверх у боковой стены и заканчивалась у верхнего этажа.

Фишер пробирался через завалы, следуя сигналу, пока не достиг квадратного отверстия в полу. Ступеньки исчезали в темноте. Он спустился. В конце ступенек он обнаружил коридор; тот был практически неповрежденным, и только несколько обломков камней преграждали путь. С каждой стороны тянулись вдаль дверные проемы; на дальнем конце Сэм видел квадрат тусклого света. На мгновение он растерялся, но затем сориентировался. Этот коридор тянулся под землей к подобному входу в центральной пагоде. На противоположном входе Сэм видел лунный свет.

Он проверил ОПСАТ. Маяк Хенга был в шести метрах справа по коридору. Сэм двинулся вперед, вытащив пистолет, по ходу движения проверяя комнаты. Внутри каждой комнаты было что-то похожее на остатки деревянных нар.

«Личные помещения».

Когда он поравнялся с шестым дверным проемом, значок маяка на ОПСАТе начал ускоренно мигать. Сэм прижался к стене и выглянул из-за угла.

Внутри, свернувшись на полу, лежала фигура. Фишер подошел ближе. Рядом с белым iPod лежало тело. Он переключил очки сначала на ИВ, затем на ЭВ, проверяя электромагнитные

модели, которые могут быть минами-ловушками. Ничего не было. Он вытянул ногу и перевернул фигуру. Это был Хенг.

ФИШЕР какое-то время стоял как вкопанный. Его первой мыслью была — ловушка.

Он попятился из комнаты, осмотрел коридор. Там было пусто и тихо. Рядом с дверью Сэм установил несколько настенных мин, затем вернулся к Хенгу. Он включил налобный фонарик и проверил пульс. Он был слабым, но все же он был.

Затылок Хенга был покрыт кровью. Фишер исследовал затылок пальцами, пока не обнаружил зубчатое отверстие в черепе. Ему выстрелили в голову. Кости черепа под отверстием были раздроблены и частично вошли внутрь. Фишер продолжал ощупывать, затем он обнаружил твердый комок под кожей надо лбом — пуля 22-го калибра, подумал он.

Фишер почувствовал, как его живот кипит от ярости. Выстрел был произведен как на казни, однако неумело и они оставили Хенга умирать. Пуля вошла с задней части черепа под острым углом, затем столкнулась с костью, последовала по изгибу черепа и застряла в нем.

Осторожно, стараясь держать голову Хенга неподвижно, Фишер перевернул его на спину. Он открыл каждое веко, проверяя глаза. Левый глаз был неподвижен — зрачок расширен. Мозг поврежден. Удар от пули вызвал кровотечение и опухоль в мозгу. Это было чудо, что он прожил так долго. Фишер проверил уши; из них текла кровь.

Сэм проверил тело Хенга на наличие ранений, но ни одного не нашел. Он разломал капсулу с нюхательной солью под носом Хенга. Тот что-то пробормотал и открыл глаза. Фишер успокоил его, неподвижно удерживая голову.

— Не двигайся, — прошептал он.

Хенг несколько раз моргнул, затем сфокусировался здоровым глазом на Фишера.

— Ты ... Что ты

— Не смог найти такой же iPod, как у тебя, поэтому я приехал одолжить его.

Это вызвало слабую улыбку, однако, только с одной стороны рта.

— Они выстрелили в меня... — пробормотал он. — Они поставили меня на колени. Я слышал, как взвелся курок ... Я не понимаю. Что происходит?

«Ты умираешь, — подумал Фишер. — Ты умираешь, и я ничем не могу тебе помочь».

Хенг не пережил бы поездку к точке эвакуации. Это казалось не честным. Пережить ранение в упор в голову, чтобы медленно заснуть смертельным сном, когда мозг истекает кровью.

— Ты выжил, вот что происходит, — сказал Фишер. — Доктора назвали бы это чудом.

Хенг наполовину усмехнулся. Его левый зрачок закатился и замер на месте.

— Хенг, мне нужно найти Чжао. Где он?

— Не здесь.

— Что?

Хенг моргнул несколько раз, собираясь с мыслями.

— Мы приехали сюда вчера — нет, еще на день раньше. Северные корейцы должны были, кхм ...

— Я знаю о северных корейцах. Что произошло дальше?

— Они нашли мой iPod ... они догадались. Чжао взял с собой трех или четырех человек, а остальных оставил со мной.

— Как давно это было?

— Через несколько часов после того, как мы сюда приехали.

«Проклятье. У Чжао есть двухдневная фора».

— Сэм, у него есть еще.

— Что? Что него есть еще?

— Еще материалы ... из Чернобыля. Я видел.

«ОСПРЕЙ»

ФИШЕР не сделал и двух шагов по рампе, как сказал Реддингу:

— Соедини меня с Ламбертом.

— Проблема?

— Можно сказать и так.

Фишер пошел в кабину.

— Берд, сколько до Кунсана?

— Нужно оставаться ниже радаров, пока мы не покинем Корейский залив. После этого, полагаю, что около часа.

— Лети как можно быстрее, но чтобы нас не сбили.

— Ты — босс.

— Сэм, Ламберт на линии, — крикнул Реддинг.

Фишер сел за пульт. Ламберт сказал с экрана:

— Ну?

— Чжао исчез — исчез еще более двух дней назад. Монастырь был отвлекающим маневром.

— Что насчет Хенга?

Фишер вздохнул.

«Хенг».

Стоя на коленях рядом с человеком и глядя, как он умирает, Фишер прикинул свои варианты и принял решение. Учитывая, через что пришлось пройти Хенгу — что он сделал для США — он заслужил шанс, чтобы жить, даже, если этот шанс был незначительным.

Используя остатки деревянных нар и несколько парашютных строп, которые он держал в одном из карманов, Сэм сплел клетку, которая, как он надеялся, будет поддерживать на одном уровне голову Хенга. Подсознательно он понимал, что наверняка не будет никакой разницы, однако, чем меньше Хенг будет двигать головой, тем дольше он может продержаться.

Закончив, он неподвижно уложил Хенга и еще раз осмотрел монастырь, внутри и снаружи, чтобы убедиться, что не будет никаких сюрпризов, затем вернулся внутрь, поднял Хенга и понес его вниз по склону в реку. Он обернул руки Хенга вокруг связкой досок, которые Фишер связал вместе, затем толкнул их по течению.

ШЕСТНАДЦАТЬ километров и два часа спустя они добрались до деревни Гулоуцзы. Точка маршрута мигала на карте в ОПСАТе Фишера; рядом с ней были установлены координаты широты и долготы. Он толкнул Хенга к берегу, и, следуя координатам, проделал путь вниз к бухте, пока не вышел к небольшому пирсу.

Как и было обещано, на реке ожидал сампан. Как ЦРУ организовали транспортировку, Фишер не знал, его это не волновало. Полагаясь на удачу и хитрость, одномачтовое рыболовное судно проделает остаток пути до точки эвакуации.

Фишер надел местную одежду, которую он обнаружил под задним сиденьем, затем, используя весло, оттолкнулся и поплыл туда, где он оставил Хенга.

Он плыл всю оставшуюся ночь и за два часа до рассвета, Фишер добрался до устья Ялу, где он поднял парус и направил нос лодки в Корейский залив. Спустя час из мрака появился «Оспрей», проскользив в трех метрах над поверхностью океана, и зависнув рядом с сампаном.

— ОН не выжил, — сказал Фишер Ламберту. — Он умер на пути вниз по реке.

— Мне очень жаль, Сэм. Мир не достаточно велик для него, чтобы продолжать в нем скрываться.

— А материалы? Хенг заявил, что у него сто килограммов вещества.

— Чжао борется за свою жизнь. Даже, если он у него и есть, то ему уже надоело таскать его кругом.

— Найдем его — найдем и материалы.

— Возвращайся домой, Сэм. Ты сделал свое дело.

«ОСПРЕЙ»

ЛАМБЕРТ предложил отправить «Гольфстрим» в Кунсан, чтобы Фишер смог полететь домой со столь заслуженным комфортом, однако он отказался, предпочитая лететь обратно с Реддингом, Бердом и Сэнди. Они через многое прошли вместе и это, казалось, единственно правильным, что они вместе возвращаются домой. К тому же, Фишер сказал себе, что он был настолько выжат, что не нуждался в комфорте — лишь бы откинуться на горизонтальную поверхность.

Также, ему нужно было время, чтобы расслабиться. Время подумать обо всем и ни о чем. Когда он вернется в Форт-Мид, начнутся дни подробных докладов, так как люди у власти будут пытаться собрать воедино то, что случилось в Заливе и какую роль в этом сыграл Третий Эшелон.

Было ли это чувством усталости или чем-то большим, Фишер не знал, но смерть Хенга преследовала его. Парень пожертвовал всем, чтобы помочь ЦРУ вести их войну с Гуань-Инь Чжао, когда его правительство отказалось даже пальцем пошевелить. Как сказал Ричардс, Хенг никогда не просил денег, признания или чтобы его вытащили, и Фишер это называл мужеством. И что же он получил за все это? Пулю в голову и медленную смерть на борту раскачивающегося сампана посреди реки Ялу. Хотя Фишер прекрасно понимал, часть его размышляла: если бы смог сделать или стоило сделать что-то большее.

ДРЕЙФУЯ в глубоком сне, Сэм ощутил руку, трясущую его за плечо.

Он резко открыл глаза и потянулся к кобуре на ноге, которую он снял несколько часов назад.

— Расслабься, Сэм, — сказал Реддинг. — Расслабься.

Фишер потер глаза.

— Прости. Который час?

— Чуть больше полуночи. Мы в восьмидесяти километрах от Юджина, Орегон. Ты проспал нашу дозаправку.

— И почему я сейчас не сплю?

— Ламберт звонит с личного телефона.

ФИШЕР сел за пульт.

Изображение Ламберта на экране было суровым. Фишер мгновенно проснулся.

— Что произошло?

— С тем пор, как ты покинул Кунсан, Грим пыталась собрать вместе недостающие детали. Она кое-что обнаружила. Продолжай, Грим.

— Сэм, ты помнишь «Дюрок» — яхту, которая подобрала команду с ...

— Я помню.

— Я отследила регистрационную запись. Яхта принадлежит человеку по имени Фэн Цзиньтао, китайский мафиози из Сан-Франциско. ФБР называет Цзиньтао одним из заместителей Чжао.

— Ладно, он нанял «Дюрок» и команду, чтобы те разделались с экипажем «Трего». Скажи ФБР, чтобы они арестовали ублюдка.

— Вот в чем проблема: у Цзиньтао есть еще две яхты, одна — в Монтерее, другая — в Лос-Анджелесе. Обе покинули причал около восьми часов назад без уведомления руководства порта. Мы обнаружили яхту из Лос-Анджелеса, она движется обратно в порт. ВМС отправили эсминец с командой морских котиков встретить и сопровождать судно.

— Что с другим?

— Оно наскочило на мель и было оставлено вблизи города Юрика в Калифорнии. Взгляни со спутника.

Экран Фишера сменился тоновым изображением вида сверху береговой линии. В правом нижнем квадранте он мог четко разобрать, как предполагал Сэм, яхту Цзиньтао, пришвартованную у пляжа, ее палуба была наклонена в одну сторону.

— Вот тепловое изображение, — сказала Грим.

Картинка сменилась и приблизилась. На корме яхты была точка желто-красного цвета.

— Знакомо выглядит? — спросила Гримсдоттир.

— Те же признаки, как и у «Трего», ответил Фишер.

— Да, но не такие горячие. Это остаточные признаки. Что бы ни было на борту, этого там уже нет.

ЛАМБЕРТ произнес:

— Агенты ФБР из офисов в Сакраменто и Сан-Франциско направляются в Юрику, однако они приедут туда через несколько часов. Департамент полиции Юрики и шериф округа Гумбольдт были предупреждены, однако у нет оснащения для ...

— Я знаю, — сказал Фишер, а затем обратился к Берду.

— Ты все слышал?

— Конечно. При хорошей скорости, мы будем там через пятьдесят минут.

— Летите. Мы будем держать вас в курсе дел во время пути.

ДВАДЦАТЬ минут спустя Ламберт вернулся:

— Полиция Юрики обнаружила человека, застреленного в месте под названием «Железнодорожные приключения Спрус Поинт». Он работал ночным сторожем. Там проводится одно из нововведений — поезда старого образца путешествуют туда-сюда по побережью ... чтобы увидеть гигантские секвойи, в таком духе.

— И у них пропал такой поезд?

— Боюсь, что так. Локомотив, три вагона и служебный вагон. Полиция не уверена, сколько часов уже мертв сторож, так что мы не знаем, какая фора по времени у поезда. Грим отправила на твою карту план рельсовых путей. Они идут только с севера на юг и заканчиваются у Олемы, что севернее Сан-Франциско.

Окольный путь Чжао до Сан-Франциско имел смысл, решил Фишер. После одиннадцатого сентября в десятках портовых городах, включая Сан-Франциско, были установлены детекторы радиоактивного излучения. Яхте Цзиньтао не удалось бы проскользнуть мимо них.

— Взорвите сотню килограммов радиоактивных отходов в Сан-Франциско и то, что было в Слипстоуне, покажется цветочками, — сказал Фишер. — Там будет пустошь на века. Есть железнодорожные стрелки на пути следования? Какая-нибудь тупиковая ветка или запасной путь, куда можно направить поезд?

— Пятьдесят лет назад да, но не сейчас. Маршрут идет напрямик к побережью. Мы переориентируем спутник «Кихоул», чтобы найти его, но речь идет о четырехстах пятидесяти километрах пути, который в основном пролегает через густые леса и горные проходы. Будет непросто его обнаружить, к тому же это необычный локомотив. По словам Грим, он был переделан в скоростной, и может совершать больше поездок туда и обратно. Максимальная скорость: сто километров в час.

Фишер понимал, что есть только один способ остановить поезд. F-16 или F-15 с ракетой «Пейв уэй» с лазерным наведением мог бы долететь за считанные минуты, но обломки радиоактивного материала разбросало бы на несколько километров. Что лучше, чем это случилось бы в Сан-Франциско, но для Сэма это было неприемлемо.

— Тогда пойдем сложным путем, — сказал Фишер. — Мы подлетим к железнодорожным путям.

— И что дальше?

— Дальше будем импровизировать.

«ОСПРЕЙ»

— Мы обнаружили его, Сэм, — сказал Ламберт. — Поезд в ста тридцати километрах от Юрика, между городами Сидер Крик и Блю Флэтс. Снимки со спутника на твоём мониторе, мы отслеживаем в реальном времени.

На экране был участок горной местности, покрытый густым лесом. Сперва Фишер ничего не увидел, затем из-за деревьев показался локомотив, за ним следовали три вагона и служебный вагон. Шлейф черного дыма следовал за трубой. Поезд завернул и вновь исчез в лесу.

— Грим, есть инфракрасное изображение?

— Ага, вот.

Поезд опять появился. В центре третьего вагона, который впереди служебного, располагался красно-оранжевый овал.

— Как далеко мы от него, Берд? — спросил Фишер.

— В двадцати минутах.

— Шериф округа Гумбольдт выслал спецназ. Они в воздухе, в нескольких минутах впереди вас. Они попытаются высадить команду на крышу поезда, — сообщил Ламберт.

ПЯТНАДЦАТЬ минут спустя Берд выкрикнул:

— Есть визуальный контакт. Снижаюсь до ста пятидесяти метров.

Фишер поспешил в кабину пилотов и выглянул в окно. Впереди и ниже вертолет спецназа Гумбольдта летел над служебным вагоном поезда, который шел в гору. Прожектор вертолета был сфокусирован на локомотиве, но Фишер не видел ни одного движения в кабине. Сосны и красные деревья теснились у насыпи по обеим сторонам железнодорожного пути, и казалось, их ветви почти касаются вагонов.

— Спецназ Гумбольдта, это «Федерал ноль-девять», — радировал Берд. — Занимаем позицию на шести часах от вас. Готовы оказать содействие.

— Вас понял, «Федерал», будьте наготове. Мы собираемся предпринять попытку высадить офицера на крышу.

Происходящее внизу отображалось на мониторе панели управления «Оспрея» при помощи инфракрасной системы переднего обзора, наподобие рентгеновского снимка. Фишер вытянул руку и постучал по пятну на экране. Берд кивнул и включил микрофон.

— Гумбольдт, внимание, впереди узкое ущелье. В трех с половиной километрах.

— Вас понял, «Федерал».

Вертолет увеличил скорость и снизился до высоты трех метров от крыши второго вагона. Трос был сброшен из открытой двери вертолета, и офицер выбрался наружу, прицепился к тросу и начал спуск. Фишер увидел, как появилась фигура на сцепной платформе между локомотивом и первым вагоном. Мелькнул небольшой огонек, затем еще один, и еще четыре.

По радио раздался голос пилота:

— ... под обстрелом ... под обстрелом. Затаскивайте его обратно!

Офицер дернулся, словно пораженный электрическим током, затем обмяк, повиснув сбоку.

— ... попали ... Господи, в него попали.

На заднем плане Фишер расслышал, как пули ударились о лобовое стекло вертолета.

— Я взлетаю ...!

Вертолет начал подниматься и накренился над деревьями, отлетая назад, пока не поравнялся с «Оспреем». Фишер выглянул в боковое окно. В двери вертолета двое мужчин старались поднять раскачивающегося офицера.

— «Федерал», это спецназ Гумбольдта. Имейте в виду, у нас потери и тепловое предупреждение на охладительном насосе. Я собираюсь найти место для посадки.

— Вас понял, Гумбольдт, все ясно. Удачи. Конец связи.

Вертолет опустился ниже, затем развернулся и направился на запад над деревьями.

Берд обратился к Фишеру.

— Твой выход, Сэм.

— Мы попадем под обстрел.

Берд усмехнулся.

— Чтобы нас сбить нужно что-нибудь побольше, чем та маленькая пукалка.

— Я тоже так думаю. Дай мне пару секунд над крышей, а затем сваливай оттуда.

КОГДА поезд заехал в ущелье, Берд поднялся на высоту трехсот метров и сбавил обороты, позволяя локомотиву вырваться вперед. Тот появился из дальнего конца ущелья, пыхтя черным дымом. Берд опустил нос «Оспрея» и снизился за служебным вагоном на высоту шести метров.

— Сэнди, как думаешь, какова высота этой штуковины? — спросил Берд.

— Три с половиной метра — нет, четыре. А что?

— Я не приближусь к ней ближе, чем необходимо. Сэм, ты и Уилл, приготовьтесь. Схватитесь за что-нибудь. Будет трясти.

Фишер поспешил в кабину, где Реддинг уже проверял пистолет и SC-20. Он передал их ему.

— Оба заряжены. Твои ремни.

Фишер взял их, надел, подогнал их у плеч, затем засунул SC-20 в кобуру на спине, и пистолет — в кобуру на ноге.

— Шестьдесят секунд, Сэм. Опускаю рампу, — выкрикнул Берд.

Грузовой люк открылся со скрипом. Ветер ворвался в кабину. Сквозь гул двигателей «Оспрея» Фишер слышал ритмичное пыхтение локомотива, чувствовал запах угольного дыма. Он подошел к краю рампы и присел. В шести метрах под ним проносилась железная дорога, размытые стальные рельсы и деревянные шпалы.

— Готовься, — сказал Берд. — Я подлетаю ближе.

Сцепное устройство служебного вагона попало в поле зрения, затем крыша и, наконец, люк. Фишер не сводил с него глаз и пытался не замечать деревья, проносящиеся с обеих сторон.

Фишер взглянул на Реддинга, который стоял у пульта рампы, и подал ему сигнал. Сэм собрался с духом. Рампа качнулась вниз и стукнула по крыше. Толчок был сильнее, чем Фишер ожидал, его качнуло назад, и он рухнул на задницу. Левая нога соскользнула с края. Сэм отдернул ее назад.

— Нас немного обстреливают здесь, Сэм, — крикнул Берд.

Жди... жди....

Он сделал кувырок вниз по рампе на крышу служебного вагона и распластался. Реддинг махнул ему рукой и рампа начала закрываться. «Оспрей» поднял нос, замедлил ход, затем накренился над деревьями и исчез из виду.

В конце поезда он видел две фигуры, стоящие на сцепной платформе на крыше локомотива. Стволы мелькали в угольном дыму. Сэм не мог сказать были ли выстрелы прицельными или как попало, это не имело значения. Он пополз.

Поезд рванулся вперед, набирая скорость. Фишер почувствовал, как упал его желудок и понял, что они едут вниз по склону. Он дополз до края крыши, собрался с духом, рывком надел трифокальные очки, переключил на НВ, и наклонил голову через край.

Сэм смотрел в окно. На другой стороне человек держал рацию возле уха. Он обернулся, увидел Фишера, затем поднял пистолет и выстрелил. Окно разлетелось на осколки. Фишер отпрянул, однако не достаточно быстро. Он ощутил теплую кровь, стекающую по подбородку и шее. Он сорвал с ремней осколочную гранату, вытащил чеку, про себя произнес «один, одна тысяча», и бросил ее в окно. Послышался приглушенный взрыв. Он снова выглянул через край. На полу небрежно лежал человек.

Пуля попала в крышу рядом с головой Фишера. Он посмотрел вверх и в это же время увидел, как по крыше второго вагона навстречу ему бежит человек. Сэм откатился вправо, вытащил пистолет, и произвел два выстрела. Первый прошел мимо, однако второй угодил в живот. Человек согнулся, упал на колени, опрокинулся в сторону и упал на земляную насыпь.

Фишер прополз еще метр, свесил ноги через край и спрыгнул на сцепную платформу ниже. Когда он приземлился, дверь третьего вагона отъехала в сторону. В двери стоял человек,

направляя .357 «Магнум» Фишеру в грудь. Несколько секунд они смотрели друг на друга. А затем, сзади человека показалось лицо. Это был Чжао.

— Застрели его, идиот! Застрели ...!

Фишер понимал, что уже ничего не поделать, в него будет пущена пуля. Настоящая проверка тактического костюма «Пластина Носорога». Не желая давать мужчине шанса прицелиться в голову, Фишер потянулся к пистолету.

Мужчина выстрелил. Фишер увидел вспышку из дула, услышал звук выстрела и ощутил удар молота в грудную клетку. Хотя Сэм и упал назад к двери, он выхватил пистолет и застрелил мужчину в горло. Чжао, стоящий за ним, бросился в сторону. Фишер прицелился и дважды выстрелил, но Чжао уже скрылся.

Фишер потянулся назад, нащупал дверную ручку и повернул ее. Дверь с грохотом открылась во внутрь. Его пистолет выскользнул из руки и исчез под поездом. Сэм растянулся на полу. Он перевернулся, подполз к двери и захлопнул ее.

Боль в груди была сокрушительной. Он не мог отдышаться; как будто бы наковальня стояла у него на груди. Тем не менее, все еще жив. «Пластина Носорога» сделала свое дело.

Сэм почувствовал, как пол под ним наклонился, когда поезд начал подниматься вверх по уклону. Он поднялся на ноги и осмотрелся. Горячее пятно было здесь, где-то в этом вагоне ... Вагон делил центральный проход с длинными скамьями для туристов с каждой стороны, обращенными к окнам. В трех метрах впереди Сэм увидел угол стального ящика под скамьей. Он ринулся вперед, упал на колени.

Ящик, сделанный из матированной нержавеющей стали, по размерам был не больше обычного чемодана с защелкиваемой крышкой. Сэм положил на него руку.

Ящик был теплым на ощупь.

«Попался».

Ящик сместился, скользнув дальше под скамью, так как поезд шел в гору.

Тут промелькнула мысль:

«Что Чжао планировал сделать с этим ящиком? Он бы это проработал, разработал бы план — и придумал бы нечто большее, чем просто выбросить радиоактивный мусор в залив Сан-Франциско. Нечто, что увеличит радиус заражения».

Сэм приложил одно ухо к крышке, другое — закрыл пальцем. Потребовалось несколько секунд, чтобы перестать обращать внимание на пыхтение локомотива и свист ветра,

врывавшегося через разбитое окно, но как только эти звуки отошли на второй план, он услышал что-то еще. Слабое механическое жужжание.

Наподобие маховика.

Затем промелькнула еще одна мысль:

«Униженный и гонимый Чжао, чья империя разрушена, а семья убита, не будет удовлетворен, просто позволив случиться своей мести.

Его это будет требовать, чтобы он сделал это...

Чтобы тем, кто нажмет кнопку, был он».

Фишер поднялся на ноги. Боль пронзила его грудь, и он скрючился. Сэм выпрямился и, спотыкаясь, пошел вдоль прохода, борясь с наклонным полом. Он подошел к двери и распахнул ее.

Через сцепную платформу, он увидел Чжао, сидящего в дверном проходе второго вагона, раскинувшего перед собой ноги. По крайней мере, одна из пуль Фишера достигла цели. Половина лица и шеи Чжао были в крови, и правая рука плетью висела сбоку. Глядя Фишеру в глаза, Чжао потянулся левой рукой через туловище в пиджак.

Фишер ринулся вперед, но потерял сцепление с наклоненной платформой и упал на колени. Он поднялся и попытался снова. Сэм схватился за поручень и поплелся вперед.

Чжао вытащил руку, держащую мобильный телефон. Он раскрыл мобильник и принялся что-то набирать большим пальцем. Фишер вытащил из ножен «Сайкс» и вонзил его в бедро Чжао. Он почувствовал, как лезвие уткнулось в кость. Чжао заорал и выронил телефон, который скользнул вперед к краю платформы. Фишер вытянул руку, поймал его кончиками пальцев и поднял. На экране был номер из девяти цифр. Ниже были слова: «Оправить? Да/Нет?»

Он нажал «Нет» и закрыл телефон.

Чжао лежал, свернувшись в клубок, его лицо исказилось от боли. Здоровой рукой он немощно тянулся к ножу, торчащему из бедра. Фишер ногой отбросил его руку. Он схватил рукоять и провернул. Чжао снова заорал и выгнул спину. Фишер выдернул нож и вложил в ножны. Он поднялся и посмотрел на Чжао.

— Я думаю, твой час настал, и я говорю прощай, — сказал Фишер.

Чжао не ответил, однако повернул голову и взглянул на него.

— Без ссор, — сказал Фишер. — Нам лучше разделить, пока мы еще друзья.

Он схватил Чжао за ногу и вытащил его дальше на платформу. При помощи гибких наручников он сперва пристегнул к поручню левую руку, а затем правую, которая сделала

отвратительный скрежет, когда Фишер умело ее пристегивал. Чжао стиснул челюсть и сказал сквозь зубы:

— Отправляйся в ад.

— Возможно когда-нибудь, — ответил Фишер, — но не сегодня.

Он перегнулся через перила и посмотрел вперед. Фишер увидел, что локомотив был почти на вершине склона. Он стал на колени, потянулся руками между сцепной платформой, и схватил расцепляющий рычаг. Сэм дернул его вверх.

Послышался металлический лязг.

— Что ты делаешь? — спросил Чжао.

Фишер не ответил. Он перешел на другую сторону платформы и стал на колени. Схватил второй рычаг.

— Скажи мне, что ты делаешь! — закричал Чжао.

— Честно говоря, — сказал Фишер, — я не знаю, как называют это в Китае.

Он почувствовал, как локомотив слегка приостановился, когда оказался на вершине, затем двинулся вперед и начал спуск вниз со склона.

— Но в нашей стране, это называют шах и мат.

Он потянул рычаг.

Эпилог

КИЕВ, УКРАИНА — ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ

Фишер остановился перед фигурой человека высотой в два метра. Над острым носом и длинной густой бородой, его прищуренные глаза неумолимо и пристально вглядывались, как представил Фишер, в бесплодные русские земли. В своей левой руке гигант держал украшенную рубинами палицу, вдвое большую в обхвате, чем бейсбольная бита, и увенчанную шипастым стальным шаром размером с мяч для мини-футбола.

Рядом с восковой фигурой на табличке виднелось длинное описание на кириллице, а в нижней части по-английски было написано: «Славянский воин 18-го века». Позади него была фреска, изображающая горящую деревню с женщинами и детьми, бегущими впереди солдат на лошадях.

«Еще один день в жизни обычного славянского воина из 18-го века», — подумал Фишер.

Киевский музей восковых фигур сильно отличался от музея мадам Тюссо в Лондоне. Не было фигур принца Уильяма, Брэда Питта или же Ричарда Никсона, больше всего было украинских и российских исторических фигур, которых владельцы классифицировали как «Славянский Воин» или «Святой». Независимо от их призвания или истории, Фишеру до сих пор не довелось рассмотреть улыбку у восковых фигур или у посетителей, большинство которых выглядели как местные жители. Очевидно, музей не слишком радовал туристов.

Несмотря на все это, Сэм наслаждался бездельем. Он с трудом достиг этого.

После того, как Фишер поднял второй рычаг, сцепная платформа издала еще один металлический звук.

Затем служебный и третий вагоны начали отъезжать от вагона Чжао. Фишер выбрал подходящий момент. Освободившись от третьего и служебного вагонов, неуправляемый локомотив начал быстро набирать скорость, мчась вниз по склону. Распластавшись на платформе второго вагона со свисающими ногами и привязанными к поручням запястьями, Чжао не сводил глаз с Фишера, даже когда вагон Фишера замедлился на вершине уклона, остановился и начал скатываться назад.

Фишер ринулся вдоль вагона, через следующую платформу в служебный вагон, где он нашел управление тормозом. Сэм всем своим весом налег на рычаг. Служебный вагон продолжал скатываться по уклону, но понемногу начинал срабатывать тормоз, замедляя спуск. Вагон

наполнился дымом, а рычаг нагрелся в руках Фишера, через две минуты вагон наконец-то замедлился и остановился у края склона.

Полчаса спустя он услышал шум вертолетных винтов, эхом разносящийся в проходе вагона. Неожиданно прилетели несколько «Черных ястребов» и зависли над путями. Люди в табельных синих ветровках ФБР спрыгнули и устремились к Фишеру, опустив оружие.

Часом позже прилетел четвертый «Черный ястреб» и выгрузил команду «НЭСТ», которая оцепила оба вагона, а также позаботилась о контейнере Чжао.

Когда спустя два дня он был открыт на охраняемом объекте, они обнаружили 110 килограммов радиоактивного мусора.

«Черный ястреб» был отправлен на поиски локомотива Чжао и первых двух вагонов. Они сошли с рельс в нижней части склона и упали с горы. Руки Чжао по-прежнему были привязаны к перилам. Остальная его часть лежала в шестидесяти метрах, раздавленная колесной парой поезда.

В Персидском заливе хрупкое перемирие между американскими и иранскими силами продолжало действовать, поскольку боевое формирование «Рейган» ушло дальше в Аравийское море, иранские ВВС и ВМФ продолжали отзывать подразделения.

Неделю спустя Саудовская Аравия доставила президентское послание в Тегеран, состояние боевой готовности обеих сторон вернулось в норму.

Пока аналитики и ведущие круглосуточных новостных каналов размышляли и предполагали: как и почему две страны отступили от грани войны, правительства обеих стран продолжали переговоры через Саудовскую Аравию. Соединенные Штаты не хотели признавать, что, будучи одурачены, чуть было не развязали Третью мировую войну на Ближнем Востоке, Иран, тем временем, не хотел, чтобы мир узнал, что один из их фанатиков не только был инструментом в схеме, но также непосредственно причастен к смертям 5,289 американцев в Слипстоуне. Более того, обоим президентам приближающаяся война была предварительным наблюдением, и никому не понравилось то, что он увидел.

По словам Ламберта, в овальном кабинете разгорелся спор о том, когда и как открыть миру подробности надвигавшейся войны. Из тех, на кого можно было бы свалить вину, никого не осталось в живых, и Фишер знал, что американская общественность хорошо это не воспримет. Как и ожидалось, иранцы и китайцы быстро изобразили Абелзада и Чжао негодями-преступниками, которые действовали безо всякой поддержки и ведома их правительств. Фишер подозревал, что в итоге кризис будет изображен, как «прекрасный пример многонациональных, межкультурных кооперативных усилий, которые разгромили масштабный террористический заговор». Остальное доделает СМИ, заполняя пробелы и смягчая общественное любопытство множеством книг, художественных и документальных фильмов.

Фишера больше это не волновало. Он выполнил свою работу и выбрался. Остальное — пустяки.

ФИШЕР глянул налево и увидел, как через арку прошел мужчина и остановился рядом с низкорослой фигурой, облаченной в одеяния Восточной православной церкви, в одной руке несет гигантскую Библию, во второй — бронзовое кадило. Фишер уже прочел биографию фигуры. Там было написано: «Святой 18-го века».

Вошедший мужчина остановился перед святым, несколько секунд изучал его, затем сел на скамье перед фигурой. Через несколько минут он поднялся и ушел, оставив брошюру. Фишер подошел и присел. Брошюра была сложена пополам, верхний левый уголок дважды отогнут вниз. Если бы он был сложен иначе, это означало бы для Фишера сигнал «отбоя». Не безопасно; уходи.

Был ли этот человек агентом или руководителем операции ЦРУ Фишер не знал, однако он выполнил свою работу, и это было главным. За целью велось наблюдение, и было установлено, что хвоста нет. Фишер развернул брошюру. На внутренней обложке печатными буквами было написано два слова:

«КАЗАЦКАЯ КОМНАТА».

Фишер увидел ее сидящей на скамейке, прежде чем он успел подумать, что перед ним был «Казак»: кожаные сапоги до колена, закрученные усы, рот застывший в крике, обращенном в никуда.

Фишер подошел к ней сзади и остановился.

— Если вы меня спросите, то он смотрит так сердито, потому что его кормят некачественным борщом — прошептал он.

Елена повернулась на месте. Ее глаза стали большими от удивления, рот несколько раз открылся, но она не могла произнести ни звука в течение нескольких секунд.

— Что?.. Что ты тут делаешь?

— Осматриваю восковые фигуры, а на что же это похоже?

Он сел рядом с ней.

— Мне сказали встретить моего... друга здесь.

— Он не смог приехать. Попросил меня прийти вместо него.

Елена нахмурилась от беспокойства.

— Что происходит? Я не понимаю, что происходит.

Фишер вытащил из кармана конверт, положив его на скамью между ними.

— Открой.

Она открыла, и некоторое время рассматривала содержимое, а затем сказала:

— Это — паспорт.

— Не чей-то паспорт, — поправил Фишер.

— Твой паспорт. Ты говорила, что была бы не против переехать в США, не так ли?

— Конечно, но....

— Через два часа улетает наш самолет.

Елена нахмурилась, а затем вздохнула. Она положила конверт на скамейку, колеблясь, снова взяла его.

— Я не могу просто улететь.

— Почему бы и нет?

— Я просто... просто... Я не знаю.

— Тебе решать, Елена. У меня есть связи, и я уверен, что кое-где в правительстве есть работа для биолога, знающего толк в борще.

Они просидели в тишине пять минут, в течение которых Елена, казалось, шепотом спорила сама с собой. Вдруг она повернулась к нему и сказала:

— Хорошо.

— Да?

Она уверенно кивала.

— Хорошо.

Сэм улыбнулся. Он протянул свою руку.

— Я — Сэм, между прочим.

— Не Фрэд.

— Нет.

Елена пожала ему руку.

— Приятно познакомиться, Сэм.